АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В.М. НАДЕЛЯЕВ

СОВРЕМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Морфология

Ответственный редактор
доктор филологических наук Е.И. Убрятова

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

Н17

Рецензенты
кандидат филологических наук И.Я. Селютина
доктор филологических наук К.А. Тимофеев

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Наделяев В.М.

Н17 Современный монгольский язык. Морфология. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 113 с.
ISBN 5-02-028966-3.

В монографии впервые дается систематическое научное описание морфологии современного литературного и государственного языка Монгольской Народной Республики. Приводятся типологическая характеристика языка, описание грамматических способов преобразования слов, обсуждается значение частей речи и служебных слов, их изменение и функционирование.

Книга рассчитана на монголоведов, тюркологов, тунгусо-маньчжуроведов и специалистов по общему языкознанию.

Н $\frac{4602010000-830}{042(02)-88}$ 305-88-I ББК 81.2

ISBN 5-02-028966-3

© Издательство "Наука", 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основным объектом исследования в данной книге является монгольское слово, изучаемое в грамматическом аспекте: грамматическая структура слова, грамматические его типы, образование слов, тесно связанное с их грамматическими типами, и грамматическое изменение слов *. Как известно, общее языкознание не дало пока удовлетворительной формулы, которая позволяла бы с достаточной полнотой раскрыть понятие слова. Поэтому мы даем лишь самое общее определение, приложимое к монгольскому слову и намечающее некоторые контурные линии лингвистического понятия "слово". В монгольском языке слово является выделимой, относительно самостоятельной основной языковой единицей, функционирующей в речи как отдельно, так и в сочетании с такими же однородными единицами в качестве строительного материала предложений; оно представляет собой органическое единство звуковой оболочки (построенной по законам монгольской звуковой системы), грамматической структуры (определяемой грамматическим строем монгольского языка) и смыслового содержания (определяемого с формальной стороны также грамматическим строем монгольского языка). Это общее, в основном грамматическое, определение монгольского слова будет раскрыто всем содержанием настоящей книги.

Несколько замечаний технического порядка. Монгольские слова и их части, приводимые в тексте книги в качестве иллюстративных примеров, даны в современной орфографической записи: уйл, яв-, -сан; их толкование на русском языке заключено в семантические кавычки: 'дело', 'ид/ти/'. В случаях, когда нужно показать фонемный состав звуковых оболочек монгольских слов и морфем, они приводятся в фонематической транскрипции, заключаются в квадратные скобки: [jaр̣s̄ǎŋ]. Если требуется отразить не обобщенное, а конкретное звучание монгольских слов и морфем с обязательными для полного стиля произношения оттенковыми проявлениями фонем, они даются в фонетической транскрипции и оформ-

* Публикуемая работа В.М. Наделяева, представляющая собой обработанный для печати раздел морфологии из четырехлетнего систематического курса по теории современного монгольского языка (курс читался с 1946 по 1959 г. на монгольском отделении восточного факультета ЛГУ), не утратила актуальности из-за отсутствия полного научного описания современного монгольского языка на русском языке.

ляются кавычками-"елочками": «jaβ s̃aŋ»*. Слова, взятые из старописьменного монгольского языка в качестве иллюстративных примеров, приводятся в академической транскрипции: üyile, yabuɣsan [11, с. 84-85]. Во всех случаях записи при необходимости показать морфемный состав монгольского слова его морфемы отделяются дефисом: яв-сан, [jaβ]-[s̃aŋ], «jaβ-s̃aŋ». Отдельно не употребляющиеся части слов (корни, суффиксы, в отдельных случаях основы), написанные изолированно, сопровождаются дефисом, постпозитивным у корней и основ, препозитивным у всех аффиксов.

* О применяемых здесь фонематической (иначе - фонологической) и фонетической транскрипциях по системе академика Л.В. Щербы с уточнениями и дополнениями применительно к звуковой системе монгольского языка см. [27].

Глава I

СТРУКТУРА МОНГОЛЬСКОГО СЛОВА

§ 1. Морфемы. Звуковые оболочки морфем

Монгольские слова расчленяются на минимальные (т.е. неделимые в системе современного монгольского языка) и не существующие отдельно значимые части, за которыми закреплен общий термин морфема, введенный в языковедческую практику И.А. Бодуэном де Куртенэ. Выделение еще не выявленной морфемы в составе монгольского слова, а именно выявление ее звуковой оболочки (если морфема выделима материально) и ее значения, осуществляется обычным в языкознании приемом - сопоставлением данной формы слова с другими его формами и формами других слов.

Звуковые оболочки материально выделимых монгольских морфем составляются одной, двумя и более фонемами. Например, в слове боловсруулсан: боловс-р-уул-сан [bɔlʌβs̃]-[r]-[o:l]-[s̃aŋ] «bʌɔlʌβs̃» - «rʌ» - «oʟ:lʌ» - «s̃aŋ» 'усовершенствовал'* - первая морфема состоит из пяти фонем, вторая - из одной, третья - из двух, последняя - из трех или (факультативно) из двух фонем. В зависимости от фонетических условий употребления морфем в составе слова ее фонемный состав может изменяться в количественном и качественном отношении. Например, указанная в предыдущем монгольском слове морфема -сан [s̃aŋ] приобретает другой состав фонем в слове ирсэн: ир-сэн [ɪr]-[s̃əŋ] «ʔɪrʲ» - «s̃ʲəŋ» 'пришел', меняя редуцированную гласную фонему [ʌ] на редуцированную фонему [ə]; в другой форме этого слова ирснээ: ир-сн-ээ [ɪr]-[s̃n]-[e:] «ʔɪrʲ» - «s̃ⁿ» - «e:» 'о своем приходе' - эта же морфема, лишенная гласной фонемы, состоит из двух согласных фонем, причем вторая из них - сверхслабая носовая фонема второй артикуляции [n] - заменила сверхслабую носовую фонему третьей артикуляции [ŋ]. Приведенные здесь типичные для современного монгольского языка примеры свидетельствуют, что звуковые оболочки морфем объединяются в звуковой оболочке монгольского слова не механически, автономно сосуществуя в ней; они объединяются в звуковой оболочке слова органически, образуя ее как единое целое, взаимно обусловливая при этом свой состав фонем и оттенковые проявления последних. Эти взаимно обусловленные в звуковой оболочке одного слова количественные и качественные изменения фонемного состава морфем и изменения в оттенковом проявлении их фонем не отражаются на смысловом содержании самих морфем: каждая морфема, не-

* См. раздел "Введение" настоящей работы.

смотря на ее фонетические превращения, сохраняет свойственное ей значение. По устойчивости значения морфемы с учетом закономерных фонетических процессов, свойственных звуковой системе современного монгольского языка, устанавливается тождество данной морфемы при всех ее фонетических превращениях в разных словах или в разных формах одного слова.

§ 2. Слово и грамматическая форма

Членимые на морфемы монгольские слова состоят из одной, двух, трех и более материально выделимых морфем:

чулуу 'камень' – одна морфема;

явдал (яв–дал) 'событие' – две морфемы;

сургагч (сур–га–гч) 'инструктор' – три морфемы и т.д.

При грамматическом изменении монгольского слова в абсолютном большинстве случаев изменяется состав его материально выделимых морфем, образующих грамматические формы этого слова. Например, гэр 'юрта' (грамматическая форма, представленная одной материально выделимой морфемой); гэрээс (гэр–ээс) 'из юрты' (грамматическая форма из двух материально выделимых морфем); гэрээсээ (гэр–ээс–ээ) 'из своей юрты' (грамматическая форма из трех материально выделимых морфем) и т.д.

Каждая грамматическая форма одного слова, как правило, отличается от любой другой его грамматической формы специальной морфемой, характеризуемой особой звуковой оболочкой и особым значением; любое монгольское слово в каждом конкретном случае обязательно употребляется в виде одной из своих грамматических форм. Практически это позволяет любую грамматическую форму одного слова называть данным словом; следует при этом помнить, что между словом и любой его грамматической формой имеется диалектическая связь общего и отдельного.

§ 3. Нулевые морфемы

В системе грамматических форм одного и того же монгольского слова с обычными для этих форм признаками – материально выделимыми морфемами – отсутствие специальной морфемы также является специальным показателем особой грамматической формы этого слова. Например, в двух грамматических формах глагола явах 'идти, уходить':

1) явсан (яв–сан) 'ушел';

2) яв 'иди'

– при сопоставлении их между собой выявляется общая обеим формам слова морфема яв– с основным значением этого слова. Приемом исключения в первой форме явсан выделяется морфема –сан со значением прошедшего времени*. Сопоставление значений обеих

* Остальными значениями морфемы –сан (законченность действия, причастный характер формы) пока можно пренебречь.

форм выявляет у второй формы особое значение, дополнительное к основному значению слова, а именно категорическое предписание исполнить действие, название которого является значением общей морфемы яв–. Но это дополнительное значение во второй форме слова не связано с материально выделимой морфемой: его нельзя связать с общей морфемой яв– обеих приведенных здесь форм; в противном случае это значение содержалось бы в первой форме явсан 'ушел', а она его не содержит, как это можно установить хотя бы по русскому переводу.

Таким образом, в системе многочисленных форм слова явах, характеризуемых материально выделимыми морфемами *, отсутствие специальной морфемы в форме яв 'иди' указывает на ее отличие как грамматической формы от других грамматических форм этого слова и, следовательно, должно указывать на ее отличие от морфемы яв–, общей для всех грамматических форм слова явах, в том числе и для рассматриваемой здесь грамматической формы яв. Отсутствие специальной морфемы в таких случаях на общем фоне системы грамматических форм этого слова с особыми показателями–морфемами является материальным выражением признака грамматической формы, "отрицательной формой" (Ф.Ф. Фортунатов), или "нулевой морфемой" (И.А. Бодуэн де Куртенэ).

В действительности нулевая морфема (т.е. отсутствие специальной материально выделимой морфемы) не является единственным признаком особой грамматической формы слова; существенным дополнением к ней в качестве признака служит также функция этой формы слова в словосочетаниях и предложениях, характеризуемая порядком слов, а также ритмомелодикой. Например, в отличие от морфемы яв–, существующей во всех без исключения грамматических формах слова явах, грамматическая форма этого слова яв 'иди' используется всегда в роли сказуемого или главного члена предложения, неся на себе частично или целиком ритмомелодический рисунок, свойственный побудительным предложениям монгольского языка. Но морфология обычно отвлекается от этих существенных синтаксических признаков формы слова с нулевой морфемой, фиксируя внимание на звуковой оболочке самой грамматической формы слова; в этих случаях понятие нулевой морфемы имеет первостепенное значение при формально–семантическом анализе структуры монгольского слова.

§ 4. Типы морфем

При анализе морфемного состава монгольских слов целесообразно применение обычного в языковедческой практике деления морфем по их смысловому содержанию и роли в структуре слова на

* Здесь ради упрощения приведена только одна форма явсан, характеризуемая специальной морфемой –сан.

два типа: корневые и аффиксальные морфемы, или просто корни и аффиксы.

Корневая морфема, или корень *, – это морфема с основным значением в слове. Как морфема корень не существует отдельно, вне состава слова, и, следовательно, сам по себе не может составить отдельное слово **. В ряду морфем, составляющих одно монгольское слово, корневая морфема всегда занимает первое место. Различные монгольские слова, имеющие в своем составе одну и ту же корневую морфему, являются родственными словами, связанными между собой системой словообразовательных способов и отмеченной уже общностью корня.

Вещественный корень. В монгольских словах, соотносимых по своему содержанию с отдельными явлениями действительности, корень несет в себе основное вещественное значение, т.е. значение, первичное по отношению к явлениям действительности и лишенное (в результате отвлечения и обобщения) любых сопутствующих формально-грамматических оттенков внутри каждой грамматической формы одного слова и вообще внутри каждого родственного слова. Целесообразно корни в словах данного семантического типа называть по их значению вещественными корнями, а слова этого самантического типа с вещественными корнями называть вещественными словами. Например, в словах явуулсан (яв-уул-сан) 'отправил' и явц (яв-ц) 'ход; процесс' основное вещественное значение, соотносимое с процессами передвижения в реальной действительности как их обобщенное отражение, содержится в первой морфеме яв- 'ид/ти/', которая и является вещественным корнем, общим для обоих родственных слов.

Формальный корень. В монгольских словах, выражающих своим содержанием различные обобщенные объективные отношения между явлениями действительности, их обобщенные характеристики и обобщенные субъективные отношения к ним (эти многообразные значения подводятся под общий термин формальное значение), корнем является также первая выделимая морфема. В отличие от значения вещественного корня в предыдущем семантическом типе слов, у данной группы слов основное их значение, содержащееся в корне, является не вещественным, а формальным (выражение обобщенных отношений и обобщенных характеристик). Целесообразно поэтому корни данного семантического типа слов называть по их значению формальными корнями, а слова этого семантического типа – формальными словами. Например, в слове нараас (нар-аас) из сочетания слов багш нараас 'от учителей' первая морфема нар- является формальным корнем, она дополняет в данном примере вещественное значение слова багш 'учитель' обобщенной характеристикой множественности, т.е. имеет формальное значение.

---

* Монгольский термин – язгуур 'корень'.

** В монголоведении существует также другая точка зрения на корневую морфему, согласно которой "...корень любого слова представляет собой какое-нибудь слово с самостоятельным значением" /39, с. 24; см. также: 35, с. 341/.

В современном монгольском языке существует большая группа слов, содержанием которых наряду с преобладающим формальным значением является также отодвинутое на задний план вещественное значение, причем оба значения связаны с одной и той же первой, корневой морфемой. Вещественное значение в различных словах этой группы имеет различную степень яркости – от значительной до близкой к нулю, оставаясь во всех случаях второстепенным значением, придающим некоторый семантический оттенок основному формальному значению. Кроме преобладания в их семантике формального значения, эти слова характеризуются тем, что они функционируют в речи как "формальные слова". Отмеченные здесь две особенности (семантическая и функциональная) являются достаточным основанием для того, чтобы считать данную группу слов также формальными словами, указывая, где нужно, относительную степень вещественного значения в каждом конкретном слове этой группы *. Следовательно, корни таких слов, как правило, имеют формальное значение и могут называться формальными корнями.

Как будет показано ниже, слова с формальными корнями играют большую роль в грамматическом строе монгольского языка, поэтому их необходимо выделять в особый семантический тип слов, несмотря на то, что основная масса слов с формальными корнями генетически восходит к словам с вещественными корнями, которые продолжают существовать в современном монгольском языке и, следовательно, являются омонимами формальных слов (так как их звуковые оболочки совпадают). Например, в сочетании слов бичиж орхисон (бичи-ж орхи-сон) 'написал' морфема орхи- второго слова в сочетании с морфемой -ж первого слова выражает формальное значение – обобщенную характеристику законченности действия, – дополнительное к основному значению 'пис/ать/', содержащемуся в морфеме бичи- первого слова. Это слово орхисон с формальным корнем орхи следует отличать от слова орхисон с вещественным корнем орхи- 'брос/ить/; остав/ить/', считая их двумя разными словами, из которых первое генетически восходит ко второму и сосуществует с ним теперь как его омоним.

Из изложенного выше следует, что в вещественных и формальных словах, состоящих только из одной материально выделимой морфемы, их корни – вещественные или формальные – совпадают по своему фонемному составу со звуковыми оболочками этих слов, но не отождествляются с ними, так как корни как морфологические единицы являются частями слов, а не словами. Они несут в себе только основное значение слов. Сами же одноморфемные вещественные и формальные слова, в частности в зависимости от их роли в словосочетаниях и предложениях, имеют формальные значения, дополнительные к основным значениям, заключенным в их корнях.

---

* Сосуществование в большой группе слов преобладающего формального значения и отступающего вещественного значения свидетельствует о том, что в монгольском языке протекает интенсивный процесс образования формальных слов на базе вещественных слов.

Иначе говоря, монгольские вещественные и формальные слова, совпадающие по фонемному составу со звуковыми оболочками их корней, всегда имеют в своем составе нулевые морфемы.

Экспрессивный корень. Кроме двух семантических типов слов, имеющих вещественное и формальное значения, в монгольском языке выделяется еще один, сравнительно небольшой в количественном отношении, семантический тип слов, значение которых заключается в обобщенном выражении различных эмоциональных и волевых реакций на то или иное явление действительности. Эти различные значения подводятся под общий термин экспрессивное значение, и поэтому слова данного семантического типа называются удобным по своей краткости термином экспрессивные слова. В монгольском языке экспрессивные слова структурно характеризуются нечленимостью на материально выделимые морфемы. В речи экспрессивные слова функционируют как целые предложения. Например, в словах, составляющих целые предложения: Май! [maę] 'На! (возьми)', За! [dʒa:] 'Ладно! Хорошо!', Үгэй [üg̑üI] 'Нет!' – не выделяются части, которые несли бы какое-либо формальное значение, дополнительное к основному значению этих слов.

Часть экспрессивных слов в монгольском языке генетически восходит к вещественным словам; они образовались из вещественных слов путем переосмысления в связи с иным использованием их в речи – путем замены вещественного значения на экспрессивное. При таком семантическом превращении значение экспрессивности несет все слово, а не какая-либо его часть, которую можно было бы выделить по генетическим связям данного слова. Например, слово-предложение Эцгээ! 'А, черт! (выражение досады и раздражения при констатации неприятного или неблагоприятного факта)' как слово генетически связано с именем существительным эцэг 'отец', употребленным в форме неопределенного падежа с аффиксом субъектной принадлежности с корневой морфемой эцэг- и аффиксальной морфемой -ээ. Но в отличие от слова эцэг 'отец', соотносимого с многочисленными особями мужского пола, имеющими потомство, как их обобщенное отражение, слово эцгээ в слове-предложении Эцгээ! не соотносится с явлениями действительности как их обобщенное отражение в виде понятия, а выражает только эмоциональную реакцию человека, раздраженного неприятным ему фактом. При этом данное значение свойственно всему слову целиком, оно поддерживается и уточняется особым ритмомелодическим рисунком, так как Эцгээ! является предложением.

Исходя из определения корня как морфемы с основным значением слова, можно считать, что корни экспрессивных слов в монгольском языке, независимо от происхождения этих слов, совпадают по фонемному составу со звуковой оболочкой соответствующих слов. Действительно, такой подход был целесообразным и плодотворным при анализе одноморфемных (состоящих из одной выделимой морфемы) форм вещественных и формальных слов, когда нужно было отделить основные (вещественные или формальные) значения их от дополнительных формальных значений. Вопрос о выделении значения корня в экспрессивных словах монгольского языка несколько осложняется тем, что экспрессивное значение этих слов и их формальное значение (а именно функционирование экспрессивных слов в роли самостоятельных предложений) существуют всегда в единстве и локализованы в одной и той же, и притом единственной, выделимой морфеме, причем характерное для основного значения данной группы слов неразрывное единство экспрессивного и формального значений проявляется обязательно на фоне конкретных ритмомелодических рисунков. Для выделения основного значения экспрессивных слов нужно отвлечься от обязательного в этих словах формального значения (оно существует в экспрессивных словах как в предложениях, морфология же исследует слова, а не предложения). В результате такой абстракции и обобщения по аналогии выделяется корневое значение экспрессивных слов; это значение можно обобщенно назвать экспрессивным по соотнесенности его с эмоциональными и волевыми реакциями, часто проявляющимися в форме аффекта. Следовательно, корни в словах этого семантического типа можно называть экспрессивными корнями. Сугубо теоретическое, с большой степенью абстракции и обобщения по аналогии, выделение корня и его значения в одноморфемных экспрессивных словах монгольского языка лишено, казалось бы, малейшей практической ценности; тем не менее оно представляет большой теоретический интерес и практическую ценность при сравнении структуры экспрессивных слов монгольского языка со структурой экспрессивных слов в родственных языках. Например, в якутском языке часть экспрессивных слов имеет многоморфемную структуру, где кроме корня выделяются также морфемы с дополнительными формальными значениями: уменьшительно-ласкательной оценки, личной соотнесенности и т.п. Так, в якутском слове-предложении Абытайбын! 'Ой! (мне больно от ожога)' или 'Уф! (как жарко мне)' слово абытайбын членится на корень абытай-, обобщенно выражающий реакцию человека на сильный жар или ожог, и морфему -бын с дополнительным формальным значением соотнесенности корневого значения с 1-м лицом единственного числа.

Таким образом, на основании сказанного можно сделать следующие выводы:

1) во всех монгольских словах без исключения, в том числе в одноморфемных по материальному составу словах, выделяется корневая морфема, несущая в себе основное значение;

2) основное значение корневых морфем имеет три семантические разновидности соответственно семантическому типу конкретных слов: а) основное вещественное значение в вещественных словах; б) основное формальное значение в формальных словах; в) экспрессивное значение в экспрессивных словах. Поэтому корни подразделяются на вещественные, формальные и экспрессивные;

3) одноморфемное монгольское слово (иначе – его одноморфемная грамматическая форма) не отождествляется с его корнем, так как слово в любой своей грамматической форме, в том числе в одноморфемной по материальному составу, всегда имеет формальные значения, дополнительные к его основному корневому значению;

4) в многоморфемных монгольских словах корневая морфема занимает первое место.

Аффиксальная морфема, или аффикс, – материально выделимая морфема с формальным грамматическим значением, дополнительным к основному значению корневой морфемы в слове. В словах монгольского языка все аффиксы располагаются после корневой морфемы и являются постпозитивными морфемами *. В звуковом составе своей оболочки они зависят от фонетической структуры корневой морфемы, подчиняясь правилам сингармонизма.

Словообразовательные и словоизменительные аффиксы. По значению в структуре монгольского слова аффиксы можно разделить на две группы. Одну из этих групп составляют аффиксы, образующие слова от других слов, что позволяет называть их словообразовательными аффиксами **. Примерами таких аффиксов могут служить аффиксы -дал, -гч, -ц в производных именах существительных явдал 'ход; явление', явагч 'идущий (имя деятеля)', явц 'ход; темп', образованных от глагола яв- 'ид/ти/'. Другую группу составляют аффиксы, которые изменяют слова, образуя различные грамматические формы этих слов, что позволяет называть их словоизменительными аффиксами ***. Примерами словоизменительных аффиксов могут служить аффиксы -д (и его омоморфема -д), аас, аар и т.п., образующие, например, следующие грамматические формы слова явагч 'идущий': явагчид 'идущие', явагчидад 'к идущим', явагчаас 'от идущего', явагчаар 'посредством (~через) идущего'. В составе монгольских слов словоизменительные аффиксы обычно находятся после словообразовательных аффиксов; однако в отдельных случаях, как будет показано ниже, словообразовательные аффиксы могут следовать также и после словоизменительных аффиксов.

Основообразовательные и основоизменительные аффиксы. В группе монгольских словоизменительных аффиксов намечается некоторая, недостаточно четко выраженная, субординация аффиксов по их формальному значению: одни словоизменительные аффиксы образуют грамматические формы слов в виде их основ второго типа, т.е. в виде формообразовательных основ *, другие словоизменительные аффиксы, также образуют грамматические формы слов, изменяя их различные основы (первого и второго типа). Поэтому первые аффиксы можно назвать основообразовательными, вторые – основоизменительными **.

В монгольском языке к большой группе основообразовательных аффиксов, абсолютно преобладающих количественно над основоизменительными, относятся, например, глагольные залоговые, видовые, причастные, деепричастные аффиксы, аффиксы множественного числа в именах существительных, аффиксы степеней качества в именах прилагательных. В небольшую группу основоизменительных аффиксов входят, например, падежные аффиксы имен существительных, аффиксы субъектной принадлежности. Как видно из перечня аффиксов по обеим группам, основообразовательные аффиксы выражают главным образом несинтаксические грамматические значения, а основоизменительные – только синтаксические. Но последовательного параллельного соответствия между основообразовательными аффиксами, с одной стороны, и несинтаксическими и синтаксическими грамматическими формами слова – с другой, нет. Залоговые аффиксы, являясь в системе монгольского глагола типичными основообразовательными аффиксами, выражают синтаксические отношения глагольных членов к именным членам в вербальных словосочетаниях.

Намеченное в данном пункте деление словоизменительных аффиксов на основообразовательные и основоизменительные имеет значение при углубленном структурно-семантическом анализе монгольских слов, когда внимание особо фиксируется на различиях в грамматическом значении аффиксов и их роли в структуре слова. При обычном, менее углубленном морфологическом анализе монгольского слова достаточным является данное выше деление всех существующих в системе монгольского языка аффиксов на словообразовательные и словоизменительные без дальнейшего подразделения последних на основообразовательные и основоизменительные.

О термине "аффикс". В русском и советском монголоведении нет общепринятого термина для морфемы, указывающей на дополнительное грамматическое значение в монгольском слове. Первые монголоведы (Я. Шмидт, О. Ковалевский, А. Бобровников) предпочитали термин "частица", хотя О. Ковалевский и Я. Шмидт употребляли также термины "окончание", "послеречие" (для отдель-

---

* Монгольский термин дагавар 'следующий за...' удачно отражает своим содержанием постпозитивный характер монгольских аффиксов.

** Монгольский термин – үг бүтээх дагавар 'постпозитивный аффикс, образующий слова'.

*** Монгольский термин үг найруулах дагавар, в буквальном переводе 'постпозитивный аффикс, сочетающий слова', объемом своего значения охватывает только часть аффиксов с формальным значением – выражением синтаксических отношений между словами. Более соответствующим по своему содержанию был бы монгольский термин үг хувилгах дагавар 'постпозитивный аффикс, изменяющий слова'.

* В данной работе под формообразованием понимается частный случай словоизменения (ср. /2, с. 18/). Но в русском языкознании термин "формообразование" имеет и более широкое по объему значение, включающее словоизменение и словообразование /34, с. 198/.

** В связи с таким подразделением словоизменительных аффиксов можно предложить следующие монгольские термины: (үгийн) үндэс бүтээх дагавар 'аффикс, образующий основу (слова)', (үгийн) үндэс хувилгах дагавар 'аффикс, изменяющий основу (слова)'.

но написанных падежных морфем), "слог", а А. Бобровников – термины "форма", "знак", "окончание", "наращение" (наряду с употреблением термина "наращение" как синонима "агглютинации") и тоже "слог". У В.Л. Котвича встречаются термины "частица", "агглютинативная частица", "суффикс", "окончание" и "приставка". А.Д. Руднев употреблял термины "форма", "послелог" (для отдельно написанных падежных морфем), "приставка", "суффикс". У Б.Я. Владимирцова встречаются термины "окончание, "суффикс", "морфема", эпизодически – "форма", у Н.Н. Поппе – термины "суффикс" и "форманта", или "форманта". С.А. Козин употреблял термины "морфема", "показатель", "суффикс". В работах Г.Д. Санжеева можно найти термины "частица", "показатель", "специальный показатель", "суффикс", "окончание", "форматив". Последнее время в работах советских монголоведов предпочтение отдается термину "суффикс" (К.М. Черемисов, Д.А. Алексеев, Т.А. Бертагаев, Д.Д. Амоголонов, А.А. Дарбеева, М.Н. Жданникова и др.), эпизодически мелькает термин "аффикс" (Д.А. Алексеев), и только Б.Х. Тодаева последовательно придерживается термина "аффикс". Эта терминологическая пестрота свидетельствует о недостаточном внимании русских и советских монголоведов к вопросам лингвистической терминологии.

Из перечисленных выше терминов полностью неприемлемыми для постпозитивной морфемы с дополнительным формальным значением являются термины приставка, послелог (~послеречие), частица, форма, слог. "Приставка" (синоним префикса) имеет общепринятое значение препозитивной дополнительно-формальной морфемы; "послелог" и "частица" служат названиями особых формальных слов, а не частей слов; "форма", по распространенному в советском языкознании употреблению, является словом в конкретном его существовании и, следовательно, не может обозначать часть слова в виде морфемы; термин "слог" был употреблен по недоразумению, основанному на материальном выражении морфемы в виде слога.

Терминами показатель, специальный показатель называется не только формальная морфема, но и формальное слово, например показатель подлежащего (согласно установившейся в монголоведении традиции); поэтому данные термины нельзя использовать исключительно для формальной морфемы, как и общий термин морфема.

Термины форманта (~формант), форматив четко указывают на формальное значение, но не указывают на локализацию морфемы в структуре слова, а также выпадают из родственного ряда терминов "аффикс" – "префикс" – "инфикс" – "постфикс" – "суффикс"; кроме того, термином "форманта" называется обычно единство двух структурно различных аффиксов, а не отдельный аффикс.

Термины окончание (синоним флексии) и суффикс в монголоведении часто смешиваются между собой и поэтому тоже часто используются не по своему назначению (например, падежный суффикс и падежное окончание, суффикс множественного числа и окончание множественного числа). Это объясняется особенностями структуры монгольского слова, в котором нет достаточно четкого различия,

во-первых, между словообразовательными и словоизменительными аффиксами, во-вторых, между синтаксическими и несинтаксическими по формальному значению словоизменительными аффиксами. Учитывая эти особенности структуры монгольского слова, нужно отказаться в монгольском языкознании от термина "окончание" (~"флексия"), иначе придется признать, что в одной и той же грамматической форме слова могут быть два и даже три окончания (например, в слове байшингуудтаа 'в своих зданиях' окончание множественного числа -уд, окончание дательного падежа -т, окончание субъектной принадлежности -аа). Нужно также отказаться от термина "суффикс", чтобы избежать использования этого термина в монголоведческой практике не по назначению, в частности, чтобы избежать совсем неоправданного с общелингвистической точки зрения употребления термина "суффикс" для основоизменительных аффиксов.

Наиболее приемлемым термином, хорошо соответствующим особенностям структуры монгольского слова, был бы термин постфикс, введенный Бодуэном де Куртенэ; этот термин своим содержанием указывает только на постпозитивную морфему, несущую дополнительное формальное значение, не уточняя характеристики этого значения. Но термин "постфикс" не получил признания в алтаистике (может быть, из-за его неудобной для произношения звуковой оболочки, состоящей из шести согласных и только двух гласных).

На основании вышесказанного, учитывая прежде всего последовательно выдержанную постпозитивную локализацию формальных морфем в структуре монгольского слова, а также абсолютное признание в тюркологических работах последнего двадцатилетия термина "аффикс" для аналогичных морфем в структуре тюркских слов, можно сделать вывод, что достаточно приемлемым термином для формальной морфемы в монгольском слове является общий термин "аффикс" *. Общее значение этого термина, называющего морфему с любым дополнительным формальным значением и любым местоположением, позволяет использовать его для обозначения всех монгольских формальных морфем, а постпозитивная локализация исключает в монгольском языкознании недоразумения из-за не раскрытой термином позиции морфемы в структуре слова (ср. [13, с. 24-25; 14, с. 43-46]). По этим соображениям в данной работе используется термин аффикс, употребляющийся в теоретических курсах кафедры монгольской филологии восточного факультета ЛГУ начиная с 1944 г.

§ 5. Простые и сложные слова

Преобладающая часть вещественных слов в монгольском языке имеет в своем составе один вещественный корень. Например, в слове газарчлах 'указывать путь, быть проводником', состоящем

* Однако термин "аффикс" менее приемлем, чем термин "постфикс", так как термином "аффикс" не указывается местоположение формальной морфемы в структуре слова, а термином "постфикс" четко обозначается ее постпозитивная локализация.

из четырех морфем /газар-ч-л(а)-х/, только первая морфема газар-, как морфема з е м(л)- в русском слове з е м л я, имеет вещественное значение, и в данном случае первичное, поэтому она является вещественным и единственным корнем в этом слове. Но сравнительно большое число слов в монгольском языке имеет два и больше вещественных корня. Например, слово дуугарах, которое иногда пишется дуу гарах, 'говорить; звучать' состоит из трех морфем /дуу-гар-(а)х/; первые две из них имеют вещественное, и притом первичное, значение: дуу- 'звуч/ание/', гар- 'выход/ить/', поэтому они обе являются корневыми морфемами. В слове албан хаагч 'служащий' также выделяются три морфемы (албан-хаа-гч); первые две из них, а именно албан(н)- 'служб/а/; повинност/ь/' и хаа- 'закр/ывать/', имеют в монгольском языке первичное вещественное значение (что не удалось передать в русском переводе) и являются вещественными корнями, а морфема -гч имеет только формальное значение и выражает обобщенную характеристику лица (и предмета вообще) как исполнителя действия.

Количество вещественных корней в составе монгольских слов определяет сложность структуры последних: вещественные слова с одним вещественным корнем в их составе, в том числе многоморфемные слова (газарчлах), определяются в данной работе как простые слова *, а вещественные слова с двумя и более вещественными корнями в их составе принято считать сложными словами **. Сложные слова в монгольском языке образуются в результате сложения двух и более исходных слов с вещественными корнями (гл. II, § 5) или в результате максимальной лексикализации синтаксических сочетаний слов (гл. II, § 7). В свою очередь, в зависимости от структуры лексико-грамматической основы простые слова делятся на к о р н е в ы е и п р о и з в о д н ы е, сложные слова делятся на с л о ж н о о с н о́ в н ы е и с л о ж н о п р о и з в о д н ы е.

Монгольские сложные слова являются с о с т а в н ы м и при относительной фонетической самостоятельности исходных простых слов с вещественными корнями (ах дүү 'братья') и с л и т н ы м и при фонетической адаптации второго исходного вещественного слова звуковой структуре первого исходного вещественного слова (дуугарах 'говорить') ***. Фонетическая адаптация второго исходного слова в составе сложного слова является внешним сопутствующим признаком семантического выветривания в его вещественном корне; поэтому слитное слово является переходным этапом к образованию нового простого вещественного слова с одним вещественным корнем, отличным по звуковому составу и значению от каждого из обоих вещественных корней исходных слов.

---

* На монгольском языке можно предложить термин э н г и й н үг 'простое слово' или термин д а н үг 'одинарное слово'.

** Монгольский термин - х о р ш о о үг 'объединенное слово'.

*** На монгольском языке можно предложить термины н и й л м э л үг 'соединенное слово' для составного слова и х э л-х м э л үг 'сцепленное слово' для слитного слова.

Изложенное здесь деление всех вещественных слов монгольского языка на простые и сложные по количеству вещественных корней в их структуре (с последующим делением простых слов на корневые и производные, а сложных слов на сложноосно́вные и сложнопроизводные по структуре их лексико-грамматических основ) несколько отличается от более обычного в советском языкознании деления слов на простые, производные и сложные (и даже на простые, производные, сложные и сложнопроизводные). Оно не принято в данной работе, так как, нарушая правила логического деления, базируется на двух основаниях деления одновременно: 1) на материальном совпадении (или несовпадении) слова с его корнем и 2) на количестве корней в слове.

Формальные слова в монгольском языке являются в подавляющем большинстве случаев простыми с одним формальным корнем в их структуре; сложные формальные слова составлены двумя и более структурно равноправными частями со своими формальными корнями в каждой.

Экспрессивные слова в монгольском языке существуют только как простые с одним экспрессивным корнем в их структуре.

§ 6. Основа

Кроме корневой и аффиксальной морфем в структуре монгольского слова выделяется, согласно оправдавшей себя языковедческой практике, еще одна единица - основа *, представленная в двух разновидностях: основа первого типа и основа второго типа. Это подразделение основы на два типа учитывает значение ее разновидностей в структуре монгольского слова и снимает собой формальное деление основ на первичные, вторичные, третичные и т.д., практиковавшееся в монголоведении /31, с. 49/ и оказавшееся бесплодным для структурно-семантического анализа монгольских слов.

Основа первого типа - лексико-грамматическая основа - это структурная единица в составе слова, содержащая в себе одну, две и больше морфем, в том числе обязательно корневую морфему, и всем своим предельно ограниченным морфемным составом характеризующая данное слово как особую лексико-грамматическую единицу в языке. Практически при морфологическом анализе многоморфемного монгольского слова его основа первого типа выделяется путем последовательного отбрасывания аффиксальных морфем, начиная с последней, до тех пор, пока сохраняется лексико-грамматическая индивидуальность данного слова /31, с. 49/. Например, в монгольском слове гэмтсэн 'изувечился' отбрасыванием морфемы -сэн (с формальным значением завершенности действия в прошлом) выделяется часть гэмт-, весь состав которой продолжает сохранять присущие данному слову лексико-грамматические свойства, указывая,

---

* Монгольский термин - үндэс (үндсэн) 'основа (основание, базис)'.

что это слово есть глагол, а не другая часть речи и что этот глагол имеет вещественное значение 'изувеченным ста/ть/'. Последующим отбрасыванием морфемы -т уничтожается лексико-грамматическая индивидуальность данного слова, так как вместе с морфемой -т снимается указание на грамматическую характеристику его как непереходного глагола, являющуюся формальным значением этой морфемы.

Следовательно, основой первого типа у глагола гэмтсэн, характеризующей это слово как особую лексико-грамматическую единицу, является его часть гэмт-, предельно ограниченная в своем составе (как это видно из дальнейшего ее структурно-семантического анализа) двумя морфемами - корневой гэм- 'увеч/ье/' и аффиксальной -т. При сопоставлении с основой гэм-, определяющей своим составом лексико-грамматическую индивидуальность имени существительного гэм 'увечье, изъян', имеющего ту же корневую морфему гэм-, обнаруживается, что глагольная основа первого типа гэмт- является результатом аффиксального словообразования; по этому признаку ее следует назвать аффиксально-производной основой. А основа первого типа гэм- в составе одноморфемного имени существительного гэм 'увечье, изъян' материально совпадает с корневой морфемой гэм-, что позволяет называть ее корневой основой.

В связи с этим анализом возникает вопрос: есть ли необходимость в последнем случае и подобных случаях вообще абстрагировать корень и корневую основу как особые и различные между собой но материально совпадающие структурные единицы в составе слова? Для ответа на этот вопрос целесообразно произвести структурно-семантический анализ, например, трех монгольских слов амар 'спокойствие; благополучие'; амар 'благополучный', а также 'легкий, нетрудный'; амарсан 'успокоился; утешился; отдохнул'. В этих словах выделяется общий им корень амар- *. Вещественное значение, связанное с этой общей звуковой оболочкой амар-, является обобщенным отражением положительного психического состояния человека, обусловленного благоприятными факторами окружающей среды (а также обобщенным отражением самих благоприятных факторов), без дифференцирующих характеристик в этом отражении; раскрытое таким образом вещественное значение корня представляет собой максимальное обобщение, полученное в результате семантического анализа трех слов. В действительности это вещественное значение корня как общее проявляется в значениях отдельных слов с дополнительными обобщенными характеристиками: в первом слове это основное вещественное значение окрашено обобщенной характеристикой предметности, во втором - обобщенной характеристикой постоянного качества, в третьем - обобщенной характеристикой переменного качества *.

Отмеченные здесь характеристики являются формальными, грамматическими значениями, дополнительными к основному вещественному значению общего корня амар-, и каждая из них содержится в первой морфеме соответствующего слова вместе с основным корневым значением, определяя первое слово по содержанию как имя существительное, второе - как имя прилагательное и третье - как глагол. Согласно морфологическим нормам современного монгольского языка, субстантивный характер первого слова проявляется в его способности склоняться и сочетаться с препозитивным примыкающим прилагательным в форме основы или с родительным падежом имени существительного: Нөхөр прокурорын (род. пад.) амрыг (вин. пад.) эрье 'Здравствуйте, товарищ прокурор!' /Букв.: 'Спрашиваю о благополучии товарища прокурора'/; адъективный характер второго слова проявляется, например, в его способности образовывать степени качества: ...та нырын ажил амархаан (уменьшительная степень качества) '... работа у Вас лё-о-гонькая'; вербальный характер третьего слова проявляется в его способности спрягаться: За тэнд чинь л хүрч нэг амрая (побудительно-желательная форма 1-го лица) 'Ну вот, доберемся туда и отдохнем'.

Наличие в первых морфемах этих трех слов разных формальных значений, дополнительных к основному вещественному значению, позволяет сделать вывод о существовании в современном монгольском языке трех разных основ, имеющих общий вещественный корень и совпадающих между собой материально, которые должны быть названы корневыми основами благодаря полному материальному совпадению их звуковых оболочек со звуковой оболочкой общей для них корневой морфемы. Наличие же трех разных корневых основ с дополнительными различными формальными значениями в них естественно предполагает их отличие от совпадающего с ними материально вещественного корня, лишенного всякого дополнительного грамматического значения. При структурно-семантическом анализе слов с выделением корневых основ и корневых морфем (корней) всегда имеется в виду, что корень как морфема не существует отдельно, вне слова, и, следовательно, его выделение является результатом научного отвлечения и обобщения, тогда как корневая основа во многих случаях является одной из грамматических форм существования самого слова в монгольском языке **.

---

* Этимологическим корнем этих трех слов является амu-, но он выпал из системы словообразования современного монгольского языка; корнем указанных в тексте трех слов в результате обобщения стал их общий структурный элемент амар-, этимологически разлагающийся на корень амu- и две различные морфемы -r, именную и глагольную, вероятно связанные общим происхождением.

* Небольшие семантические сдвиги переносного характера в основном вещественном значении корня амар- (см. значения второго слова) не играют существенной роли в излагаемом вопросе.

** Осуществленный выше структурно-семантический анализ трех слов можно произвести также, например, над следующими монгольскими словами: балга 'глоток (напр., воды) во рту' - балга- 'набр/ать/ в рот (напр., воду)'; атга 'пригоршня; горсть' - атга- 'схват/ить/ в горсть; сжа/ть/ рукой'; нөр 'продолжительный; бес-

Из изложенного выше следует вывод о необходимости при морфологическом анализе монгольских слов различать корневую основу и корень как разные структурные единицы, отличающиеся друг от друга как своим значением, так и ролью в структуре слова. Целесообразность такого выделения корневой основы и корня подтверждается семантическими изменениями основ с сохранением в них вещественного корня при конвертивном словообразовании.

Понятие основы первого типа распространяется также на определяющую часть монгольского формального слова, если это слово изменяемое, и на все слово, если оно неизменяемое; при этом в обоих случаях лексико-грамматическая основа часто совпадает материально с корневой морфемой, несущей основное формальное значение слова. Например, в формальном слове орхисон, участвующем в глагольной аналитической форме для выражения законченности глагольного действия, основой первого типа является его часть орхи-, материально совпадающая с формальным по содержанию корнем этого слова; а неизменяемое слово бегөөд* 'и' (союз) употребляется в форме основы первого типа, материально совпадающей с его формальным по содержанию корнем.

Все экспрессивные слова монгольского языка, как неизменяемые, также употребляются в форме своей основы первого типа, которая и определяет собой индивидуальную особенность каждого экспрессивного слова.

Таким образом, любое слово монгольского языка имеет основу первого типа, и притом только одну (не считая ее фонетических вариантов); основа первого типа характеризует собой каждое конкретное монгольское слово как особую лексико-грамматическую единицу в языке; все неизменяемые слова употребляются при этом только в форме основы первого типа, в изменяемых словах она составляет определяющую часть их. Исходя из значения и функции, которые имеет основа первого типа в структуре каждого монгольского слова, определяя собой его индивидуальные лексико-грамматические особенности в их единстве, целесообразно называть ее термином лексико-грамматическая основа слова; эта основа первого типа, как уже было отмечено выше, проявляется в двух разновидностях – как производная основа, структурно характеризуемая специальным словообразовательным аффиксом, и как корневая основа, называемая так по материальному совпадению с корнем.

Простое вещественное слово, т.е. слово с одним вещественным корнем в его составе, в зависимости от структуры его лексико-грамматической основы характеризуется как корневое и аффиксально-производное.

При моделированном, закономерном словообразовании в монгольском языке исходное слово берется в форме основы первого типа. Это обстоятельство позволяет при морфологическом анализе словообразовательных основ давать исходным словам семантический перевод на другой язык, в частности на русский в данной работе, несмотря на то, что исходное слово в форме основы первого типа теряет свои грамматические свойства, так как входит в состав новой лексико-грамматической основы, определяющей собой лексико-грамматические свойства вновь образованного слова.

Сопоставление лексико-грамматических основ различных вещественных, формальных, а также экспрессивных слов, в частности семантическое сопоставление лексико-грамматических основ родственных вещественных слов, дает основания для важного теоретического обобщения. Каждая лексико-грамматическая основа своим формальным значением, заключенным в ней в единстве с лексическим значением, определяет отнесенность содержащего ее слова к тому или иному категориально-грамматическому типу слов: лексико-грамматические основы вещественных слов определяют своим формальным значением отнесенность этих слов к категориям имен существительных, имен прилагательных, наречий, глаголов и т.д.; лексико-грамматические основы формальных слов определяют своим формальным значением отнесенность этих слов к модальным глаголам, вспомогательным глаголам, послелогам, частицам и т.д.; лексико-грамматические основы экспрессивных слов определяют своим формальным значением отнесенность этих слов к волюнтативным междометиям, эмоциональным междометиям и т.д. Учитывая определяющую роль формального значения основы первого типа для всей грамматической характеристики слова, целесообразно выделить это формальное значение под специальным термином категориально-грамматическое значение. Таким образом, единство лексического и категориально-грамматического значений в основе первого типа является содержанием этой основы; именно это единство значений в основе первого типа определяет лексическое значение и грамматические свойства слова в целом как особой единицы в языке. Следовательно, корневая лексико-грамматическая основа отличается от совпадающего с ней материально корня наличием категориально-грамматического значения, которого лишен корень как морфема только с основным значением в слове.

Основа второго типа – формообразовательная основа – это основа грамматической формы слова. Она представляет собой усложнение основы первого типа (лексико-грамматической основы) за счет одного или нескольких последовательно присоединяемых основообразовательных аффиксов. Основа второго типа включает в свой

прерывный' – нөр 'хроническая болезнь' – нөр- 'бы⟨ть⟩ продолжительным; непрерывным'; хөгнө 'веревка для привязи ягнят' – хөгнө- 'привязыва⟨ть⟩ ягнят на веревку'; төгс 'совершенный; полный; преисполненный' – төгс- 'оконч⟨ить⟩ся; заверш⟨ить⟩ся' и т.д.

* Это неразложимое морфологически в современном литературном монгольском языке слово перешло из старописьменного монгольского языка, где оно этимологически является формой разделительного деепричастия böged (bö-ged) глагола bö-~bü- 'быть, существовать' с неполной парадигмой спряжения, фактически давно распавшегося в своих грамматических формах на отдельные слова.

состав основу первого типа и сохраняет заложенные в ней лексико-грамматические свойства данного слова (лексическое значение, категориально-грамматическое значение), дополняя их грамматическими значениями присоединенных аффиксов. Например, основообразовательный залоговый аффикс -ээ, прибавленный к лексико-грамматической основе глагола гэмт- 'изувеч/ить/ся', образует основу второго типа для формы действительного залога гэмтээ- 'изувеч/ить/ кого-нибудь'; прибавленный к этой основе второго типа залоговый аффикс -лгэ образует новую основу второго типа, а именно основу формы побудительного залога гэмтээлгэ- 'застав/ить/ кого-нибудь изувечить кого-нибудь'. В свою очередь, обе эти основы второго типа последовательного образования усложняются деепричастными и причастными основообразовательными аффиксами -ж, -сэн и т.п., образуя соответствующие деепричастные и причастные основы второго типа: гэмтээж, гэмтээсэн, гэмтээлгэж, гэмтээлгэсэн и т.п.

На основании того, что основы второго типа являются основами грамматических форм слова, их можно называть формообразовательными основами, подчеркивая тем самым значение основ второго типа в структуре изменяемого монгольского слова, отличное от значения лексико-грамматической основы.

За пределами структур основ первого и второго типов в монгольских словах остаются падежные аффиксы, аффиксы субъектной принадлежности и некоторые другие. В отличие от основообразующих аффиксов (словообразовательных и формообразовательных) эти аффиксы только изменяют основы первого и второго типа, что дает право называть их основоизменительными аффиксами, образующими основоизменительные формы изменяемых слов; однако четкой границы между формообразовательными и основообразовательными аффиксами в монгольском языке нет.

На основании сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1) каждое монгольское слово имеет одну лексико-грамматическую основу в своем составе, которая характеризует его как особое слово, определяя, в частности, его категориально-грамматическую отнесенность;

2) лексико-грамматические основы простых монгольских слов существуют как корневые и производные основы;

3) при моделированном словообразовании исходные слова берутся в форме лексико-грамматической основы (в зависимости от модели словообразования категориально-грамматическое значение исходной лексико-грамматической основы в одних случаях сохраняется, в других - снимается);

4) изменяемое монгольское слово имеет несколько формообразовательных основ, характеризуемых специальными формообразовательными аффиксами;

5) лексико-грамматическая основа в составе изменяемого слова и формообразовательная основа являются основами изменения слова;

6) формой употребления неизменяемых слов в монгольском языке служит их лексико-грамматическая основа;

7) формой употребления изменяемых слов (кроме глаголов и имен существительных) является формообразовательная основа, определяемая последним формообразовательным аффиксом; слова с ограниченной изменяемостью употребляются также в форме лексико-грамматической основы;

8) глаголы в монгольском языке употребляются в формообразовательных основах, характеризуемых специальными формообразовательными аффиксами, и в собственно глагольных основоизменительных формах, характеризуемых специальными основоизменительными аффиксами, в том числе нулевыми морфемами;

9) имена существительные в монгольском языке употребляются в падежных и субъектно- притяжательных формах, характеризуемых специальными основоизменительными аффиксами, в том числе нулевыми морфемами.

Глава II

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПРИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Морфологические процессы

В монгольском языке морфологические процессы сводятся к двум основным типам - к словообразованию* и к словоизменению.

При словообразовании возникают новые лексико-грамматические основы монгольских слов. В одних случаях основы образуются посредством словообразовательных аффиксов, последние вместе с другими признаками выражают собой отнесенность образованных слов к тому или иному категориально-грамматическому типу слов. В других случаях, при сохранении звуковой оболочки исходной лексико-грамматической основы, новые основы образуются только сменой прежнего категориально-грамматического значения на новое, и тогда отнесенность образованного слова к тому или иному категориально-грамматическому типу проявляется преимущественно в типе его словоизменения и характере его сочетаемости с другими словами. В третьих случаях новые лексико-грамматические основы получают сложением основ; в четвертых - посредством служебных слов.

---

* В последние годы у ряда советских языковедов наметилась тенденция выделять словообразование в особый раздел лингвистики, помещая его между лексикологией и грамматикой. По некоторым основаниям, указанным в данном параграфе, здесь сохраняется монголоведческая традиция включать словообразование в морфологию в качестве ее составной части.

Новые лексико-грамматические основы слов образуются также комбинациями некоторых из перечисленных выше грамматических способов. Конкретные средства названных здесь способов монгольского словообразования имеют различную степень продуктивности – от чрезвычайно большой продуктивности до полной непродуктивности *. Независимо от этого все конкретные средства монгольского словообразования требуется описать в соответствующих разделах морфологии (с указанием относительной степени их продуктивности), так как учет всех этих средств необходим при структурно-семантическом анализе монгольских слов, который подлежит компетенции морфологии.

Грамматические способы монгольского словоизменения, тесно связанного со словообразованием, совпадают с намеченными выше грамматическими способами словообразования, и в отдельных случаях даже по материальному выражению. В связи с этим целесообразно общий обзор всех грамматических способов монгольского языка на службе его словообразования и словоизменения дать в одном месте.

§ 2. Аффиксация

Аффиксация в современном монгольском языке – наиболее употребительный грамматический способ образования лексико-грамматических и формообразовательных основ и изменения основ посредством аффиксов.

Общая характеристика монгольской аффиксации. Монгольская аффиксация характеризуется рядом признаков, одни из которых составляют ее специфику, другие свойственны аффиксации алтайских языков вообще:

1) последовательно выдержанный постпозитивный характер аффиксации (отмеченный выше в другой связи). В этом отношении монгольский язык не составляет исключения в семье алтайских языков;

2) зависимость вокализма постпозитивного аффикса от вокализма основы, в конечном счете от вокализма корневой морфемы. Эта зависимость регулируется законами сингармонизма, которые в монгольском языке (как в каждом сингармонирующем алтайском языке) имеют свои особенности;

3) специфичная для современного монгольского языка ярко выраженная неустойчивость редуцированных гласных (свойственная всей звуковой структуре монгольского слова) и их многообразное оттенковое проявление вплоть до полного исчезновения в составе звуковых оболочек аффиксов;

4) ограниченные (сравнительно с другими алтайскими языками) ассимилятивные и диссимилятивные процессы в звуковых оболочках

* В этом различии степеней продуктивности конкретных средств монгольского словообразования находит свое частичное проявление историческая динамичность системы монгольского словообразования.

основ и аффиксов: переход аффиксальной фонемы [r] в [l], [r'] в [l'], [l] в [n], [d] в [t], последней основной фонемы [ŋ] в [g]; выпадение конечных основных согласных [r], [ŋ] в отдельных случаях словообразования и словоизменения;

5) внешнее, механическое, несмотря на их взаимную фонетическую обусловленность, присоединение аффикса к основе (см. п. 2, 3, 4), свойственное всем алтайским языкам и лишь частично отождествляемое с суффиксацией в индоевропейских языках;

6) грамматическая однозначность (или в отдельных случаях очень ограниченная многозначность) всех аффиксов (словообразовательных, формообразовательных и основоизменительных), свойственная всем алтайским языкам, в отличие, например, от грамматической многозначности окончаний в русском языке.

Из этих шести признаков монгольской аффиксации наиболее характерными для аффиксации в алтайских языках вообще, в монгольском языке в частности, являются признаки пятый и шестой. Они определяют собой специфику аффиксации в алтайских языках, которую принято называть агглютинацией. Под этим термином подразумевается механическое присоединение к основе, как правило, грамматически однозначных словообразовательных и словоизменительных аффиксов. Такая особенность в аффиксации слов монгольского языка позволяет характеризовать монгольский язык типологически (по ведущему грамматическому способу в организации структуры слова) как агглютинирующий, или агглютинативный язык. Однозначные механически присоединяемые к основе аффиксы принято называть агглютинирующими аффиксами. Нужно только подчеркнуть, что, несмотря на агглютинативный характер монгольских аффиксов, их грамматические значения сливаются с лексико-грамматическими значениями основы, образуя с ними смысловое, лексико-грамматическое единство, свойственное всей грамматической форме в целом (при словоизменении) или всей лексико-грамматической основе в целом (при словообразовании).

Аффиксальное словообразование. Аффиксальное словообразование в монгольском языке является моделированным и осуществляется в многочисленных конкретных моделях аффиксального словообразования; все эти многочисленные модели в монгольском языке строятся по одной схеме:

$$R+=a \rangle R=a,$$

где R – исходная лексико-грамматическая основа любого типа (корневая, производная, сложная) *, претерпевающая в отдельных случаях небольшие фонетические изменения конца своей звуковой оболочки; a – любой словообразовательный аффикс; R=a – новая лексико-грамматическая основа в результате словообразования.

Конкретные модели аффиксального словообразования в монголь-

* Включая также ограниченное количество некоторых типов аналитических форм в пределах до лексико-грамматической основы служебного слова включительно.

ском языке характеризуются и, следовательно, отличаются друг от друга по следующим признакам:

1) определенному категориально-грамматическому значению исходной основы (субстантивность, вербальность, адъективность и т.д.), которое, однако, снимается в процессе словообразования, так как исходная основа включается в состав новой лексико-грамматической основы;

2) специальному словообразовательному аффиксу, который имеет: а) определенный звуковой состав своей оболочки, закономерно изменяющийся в зависимости от звуковой структуры исходной основы, б) указание на определенное категориально-грамматическое значение, включаемое в смысловое, лексико-грамматическое единство вновь образованной основы как ее неотъемлемое категориально-грамматическое значение, в) грамматическое значение обобщенной характеристики (во многих случаях недостаточно определенное), сливающееся с лексическим значением исходной основы в новое лексическое значение образованной основы;

3) различной степени употребляемости отдельных моделей словообразования, которая практически сводится к продуктивности словообразовательных аффиксов.

Из этого перечня признаков моделей аффиксального словообразования следует, что при описании его конкретных моделей (которое будет дано раздельно по частям речи в соответствии с категориально-грамматическим значением образуемой лексико-грамматической основы) нужно указывать категориально-грамматическое значение исходной основы и особенности ее звуковой структуры: твердорядность-мягкорядность, звуковое выражение конца основы и фонетические изменения в нем, наличие в основе согласной фонемы [r] или [r'], оказывающей диссимилирующее влияние на аффиксальную фонему [r] или [r'], если она имеется.

Указывая словообразовательный аффикс в модели, достаточно будет привести только один его вариант из нескольких фонетических вариантов, так как их употребление строго регламентировано законами сингармонизма и другими фонетическими законами монгольского языка. Все это позволяет в целях большей наглядности в изложении правил изображать каждую модель аффиксального словообразования в виде формулы. Наиболее удобной формулой является следующий тип (в качестве примера дается формула конкретной модели образования основы непереходного глагола от основы качественного имени прилагательного):

$$R_{\underset{(p)}{a}} = (H) + = (a)p > R_{vi}.$$

Эта формула в сокращенном виде передает следующее грамматическое правило: основа непереходного глагола состояния образуется прибавлением к основе качественного имени прилагательного аффикса -(a)p*; при этом конечное -[ŋ] основы, если оно есть, выпадает и согласный [r] словообразовательного аффикса диссимилятивно заменяется согласным [l] при наличии звука [r] в составе сновы. Приведем примеры:

ногоон 'зеленый' + -р > ногоор- 'зеленеть';
хар 'черный' + -(а)л > харал- (~харл-) 'чернеть'.

Символика этих формул имеет некоторые особенности и требует расшифровки, которую целесообразно изложить здесь, чтобы иметь возможность в дальнейшем ограничиваться ссылкой на это изложение.

R - лексико-грамматическая основа при словообразовании (и вообще основа слова при словоизменении). Строчные латинские буквы справа внизу у буквы R указывают на категориально-грамматическую отнесенность исходной основы: s - имя существительное, v - глагол (vt - переходный глагол, vi - непереходный глагол), a - имя прилагательное, adv - наречие, pr - местоимение, n - числительное.

Буква или буквы с дефисом, помещенные справа вверху у буквы R, выражают звуковой состав конца основы: -C- любой твердый согласный, -$C_ь$- любой мягкий согласный, -V - краткий гласный, -v: - долгий гласный, -Vй - дифтонг; русские строчные буквы в этой же позиции указывают в орфографической записи на конкретный звуковой состав конца основы; включение этих букв в простые скобки свидетельствует о факультативности обозначенных звуков (в одних основах есть, в других отсутствуют). Заключение этих букв в квадратные скобки означает исключение исходной основы с обозначенным звуковым составом ее конца из данной формулы; стрелка под буквой, направленная вниз, указывает на выпадение соответствующего звука (или только буквы в орфографической записи); стрелка под буквой, направленная вверх, - на восстановление звука в полученной форме (или только буквы в орфографической записи).

Строчная русская буква (р) в простых скобках под буквой R указывает на возможное наличие согласных фонем [r] или [r'] в звуковой оболочке основы; этот символ используется только в формулах, где звуковая оболочка словообразующего аффикса также имеет в своем составе согласную фонему [r] или [r'], которые диссимилируются при этом в [l] и [l'].

Буква ъ (твердый знак) и буква ь (мягкий знак) под буквой R соответственно обозначают твердорядную и мягкорядную сингармоничную структуру звуковой оболочки исходной основы; данные символы используются только при необходимости фиксировать сингармоничный ряд основы, когда этим рядом обусловлены фонетические особенности варианта аффикса, не выводимые из обычных правил сингармонизма; знак + символизирует агглютинацию.

Словообразовательный аффикс дается в одном твердорядном варианте (если в его оболочке имеются гласные звуки) с предшествующим дефисом, причем редуцирующиеся гласные заключаются в простые скобки.

* В простые скобки заключен редуцированный гласный, правописание которого подчинено правилам "семерки" и "девятки".

Продуктивность словообразовательных аффиксов. Многочисленные модели аффиксального словообразования представляют собой конкретные средства аффиксального способа словообразования; наиболее характерным и приметным признаком в них является специальный аффикс. Последнее обстоятельство часто порождает иллюзию, что все аффиксальное словообразование концентрируется только вокруг словообразовательных аффиксов. В действительности существенное и не менее определяющее значение для новой лексико-грамматической основы имеет исходная основа, ее звуковая оболочка, ее категориально-грамматическое значение и ее более конкретное лексическое значение. Однако в некоторых случаях практически более удобно иметь дело с аффиксами, чем с громоздкими моделями аффиксального словообразования. В частности, степень употребляемости отдельных моделей удобнее описывать в плане продуктивности аффиксов, входящих обязательными компонентами в эти модели; нужно только видеть за аффиксами их модели и перенести на эти модели выводы, сделанные в отношении аффиксов.

Многочисленные словообразовательные аффиксы в монгольском языке имеют различную степень продуктивности. Весьма схематично можно наметить четыре группы аффиксов в соответствии с относительной степенью их продуктивности.

1. Очень продуктивные словообразовательные аффиксы. С их помощью можно образовать новое слово от любой основы, имеющей нужное вещественное значение и соответствующее по модели словообразования категориально-грамматическое значение. К таким аффиксам относится аффикс имени деятеля -гч, образующий имена существительные от глагольных основ. Например, сур- 'изуч/ать/, уч/ить/ся' + -гч > сурагч 'ученик, учащийся'.

2. Продуктивные словообразовательные аффиксы. Посредством их образуется в современном монгольском языке значительное количество новых слов, но образовать жизнеспособные слова при помощи таких аффиксов можно лишь при полном владении монгольским языком и тонком чувстве его стилистических возможностей. К таким аффиксам относится аффикс -лгаа(н), образующий в большинстве случаев отглагольные имена существительные с абстрактным значением. Например, тэжээ- 'корм/ить/' + -лгээ(н) > тэжээлгээ 'кормление'.

3. Малопродуктивные словообразовательные аффиксы. Как правило, с их помощью образовано значительное количество слов, ставших общим достоянием носителей монгольского языка, новые же слова образуются ими очень ограниченно. Например, аффикс -лга, образующий отглагольные имена существительные с абстрактным значением процесса, а также имена с более конкретным значением объекта действия или результата действия: барь- 'строй/ить/'+ -лга > барилга 'строительство; постройка'.

4. Непродуктивные словообразовательные аффиксы четко вычленяются носителями монгольского языка как особые морфемы при сопоставлении двух и более родственных слов, но при их помощи уже нельзя образовать новые слова в системе современного

монгольского языка. Например, аффикс -з [dzˇ] со значением объекта или результата действия в отглагольном имени существительном олз 'находка; приобретение; добыча' при глаголе ол- 'находи/ть/; приобре/сти/'.

5. Словообразовательные аффиксы, отнесенные к намеченным выше четырем группам по степени их продуктивности, объединяются общим термином живые аффиксы, так как все они, даже непродуктивные аффиксы четвертой группы, вычленяются как особые морфемы в системе словообразования современного монгольского языка. В отличие от них мертвые аффиксы утеряли живые словообразовательные связи в современном языке и могут выделяться только этимологически; например, аффикс -нэр в слове эхнэр 'женщина; жена' (ср. эх 'мать').

Разумеется, это деление словообразовательных аффиксов по степени их продуктивности является предельно схематичным и не дает полной картины действительной продуктивности аффиксов с ее незаметными переходами от одной степени к другой (более полную картину продуктивности и употребительности аффиксов, различая эти факторы, можно получить в результате статистической обработки большого количества подсчетов встречаемости каждого аффикса во вновь образованных словах и встречаемости в словах вообще, произведенных на определенных и строго дозированных по объему монгольских текстах). Но такое относительное деление имеет практическое значение при описании многочисленных конкретных словообразовательных аффиксов в монгольском языке (иначе -при описании моделей аффиксального словообразования) с пометами при них "очень продуктивный", "продуктивный", "малопродуктивный", "непродуктивный", которые могут служить в качестве удовлетворительных ориентиров.

Аффиксальное словоизменение. Аффиксальное словоизменение в монгольском языке, представляя собой частный случай аффиксации, также осуществляется агглютинативным прибавлением специальных аффиксов к основе слова по общей схеме

R+ =a > R=a,

где R - основа изменения (лексико-грамматическая, формообразовательная); -a - словоизменительный (основообразовательный, основоизменительный) аффикс; R-a - грамматическая форма слова в результате словоизменения.

В отличие от рассмотренного выше аффиксального словообразования, где исходная лексико-грамматическая основа, входя в состав новой основы, теряет свое категориально-грамматическое значение и видоизменяет лексическое значение путем слияния его с формальной обобщенной характеристикой словообразовательного аффикса, при аффиксальном словоизменении лексико-грамматическая основа слова сохраняет все свое лексическое и категориально-грамматическое значение, независимо от того, служит ли она сама основой словоизменения или находится в составе своей формообразовательной основы

и последняя является основой дальнейшего словоизменения. Получаемые в результате аффиксального словоизменения грамматические формы, связанные между собой общей в их структурах лексико-грамматической основой слова, образуют систему грамматических форм этого слова. В грамматических формах, связанных, например, с глагольной лексико-грамматической основой, выделяется система деепричастных форм, характеризуемых соответствующими основообразовательными аффиксами; выделяются также система причастных форм, описательно-повествовательных форм, система залоговых форм, система видовых форм и т.д. В грамматических формах, связанных с лексико-грамматической основой существительного, выделяется система падежных форм. Своеобразную систему форм имеют лексико-грамматические основы числительных. Таким образом, по системе грамматических форм того или иного слова можно судить о категориально-грамматической отнесенности его, которая обязательно заложена в смысловом лексико-грамматическом единстве его основы первого типа, но не всегда находит себе материальное выражение в пределах этой лексико-грамматической основы, особенно когда эта основа по своей структуре является корневой.

Конкретные модели аффиксального словоизменения характеризуются следующими признаками:

1) сохранением во всех грамматических формах изменения слова лексического и категориально-грамматического значений, заложенных в их смысловом единстве в основе первого типа;

2) специальным словоизменительным аффиксом, который имеет: а) определенный звуковой состав своей оболочки, закономерно изменяющийся в зависимости от звуковой структуры основы изменения, б) определенное формальное, грамматическое значение, включаемое в образованную грамматическую форму как дополнительное к лексико-грамматическому значению, целиком переносимому в эту форму из основы изменения;

3) максимальной степенью употребления всех моделей словоизменения, так как получаемые в результате аффиксального словоизменения грамматические формы, образуя живую систему форм слова, являются реальными и конкретными формами существования этого слова в речи.

Полное совпадение технической стороны аффиксального словоизменения и аффиксального словообразования позволяет использовать при описании конкретных моделей словоизменения общий тип формулы и символику, описанные выше.

§ 3. Конверсия

Конверсия – один из употребительных грамматических способов образования лексико-грамматических основ в современном монгольском языке – представляет собой категориально-грамматическое переосмысление исходной лексико-грамматической основы (с заменой одного категориально-грамматического значения

другим) без изменения звуковой оболочки исходной основы и без изменения вещественного значения корня в ней.

Таким образом, конвертивное словообразование не имеет материальной поддержки в пределах основы, в этих пределах оно не очевидно и поэтому в монголоведении обычно отвергается. Но при конвертивном словообразовании материальное совпадение образованной лексико-грамматической основы и исходной основы перекрывается, во-первых, словоизменением нового слова (его парадигмой), отличным от словоизменения исходного слова, и, во-вторых, характером его сочетаемости с другими словами (в частности, со служебными словами). Особенности в словоизменении и в сочетаемости слов являются достаточными внешними признаками для того, чтобы различать лексико-грамматические основы, совпадающие между собой материально и имеющие общий вещественный корень. Например, в связи с повышением в условиях МНР технологических требований к качеству шерсти, особенно овечьей, появилась потребность в соответствующей терминологии, в том числе некоторые свойства шерсти стали обозначаться следующими терминами: ноосны өтгөн 'густота шерстного покрова', ноосны нарийн 'тонина шерсти', ноосны урт 'длина волоса', ноосны атираа 'извитость шерсти'; из них первые три термина появились в результате конвертивного словообразования из основ имен прилагательных өтгөн 'густой', нарийн 'тонкий', урт 'длинный' с заменой в них адъективного категориально-грамматического значения на субстантивное. Субстантивное категориально-грамматическое значение новых слов өтгөн, нарийн, урт заложено в их лексико-грамматических основах. Это следует из того, что значение любого вещественного слова является единством вещественного и категориально-грамматического значений, а все вещественное слово как особая лексико-грамматическая единица определяется своей лексико-грамматической основой. При сохранении звуковых оболочек исходных основ имен прилагательных новое субстантивное категориально-грамматическое значение не имеет особого материального выражения в пределах этих новых основ, но проявляется за пределами их в способности новых слов сочетаться с родительным падежом имени существительного, в данном случае слова ноос(он) 'шерсть', и в характере их словоизменения: ...ноосны өтгөнөөс хамгийн ихээр шалтгаалдаг байна '...больше всего зависит от густоты шерстного покрова' (имя существительное өтгөн 'густота' употреблено в форме исходного падежа и сочетается с родительным падежом имени существительного ноос(он) в роли определения при нем).

Конверсия отдельных лексико-грамматических основ в монгольском языке может дать постоянный результат, когда вновь образованное слово получает широкое употребление и закрепляется в лексическом составе языка, в таких случаях осуществляется полная конверсия слов. Более обычна в монгольском языке конверсия временная, по случаю, окказиональная, когда новое слово имеет разовое применение в конкретном контексте или ситуации и затем выпадает из лексической системы как особое слово.

При морфологическом анализе монгольского текста, содержащего окказионально конвертированные слова, нужно квалифицировать эти слова-эфемеры в соответствии с их новым категориально-грамматическим значением, отмечая временный характер их конверсии. По существу, между полной и окказиональной конверсией слов имеется только количественное различие, так как с появлением устойчивой потребности при общении внутри коллектива в новом слове повтор его окказиональных конверсий должен привести к полной конверсии (если этому повтору не помешает образованное иным способом другое новое слово с аналогичным лексико-грамматическим значением). Относительное различение полной и окказиональной конверсии имеет практическую ценность в лексикографии, которая, как правило, учитывает только результаты полной конверсии.

В монгольском языке намечается шесть видов конверсии в зависимости от категориально-грамматической отнесенности конвертированных слов: конвертивная субстантивация, конвертивная адъективация, конвертивная вербализация, конвертивная адвербиализация, конвертивная нумерализация и конвертивная прономинализация. Наибольшее применение в монгольском языке имеют конвертивные субстантивация, адвербиализация и адъективация. Ограниченное применение в особых случаях имеет конвертивная вербализация. Встречаются также отдельные слова как результаты конвертивной прономинализации и нумерализации. Конкретные виды конверсии будут рассмотрены ниже по соответствующим частям речи.

В отдельных случаях определение вида конверсии осложняется из-за отсутствия каких-либо (семантических или формальных) указаний на первичность одной из лексико-грамматических основ в конверсии, если ограничиваться материалами современного монгольского языка. Например, в отрывках 1) ...чононд баригдаж ух-сэн ахынхаа амьдралыг харамсан бодно '... с горьким сожалением думал о судьбе погибшего старшего брата, заеденного волками...' и 2) ...тэр худалдагч хүүхэн нь хэдий нэг нутгийн боловч, хоёр гурван насаар ах болохоор нь... '... из-за того, что эта продавщица, хотя бы и землячка его, была старше года на два на три...' два слова ах являются разными словами. В первом отрывке слово ах 'старший брат' является именем существительным; на это указывают его форма родительного падежа, функционирующая в данном отрывке в роли определения при имени существительном амьдрал 'жизнь' (стилистически замененном в переводе словом 'судьба'), а также примыкающее к этому слову ах определение, выраженное причастной формой глагола ух- 'умирать; погибать'. Во втором отрывке слово ах является качественным именем прилагательным 'старший (по возрасту)'; на это указывает сочетаемость его с орудным падежом имени существительного нас(ан) 'возраст' (стилистически замененном в переводе словом 'год'), выражающая относительную степень качества. Материальное совпадение обеих лексико-грамматических основ ах и их близкое вещественное значение ('старший брат', 'старший по возрасту') при различной категориально-грамматической отнесенности их позволяет сделать

предположение о том, что одно из этих двух слов возникло в результате полной конверсии *. Но почти нет признаков, которые указывали бы на первичность одной из этих основ в конверсии, кроме большей абстрактности в значении имени прилагательного. Можно только предполагать, что исходной основой конверсии послужила основа имени существительного ах 'старший брат; старший представитель рода', зарегистрированного почти во всех известных монгольских языках, отмеченного в словаре "Мукаддимат ал-Адаб" и широко использованного в одном из древнейших монгольских текстов - "Сокровенном сказании"; следовательно, предполагаемая здесь полная конверсия была конвертивной адъективацией.

§ 4. Лексико-семантический способ

Этот способ используется при образовании новых слов и заключается в смене одного лексического значения другим лексическим значением при сохранении остальных компонентов структурно-семантического единства слова, послужившего базой словообразования. Лексико-семантический способ словообразования имеет общие моменты с конвертивным словообразованием - при обоих способах старая форма слова наполняется новым содержанием. Но при конвертивном словообразовании в триединстве, определяющем индивидуальное существование слова (звуковая оболочка + категориально-грамматическое значение + лексическое значение), изменяется категориально-грамматическое значение и возникшее триединство нового слова проявляется внешне и непосредственно в особенностях сочетаемости нового слова с другими словами и в особенностях его словоизменения (в другой парадигме). А при лексико-семантическом способе словообразования в триединстве, определяющем индивидуальное существование исходного слова, изменяется лексическое значение. В связи с этим возникшее триединство нового слова почти не находит себе непосредственного внешнего проявления - сохраняется прежняя парадигма словоизменения, в общих чертах сохраняется грамматический характер связей с другими словами. Новое содержание обусловливает область применения нового слова, и весь контекст, в котором находится новое слово, вместе с семантическими связями его с другими словами позволяют судить об особой индивидуальности этого слова. Но сами лексические изменения в слове имеют различные степени, с большой амплитудой от незначительных оттенков в исходном значении до нового значения без четких семантических границ между этими переходами. Все это порождает большие теоре-

* Если исключить мало вероятную филиацию двух более конкретных значений на основе исходного нерасчлененного значения с очень большой степенью обобщения, которое тогда должно было бы примерно совпадать с вещественным значением в общем корне ах- обоих ныне существующих слов ах, имени существительного и имени прилагательного.

тические и практические затруднения при выявлении новых слов лексико-семантического образования, заставляя языковедов в отдельных случаях занимать крайние теоретические позиции, чтобы избежать субъективизма в квалификации слов по их лексическому значению [1, с. 31-43] *.

Затруднительно, например, установить, сколько слов хоолой в современном монгольском языке и, следовательно, сколько корневых омоморфем хоолой-.

В одном контексте хоолой имеет значение 'горло' (улаан хоолой 'пищевод'); в другом контексте – 'пролив (морской)', 'рукав, проток (реки)'. Эти значения соотнесены с понятием 'узкая полая или желобчатая соединяющая часть'. Опираясь на критерий понятийной отнесенности, их можно рассматривать как различные значения одного слова хоолой с прямым значением 'горло'. Но слово хоолой в отрывке

Цээл нарийн хоолой минь
Чамдаа зорин уянгалав

'Мой голос, высокий, певучий,
Звенит, устремляясь к тебе'

соотнесено по своему значению с понятием 'голос человека', отличным от предыдущего понятия 'узкая полая или желобчатая соединительная часть', и поэтому является другим словом, омонимичным первому слову хоолой и синонимичным слову дуу(н) 'звук; голос; песня'. Второе слово хоолой отпочковалось от первого слова хоолой путем закрепления его переносного значения в качестве названия за другим явлением действительности.

Установление семантических границ слова при лексико-семантическом способе словообразования является проблемой лексикологической и лексикографической и к морфологии имеет сравнительно небольшое отношение, так как при сохранении звуковой оболочки и категориально-грамматического значения грамматическая природа нового слова остается прежней, изменяется только вещественное значение корневой морфемы. Морфология при структурно-семантическом анализе слова констатирует только наличие новой корневой морфемы, опираясь на выводы лексикологии.

§ 5. Основосложение

Основосложение – употребительный в современном монгольском языке грамматический способ словообразования и словоизменения – представляет собой соединение двух и более лексико-

* В этой связи плодотворной представляется попытка применить критерий понятийной отнесенности при установлении семантических границ слова. Последующее изложение в этом параграфе основано на теоретических положениях статьи Н.Н. Амосовой [7].

грамматических и формообразовательных основ вещественных слов, а также частей основ в одну сложную основу с относительным сохранением фонетической самостоятельности соединяемых основ. Эта относительная фонетическая самостоятельность соединяемых основ в монгольском языке проявляется в сохранении ими напряженности гласного первого или единственного слога (в том числе и краткого гласного, если он содержится в этом слоге) и в связи с этим в сохранении сингармоничного ряда своего звукового состава. Поэтому сложные слова в монгольском языке являются главным образом составными, а не слитными (и поэтому действующая орфография в абсолютном большинстве случаев сохраняет раздельное написание соединяемых основ). По значению в структуре слова различаются основосложение словообразовательное и формообразовательное, а по соотношению между собой исходных основ – сложение разных основ и повтор основы (редупликация) с подразделением последнего на полный, частичный повтор и повтор с преобразованием.

Сложение разных лексико-грамматических основ вещественных слов в монгольском языке употребляется главным образом при словообразовании.

Парное основосложение широко используется в монгольском языке как грамматическое средство словообразования – образования парных слов (биномов) из двух лексико-грамматических основ по модели R+R. Эта модель словообразования, свойственная монгольским и тюркским языкам, характеризуется равноправным включением обеих исходных простых основ в образованную сложную основу. Примерную аналогию такому характерному равноправию включаемых основ можно найти в синтаксическом сочинении однородных членов предложения. Но отождествлять их между собой, конечно, нельзя, хотя сама модель словообразования биномов, по всей вероятности, генетически восходит к такому сочинению. Исходные основы при парном основосложении по отношению друг к другу являются синонимами, антонимами и т.п. Иначе говоря, они находятся в общем семантическом поле. По сравнению со значениями исходных основ сложная основа парного слова имеет в одних случаях более отвлеченное значение, в других – бóльшую собирательность, несколько реже содержит в себе простую сумму исходных значений. Например, ах дүү 'братья' < ах 'старший брат', дүү 'младший брат, младшая сестра'; эх эцэг 'родители' < эх 'мать', эцэг 'отец'; эв найрамдал 'дружба' < эв 'дружба, согласие', найрамдал 'дружба, согласие, солидарность'; цаг уур 'погода' < цаг 'время', уур 'пар'; цэг тэмдэг 'пунктуация' < цэг 'точка', тэмдэг 'знак'. Очень часто парное основосложение комбинируется с конверсией, преимущественно с конвертивной субстантивацией. Например, идэр залуу 'юность, молодость' < идэр 'молодой; бодрый', залуу 'молодой'; халуун хүйтэн 'температура' < халуун 'жаркий, горячий', хүйтэн 'холодный, холодно'.

Порядок исходных основ в парной основе определяется их слоговой структурой и звуковым составом: предшествует основа с меньшим количеством слогов; при равносложности основ предшествует основа с кратким гласным в первом слоге: при равносложности и

совпадении длительности гласных предшествует основа с гласным началом; при совпадении этих признаков предшествует основа с твердорядным звуковым составом или основа с широким гласным в первом слоге. Но есть исключения из этих правил, объясняемые историей языка: например, газар ус 'территория' < газар 'земля', ус 'вода' (< ɣajar usun). Парные слова как особые лексические единицы не имеют четких внешних признаков (кроме только что отмеченного порядка в соединении основ), отличающих их от сочетания двух однородных членов предложения; имеется лишь внутренний признак, семантический, который проявляется в словообразовании.

Непарное основосложение. Близким к предыдущему типу является сложение двух и более структурно равноправных основ по модели $...+R_3 + R_2 + R_1$, которое можно назвать непарным основосложением, подчеркивая этим термином потенциальное включение двух и более исходных основ в структуру сложной основы. Например, далан дөрөв 'семьдесят четыре', зуун далан дөрөв 'сто семьдесят четыре' < зуун 'сто', далан 'семьдесят', дөрөв 'четыре'.

Атрибутивное основосложение. Особым случаем сложения разных основ, отличным от парного и непарного основосложения, является также широко используемое в современном монгольском языке сложение неравноправных между собой двух (очень редко больше) лексико-грамматических основ вещественных слов по модели $...R_{attr} + R$. При этом первая основа своим значением уточняет и конкретизирует значение второй основы, в результате значение второй основы, сливаясь со значением первой основы в неразрывное семантическое единство, кристаллизуется в виде отдельного понятия. По характеру семантического процесса образования нового понятия, содержащегося в сложной основе, эту модель словообразования можно назвать атрибутивным основосложением. Разновидностями модели атрибутивного основосложения по категориально-грамматической отнесенности исходных основ являются соединения основы имени прилагательного с основой имени существительного, основы наречия с основой имени прилагательного, основы имени прилагательного с основой имени прилагательного, основы наречия с основой глагола, основы имени числительного с основой имени существительного и основы имени существительного с основой имени существительного. Категориально-грамматическая отнесенность новой сложной основы определяется последней исходной основой. Например, цагаан идээ 'молочная пища' < цагаан 'белый', идээ 'пища'; долоо(н) хоног 'неделя' < долоо(н) 'семь', хоног 'сутки'; суга таяг 'костыль' < суга 'подмышки', таяг 'посох'; зам төмөр 'рельс' < зам 'путь, дорога', төмөр 'железо'; эх орон 'родина' < эх 'мать', орон 'страна'; хоёр зуун 'двести' < хоёр 'два', зуун 'сто'.

Некоторую аналогию атрибутивному основосложению можно найти в атрибутивно-субстантивных, атрибутивно-обстоятельственных

адъективных и вербальных словосочетаниях и в словосочетаниях с приложениями, не отождествляя, однако, разновидности модели атрибутивного основосложения с этими свободными синтаксическими словосочетаниями. Видимо, модель атрибутивного основосложения в ее разновидностях генетически восходит к перечисленным выше типам синтаксических словосочетаний. В настоящее время сложные основы атрибутивного основосложения, как и сложные основы парного основосложения, не имеют в монгольском языке четких внешних признаков, которые послужили бы критериями отличия их от соответствующих по моделям конкретных синтаксических словосочетаний, кроме внутреннего семантического признака, проявляемого в последующем словообразовании.

Комбинированное сложение разных основ характеризуется равноправным и атрибутивным включением исходных основ в структуру сложной основы. Особенно широкое применение оно имеет при образовании имен числительных. Преобладающее большинство количественных числительных представляет собой составные слова, их комбинированно-сложные лексико-грамматические основы включают от трех до девятнадцати (теоретически возможно и больше) простых основ. Например, составная основа числительного хоёр мянга гурван зуун хорин тав(ан) 'две тысячи триста двадцать пять' включает шесть простых основ, из которых мянга 'тысяча', зуун 'сто', хорин 'двадцать', тав(ан) 'пять' включены равноправно в структуру основы, а хоёр 'два' и гурван 'три' – атрибутивно.

Критерий словообразовательных возможностей. Единственным достаточно надежным критерием отличения сложной основы, в частности основы атрибутивного или парного основосложения, от аналогичных по внешней структуре свободных синтаксических сочетаний слов, а также от лексикализованных единиц, не перешедших в сложные слова, остается семантическое единство сложной основы, которое внешне проявляется в использовании ее в качестве исходной основы при словообразовании. Например, доказательством того, что сочетание основ эх орон при эх 'мать', орон 'страна' представляет собой не две основы двух слов, а сложную основу одного слова, является их выкристаллизовавшееся семантическое единство в виде понятия 'родина'. Это семантическое единство проявляется в способности данной сложной основы быть исходной при словообразовании, в частности при образовании имени существительного эх оронч 'патриот' путем прибавления к этой сложной основе словообразовательного аффикса -ч по модели $R_s + =\underline{a}$. Следовательно, в каждом отдельном случае при необходимости квалифицировать конкретное сочетание основ в структурно-семантическом плане требуется специальная проверка путем выявления словообразовательных возможностей данного сочетания основ, чтобы установить, является ли это сочетание основ сложным словом, или нет. В последнем случае оно может быть свободным синтаксическим словосочетанием, ограниченно свободной или несвободной лексикализованной единицей с той или иной степенью лексикализации, не достаточной, однако, для возникновения слова.

Этот критерий словообразовательных возможностей имеет некоторое значение при морфологическом и отчасти синтаксическом анализе монгольского текста. но большее практическое применение он может найти при лексикографических работах.

Повтор основы – частный случай основосложения – представляет собой удвоение основы вещественного слова, обычно лексико-грамматической, реже в виде сочетания формообразовательной и лексико-грамматической основ одного вещественного слова, для выражения дополнительных формальных значений в данном слове, образуя грамматическую форму этого слова в виде его сложной основы. В монгольском языке грамматический способ повтора основы представлен в трех разновидностях: полный повтор основы, неполный повтор основы, повтор с изменением основы.

Полный повтор – удвоение лексико-грамматической основы, реже сочетание формообразовательной и лексико-грамматической основ одного вещественного слова. Удвоенные основы как грамматические формы выражают дополнительные грамматические значения, объединяемые общей в них характеристикой количественного увеличения в отражаемых явлениях действительности. Например, удвоенная основа имени существительного выражает обобщенную характеристику расчлененной множественности обозначаемых этим словом предметов: ... гэр гэртээ харьцгаалаа '... разошлись по юртам' (букв. 'вернулись в свои юрты'); ... модон дээр сүрэг сүргээр амьдарч байжээ '... жили стадами на деревьях'. Удвоенная основа имени прилагательного также выражает обобщенную характеристику расчлененной множественности имени существительного, к которому примыкает данная удвоенная основа имени прилагательного в атрибутивном субстантивном словосочетании: ... шинэ шинэ санаа төрүүлэн өгсөөр байгаа... '... рождала новые и новые мысли ...'. Удвоенная основа качественного наречия выражает обобщенную характеристику большей интенсивности обозначенного качества с оттенком длительности в действии глагола, характеризуемого этим наречием в атрибутивном вербальном словосочетании: ... гарыг чанга чанга атгалан... '... крепко-крепко пожимая руку...' Более подробная характеристика дополнительных грамматических значений, выражаемых удвоенными основами различных частей речи, будет дана при описании грамматических форм соответствующих частей речи.

Неполный повтор лексико-грамматической основы вещественного слова (качественного имени прилагательного и качественного наречия), образуя сложную основу, представляет собой препозитивный повтор первого слога основы (без последнего согласного, если этот слог закрытый) с добавленным согласным -в, реже другим согласным, закрывающим собой этот слог. Образованная неполным повтором частично удвоенная основа как грамматическая форма слова выражает дополнительное грамматическое значение – обобщенную характеристику высшей безотносительной степени качества, названного именем прилагательным или наречием: ... гандаж бов бор болчихсон... '...загорел, стал совсем чер-

ным' (букв. 'смуглым-пресмуглым, или серым-пресерым'); ...гэв гэнэт урган гардаггүй ... '...не вырастает вдруг' (букв. 'совсем неожиданно').

Повтор с изменением звукового состава постпозитивно повторенной лексико-грамматической основы слова происходит в двух случаях.

Добавление к звуковой структуре постпозитивной основы начального звука м-, если основа имеет гласное начало; замена начального согласного основы звуком м-, если основа имеет согласное начало. При этом, в наиболее часто встречающемся варианте повтора с изменением образованная измененно-удвоенная основа как грамматическая форма слова выражает дополнительное грамматическое значение – обобщенную характеристику субъективной пренебрежительной оценки называемого явления действительности, в именах существительных это значение дополняется обобщенной характеристикой собирательной множественности: ... тэр акт маактаа аваад ирэх үгүй юү '...не притащишь те самые актики свои?!' (усвоенное через русский язык слово акт сохраняет русское правописание, хотя русский ударный гласный в нем реализовался как долгий: «a:ctx̌»); Ашгүй өнөө шалгалт малгалт нь алга л байна уу? 'Да нет ли случаем этих проверочек-ревизий?!'; ...хонь малаа цонхтой монхтой сайхан байшинд байлгаж... '...скотинку свою содержат в хоромах с окнами-оконницами...'

Изменение состава гласных в звуковой структуре постпозитивно повторенной основы (смена широкого гласного узким в первом слоге, смена мягкорядной структуры твердорядной, и наоборот, и т.п.): Нар хагас хугас далд ороод... 'Солнце наполовину зашло...'

§ 6. Формосложение

Под формосложением в данной работе понимается особый грамматический способ словоизменения в современном монгольском языке (он существует также в других монгольских и тюркских языках), близкий технически к основосложению. Он представляет собой моделированное сложение лексико-грамматической основы слова с предшествующей внепарадигматической формой того же слова или формой близкородственного слова, определяемой конкретной моделью формосложения. Образованная таким способом грамматическая форма слова (в виде сочетания слов) выражает грамматическое значение, дополнительное к значению лексико-грамматической основы этого слова. Например, грамматическая форма сайны сайн 'лучший из лучших, наилучший' качественного имени прилагательного сайн 'хороший' структурно организована по модели

$$R_a + \text{афф. род. пад. } R_a$$

и выражает обобщенную характеристику высшей относительной степени качества, названного этим именем прилагательным.

Для выделения особого словоизменительного способа формосложения в монгольском языке использовались определенные основания.

1. Употребление первого компонента сочетания в аффиксальной форме, не свойственной аффиксальному словоизменению соответствующей по модели части речи. В частности, в приведенной здесь иллюстративной модели дан родительный падеж имени прилагательного, которое в монгольском языке не склоняется. Необычное оформление первого компонента исключает возможность толковать это оформление как выражение синтаксических отношений между обоими компонентами. Следовательно, само сочетание нельзя толковать как синтаксическое словосочетание; проверяется этот вывод методом постановки вопроса: вопрос можно поставить ко всему сочетанию и нельзя поставить к первому компоненту. Поэтому все сочетание в составе предложения следует квалифицировать как один член предложения.

2. Обязательное тождество лексико-грамматических основ обоих компонентов (или близкое родство этих основ), которое исключает возможность толковать эти формы как лексикализованные сочетания, как правило составленные разными словами с различными основами. Этому толкованию препятствуют также обстоятельства, изложенные ниже (п. 4-6).

3. Отсутствие служебных слов в сочетаниях данного типа, которое исключает возможность толковать их как аналитические формы (гл. II, § 8). Этому толкованию препятствует также обстоятельство, изложенное выше (п. 2).

4. Выражение сочетания данного типа грамматических значений, дополнительных к значению общей или последней лексико-грамматической основы в них.

5. Строго моделированная структура сочетания.

6. Широкие возможности в образовании аналогичных сочетаний от любых слов при соответствующей категориально-грамматической отнесенности их согласно модели.

Описанный здесь способ образования сложной формообразовательной основы целесообразно обозначить термином ф о р м о с л о ж е н и е, который характеризует сам способ и указывает на отличие его от основосложения. Сложную основу словоизменения, полученную в результате формосложения, целесообразно называть термином с л о ж н а я ф о р м о о с н о в а, который указывает на сложный характер формообразовательной основы и на ее структуру.

Формосложение, как и неполный повтор (гл. II, § 5), при большой употребительности в речи занимает узкий сектор в строе языка, ограничиваясь пределами словоизменения качественных имен прилагательных и наречий.

§ 7. Лексикализация

Сложение разных равноправных и неравноправных лексико-грамматических основ, различные повторы основ, рассмотренные выше, восходят, вероятно, в отдаленном прошлом, может быть еще во

времена тюрко-монгольской языковой общности *, к моделям свободных синтаксических словосочетаний. Но они обособились от последних как морфологические по содержанию средства слово- и формообразования и в настоящее время являются живыми и очень продуктивными моделями образования сложных основ в современном монгольском языке, совершенно независимыми от системы типов синтаксических словосочетаний этого языка. На полную автономность моделей основосложения от системы синтаксических словосочетаний указывает, в частности, использование основы имени существительного в роли первого компонента атрибутивного основосложения, принципиально отличающееся от нормального в современном монгольском языке употребления имени существительного, которое не может входить в синтаксические словосочетания в форме своей основы как первый компонент этих словосочетаний.

Весьма возможно, что м о д е л и о с н о в о с л о ж е н и я, особенно модели словообразовательного основосложения, выделились путем грамматического обобщения однотипных лексикализованных единиц в результате многократной максимальной лексикализации конкретных однотипных синтаксических словосочетаний, построенных на примыкании, и последнее обстоятельство – структура словосочетаний с примыканием слов в форме основы – могло способствовать такой грамматикализации, так как в любом типе моделированного монгольского словообразования исходными и конечными объектами являются лексико-грамматические основы.

С л о ж н ы е л е к с и к а л и з о в а н н ы е о с н о в ы. Иная картина наблюдается при лексикализации сочетаний слов, являющихся отдельными случаями других типов синтаксических сочетаний слов, построенных на иных, чем примыкание основ, синтаксических средствах. Максимальная лексикализация таких отдельных сочетаний слов, образующая сложные слова, например, типа дуугарах 'издавать звуки, говорить', возникшего из предикативного сочетания дуу гар- (-ах ~ -сан..) 'голос' (подлежащее), 'выйдет ~ вышел'... (сказуемое), или типа албан хаах 'служить' (< албан 'служба; повинность', хаах 'закрывать'), возникшего из прямообъектного вербального словосочетания, и других сочетаний не дала в современном монгольском языке моделей словообразования, по которым можно было бы образовать новые сложные слова непосредственно из простых слов, минуя лексикализацию конкретных синтаксических сочетаний слов. Все сложные монгольские слова подобных структурных типов представляют собой отдельные случаи в результате максимальной лексикализации конкретных сочетаний слов (аналогичные образованию, например, русского слова с у м а с ш е д ш и й из конкретного синтаксического словосочетания с у м а с ш е д ш и й ~ с у м а с о ш е л), а не результаты моделированного словообразования. Они сохраняют при этом

* При этом учитывается, что основосложение в монгольских и тюркских языках имеет много общего, вплоть до материального совпадения моделей неполного повтора основы и повтора с изменением основы.

внутри своих сложных основ формальное выражение семантически обесцвеченных и даже полностью слинявших синтаксических отношений, которые были свойственны исходным конкретным синтаксическим сочетаниям слов. Для всех таких сложных слов характерна консервация словесного состава и его оформления, их окостенелость в результате длительного или специализированного использования в речи. За основами этого типа слов целесообразно закрепить термин сложные лексикализованные основы.

Вообще сохранение формального выражения синтаксических отношений типа предикативных, объектных, принадлежности, локальных и других в сочетаниях слов, построенных на падежном, послеложном или притяжательном оформлении имен, является сдерживающим фактором для максимальной лексикализации синтаксических сочетаний слов, препятствует семантическому слиянию значений исходных слов в одно значение. Только в отдельных и не очень частых случаях, примеры которых даны в предыдущем абзаце, преодолевается такое сопротивление формы и лексикализация достигает своей максимальной степени, порождая сложные лексикализованные слова. Отсюда следует, что нет оснований различать типы слов среди сложных лексикализованных слов, выделяя, например, сложные слова по типу предикативных сочетаний, сложные слова по типу прямообъектных вербальных словосочетаний, сложные слова по типу субстантивных словосочетаний принадлежности и т.п. Все эти затемненные семантически, но сохранившиеся формально в сложной основе типы указывают только на исходные моменты в максимальной лексикализации и вовсе не характеризуют самое лексикализацию в виде различных словообразовательных моделей. Во всех подобных случаях лексикализация является одной и той же максимальной лексикализацией (может быть, с небольшими различиями в ее степени). Модель словообразования, если нужно выделять этот способ как модель (хотя оснований для этого нет), здесь только одна, а именно: максимальная лексикализация синтаксических сочетаний слов, представляющая собой слияние отдельных значений слов, которые составляют сочетание, в одно значение на основе консервации состава и структуры данного сочетания в условиях многократного и длительного или специализированного использования его в речи.

Лексикализованные единицы. Кроме сложных лексикализованных основ, в процессе лексикализации с меньшими степенями ее проявления образуются также другие типы единиц, которые целесообразно объединить под общим термином лексикализованные единицы (ср.: [34, с. 90 и др.]). Употребление здесь термина "лексикализованные единицы" вместо более обычного в советском языкознании термина "фразеологические единицы" мотивируется, с одной стороны, задачей объединить с помощью этого термина в особую группу все выпавшие из синтаксиса "недослова" – все застывшие и ограниченно свободные в монгольском языке сочетания слов, не ставшие еще сложными словами, многозначные и однозначные, почти слившиеся семантически и сохранившие относительную самостоятельность значений сочетающихся слов, насыщенные экспрессивностью и лишенные ее, имеющие всеобщее употребление и специализированные; а с другой стороны, мотивируется задачей отразить в термине способ образования этих единиц, занимающих по своей структуре промежуточное положение между сложными словами и свободными синтаксическими словосочетаниями, но функционирующих в предложении как отдельные слова. Лексикализованные единицы подразделяются на три основных типа в зависимости от степени их лексикализации [10, с. 21–28].

Лексикализованные сращения – несвободные сочетания слов с новым значением, не мотивированным значениями сочетающихся слов. Например, далайн чоно 'зубатка (морская рыба)', букв. 'морской волк'.

Лексикализованные единства – несвободные сочетания слов с новым значением, выводимым из значений сочетающихся слов. Например, халуун хүйтний хэмжүүр 'термометр', букв. 'измеритель температуры', чих тавих 'прислушаться', букв. 'уши наставить', нэрд гарах 'прославиться', букв. 'выйти в имя'.

Лексикализованные сочетания – ограниченно свободные сочетания слов, допускающие синонимическую замену компонентов, со значением, суммированным значениями сочетающихся слов. Например, бороо̆ны дусал~хурын дусал 'дождевые капли' (в метеорологии).

Наименьшую степень лексикализации имеют лексикализованные сочетания, граничащие со свободными синтаксическими сочетаниями слов. Наибольшую степень лексикализации (но не максимальную) имеют лексикализованные сращения, граничащие со сложными лексикализованными словами. Лексикализованные единицы являются сочетаниями слов, более или менее застывшими в своем составе, отличными от сложных слов максимальной лексикализации: они не могут участвовать в словообразовании как исходные основы, тогда как сложные слова максимальной лексикализации, подобно сложным словам парного и атрибутивного основосложений, могут служить исходной лексико-грамматической основой в словообразовании. Таким образом, и при лексикализации критерий словообразовательных возможностей (хотя бы ограниченных) позволяет отличать сложные слова от лексикализованных единиц, и прежде всего от лексикализованных сращений. Например, возможность образования имени существительного албан хаагч 'служащий' посредством словообразовательного аффикса -гч от сочетания слов албан хаа- позволяет сделать вывод, что это сочетание есть сложный глагол, возникший в результате максимальной лексикализации прямообъектного вербального словосочетания.

Функционируя в составе предложения, лексикализованная единица любого типа ведет себя как одно сложное слово, а ее сложная структура до лексико-грамматической основы последнего слова включительно уподобляется основе слова, причем характер грамматического (синтаксического и морфологического) поведения лексикализованной единицы определяется категориально-грамматическим значением, заложенным в лексико-грамматической основе последнего

слова ее сложной структуры, и это последнее слово принимает на себя все формальное выражение дополнительных грамматических значений, обусловленных функционированием лексикализованной единицы в предложении. В отрывке ... нэгэн сангийн аж ахуйн одоогийн амьдрал... '...современная жизнь в одном государственном хозяйстве...' лексикализованное единство сангийн аж ахуй 'государственное хозяйство' (госхоз) функционирует как определение при слове амьдрал 'жизнь'; лексико-грамматическая основа последнего слова в нем аж ахуй содержит субстантивное категориально-грамматическое значение и определяет собой грамматическое поведение всего лексикализованного единства: оформление аффиксом родительного падежа -н последнего слова, примыкание ко всему лексикализованному единству определения, выраженного числительным нэгэн 'один', в данном случае со значением неопределенности.

Терминологические сочетания. Лексикализованные единицы (в особенности лексикализованные единства, а также лексикализованные сращения), специально ограниченные одним значением и лишенные всякой экспрессивности, играют большую роль в области монгольской терминологии, быстро развивающейся за последние десятилетия. В перечнях терминов, утвержденных специально созданной Государственной терминологической комиссией при Комитете наук и высшего образования МНР и публикуемых в непериодическом органе "Улсын нэр томьёоны комиссын мэдээ" ("Бюллетень Государственной терминологической комиссии"), в общих и специализированных терминологических словарях содержится много терминов, представляющих собой лексикализованные единства и сращения: далайн гахай 'дельфин', залгавчийн суурь 'штепсельная розетка', амралтын газар 'дом отдыха' и т.д. Подобные лексикализованные единицы (единства и сращения) со специализированным назначением, представляющие собой застывшие сочетания слов с одним четко отграниченным значением, целесообразно называть терминологическими сочетаниями, выделяя их тем самым в особую группу среди лексикализованных единиц современного монгольского языка и одновременно отличая от слов-терминов, в том числе от сложных слов-терминов, образованных по моделям парного и атрибутивного основосложения (путем максимальной лексикализации) и по моделям аффиксального словообразования от таких сложных основ.

§ 8. Сокращение

Лексикализованные единства, являющиеся употребительными и общепонятными терминологическими сочетаниями (преимущественно в качестве названий государств, организаций, учреждений), и в отдельных случаях сложные слова получают в письменной передаче сокращенное обозначение. В монгольском языке намечаются три способа графического сокращения, дающие в результате три типа аббревиатур (буквенная, буквенно-словесная, слоговая).

Буквенное и буквенно-словесное сокращение. Графические аббревиатуры составляются начальными буквами всех слов терминологического сочетания или начальными буквами всех слов, кроме последнего, сохраняющего в аббревиатуре свое полное графическое выражение. В одних случаях, преимущественно в заголовках газетных и журнальных статей, буквы в аббревиатуре разделяются точками, в других случаях пишутся слитно; в аббревиатурах собственных названий употребляются прописные буквы. В соответствии с изложенным сокращение терминологического сочетания Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улс 'Монгольская Народная Республика' дает четыре различные графические аббревиатуры: БНМАУ, БНМА Улс, Б.Н.М.А.У., Б.Н.М.А.Улс. Четыре разновидности аббревиатур дает также сокращение терминологического сочетания Монгол Ардын Хувьсгалт Нам 'Монгольская народно-революционная партия': МАХН, МАХ Нам, М.А.Х.Н., М.А.Х. Нам.

Слоговое сокращение. В единичных случаях графические аббревиатуры составляются первыми слогами слов терминологического сочетания или первыми слогами слов в составе сложного слова. Например, недавно появившееся терминологическое сочетание Монголын цахилгаан мэдээний газар 'Монгольское телеграфное агентство' получило графическую слоговую аббревиатуру Монцамэ. Сложное производное слово нягталан бодогч 'бухгалтер' (образованное от сложноосно́вного глагола нягталан бод- 'считать; вести счетное дело') получило графическую аббревиатуру ня-бо.

Как правило, буквенные и буквенно-словесные аббревиатуры являются только графическими аббревиатурами, которые при чтении получают полную расшифровку в виде исходных для них терминологических сочетаний. Но в отдельных случаях графическая буквенная аббревиатура, при удобном для произношения стечении букв в ней, получает соответствующее звуковое воплощение при чтении. Например, графическая буквенная аббревиатура НҮБ 'ООН', образованная способом буквенного сокращения в терминологическом сочетании Нэгдсэн Үндэстний Байгууллага 'Организация Объединенных Наций', получает звуковое воплощение «nʻüːʃ̬ᵒ». Точно так же буквенная аббревиатура АНУ 'США' терминологического сочетания Америкийн Нэгдсэн Улс 'Американские Соединенные Государства' (т.е. Соединенные Штаты Америки) получает при чтении звуковое воплощение «anoˌː».

Видимо, звуковые воплощения буквенных аббревиатур нельзя еще считать новыми словами в монгольском языке – словами-аббревиатурами, образованными способом звукового сокращения; по крайней мере, активная сторона в процессе языкового общения (автор письменного текста) не придает употребляемым буквенным аббревиатурам словесное значение – об этом можно судить, в частности, по падежному оформлению, которое фонетически относится к последнему слову терминологического сочетания, а не к звуковому воплощению аббревиатуры в целом. Например, пишется АНУ-ын, где аффикс род. пад. -ын фонетически относится к слову улс в составе терминологического сочетания Америкийн Нэгдсэн Улс 'Соединенные

Штаты Америки', а не к аббревиатуре АНУ 'США' в целом, иначе был бы употреблен вариант аффикса род. пад. -гийн (АНУ-гийн «ану$_{л}$:г^{ʻ}ий^{ʻ}н^{ʻ}»); пишется НҮБ-ыг, где аффикс вин. пад. -ыг фонетически относится к последнему слову в терминологическом сочетании Нэгдсэн Үндэстний Байгууллага 'Организация Объединенных Наций', а не к аббревиатуре НҮБ 'ООН' в целом, иначе был бы употреблен вариант аффикса вин. п. -ийг (НҮБ-ийг «нүү:б^{ʻ}и:г^{ʻ}»). Активная сторона в устном языковом общении (говорящий) употребляет соответствующие терминологические сочетания, а не их аббревиатуры.

Иная картина наблюдается при слоговом сокращении. Несмотря на редкое употребление этого способа в монгольском языке, его можно уже отнести к морфологическим способам словообразования этого языка, так как образованные этим способом слоговые аббревиатуры являются новыми словами, получившими право существования не только в письменной, но и в устной речи. Словесное существование слоговых аббревиатур устанавливается по особенностям звукового оформления в их словоизменении. Например, слоговая аббревиатура ня-бо 'бухгалтер', вопреки дефисному графическому выражению, получает словоизменительное оформление в соответствии со звуковой структурой своей аббревиированной основы в целом, а не в соответствии со звуковой структурой последнего компонента в сложно-производном слове нягталан бодогч 'бухгалтер', от которого образовалась эта аббревиатура способом слогового сокращения: форма исходного падежа ня-бо-гоос «ɲа$_{л}$:б^{ᵒ}ɔ:ɢ^{ᵒ}ɔ: ʂ», а не ня-бо-иос, т.е. не нягталан бодогчиос «ɲа$_{л}$ʧ^{ʻ}ɪ^{ʻ}ʃмʙ^{ᵒ}ɔ d^{ᵒ}ɤ^{ʻ}ghʃɔ:ʂ»; форма родительного падежа ня-бо-гийн «ɲа$_{л}$:б^{ᵒ}ɔ:г^{ʻ}ɪ:ŋ^{ʻ}», а не ня-бо-ийн, т.е. не нягталан бодогчийн «ɲа$_{л}$ʧ^{ʻ}ɪ^{ʻ}ʃмʊbɔd^{ᵒ}ɤ^{ʻ}ghʃɪ:ŋ^{ʻ}».

Таким образом, в способе сокращения морфологическое значение для строя современного монгольского языка имеет только слоговое сокращение в качестве словообразовательного способа, а буквенное и буквенно-словесное сокращение остается пока в области графики этого языка.

§ 9. Способ формальных слов

Грамматический способ формальных слов весьма широко используется в современном монгольском языке при морфологических процессах, представляя собой при этих процессах сочетание грамматической формы вещественного слова с постпозитивной, реже препозитивной лексико-грамматической основой формального слова, для образования новых слов и для выражения грамматических значений, дополняющих собой грамматические значения в лексико-грамматической и формообразовательной основе вещественного слова.

Словообразование посредством формальных слов. При словообразовании формальное слово, постпозитивно добавленное к лексико-грамматической или формообразовательной основе вещественного слова, составляет вместе с ней лексико-грамматическую основу нового вещественного слова. Категориально-грамматическая отнесенность вновь образованного способом формальных слов вещественного слова заложена в самом сочетании вещественного и формального слов, следовательно, определяется конкретной моделью словообразования. Например, сочетание лексико-грамматической основы имени существительного арга 'способ, ухищрение' с отрицательной частицей үгүй дает лексико-грамматическую основу отрицательного прилагательного аргагүй 'безвыходный, беспомощный' (по действующей орфографии отрицательная частица пишется слитно, начальный гласный частицы выпадает).

Лексико-грамматические основы вещественных слов, образованных способом формальных слов, имеют сложную структуру, отличную, однако, от сложных основ, возникших в результате основосложения или в результате максимальной лексикализации синтаксических сочетаний слов, так как при основосложении и при максимальной лексикализации исходные компоненты являются лексико-грамматическими основами и грамматическими формами вещественных слов, а при способе формальных слов последний компонент в составе образованной основы представляет собой лексико-грамматическую основу формального слова. Это структурно-семантическое различие лексико-грамматических основ должно найти отражение в их названиях. Термин "сложное слово" (и, следовательно, "сложная основа") закреплен за морфологической единицей, состоящей не менее чем из двух исходных лексико-грамматических основ вещественных слов, что в конце концов сводится к наличию в такой единице не менее двух вещественных корней.

Поэтому данный термин нельзя закреплять за основой, хотя и сложной по своей структуре, но имеющей в своем составе только одну лексико-грамматическую основу вещественного слова и в конечном счете только один вещественный корень. При этих обстоятельствах наиболее приемлемым термином является аналитическая (лексико-грамматическая) основа: этот термин, с одной стороны, указывает, что лексико-грамматическое значение, характеризующее сложное образование как особое отдельное слово, распределено в сочетании исходных основ, составивших лексико-грамматическую основу этого слова; с другой стороны, этот термин становится в один ряд с термином "аналитическая форма", закрепленным языковедческой традицией за морфологической единицей, также образованной способом формальных слов. Из всего этого следует, что при комбинации основосложения и словообразования по способу формальных слов (т.е. когда словообразовательное формальное слово сочетается со сложной лексико-грамматической основой) вновь образованная основа должна называться комбинированным термином сложная аналитическая (лексико-грамматическая) основа. Например, сочетание сложной основы эх эцэг 'родители', полученной в результате парного основосложения, с формальным словообразовательным словом (глаголом) бол(ох) дает сложную аналитическую основу непереходного глагола эх эцэг бол(ох) 'ста[ть]

родителями', который изменяется затем как простой глагол, в частности посредством формообразовательного залогового аффикса -го получает форму действительного залога эх эцэг болго(х) 'сделать родителями кого-нибудь (вин. пад.)'.

При словоизменении лексико-грамматическая основа формального слова добавляется (главным образом постпозитивно, но во многих конкретных случаях также препозитивно) к грамматической форме вещественного слова, выражая в сочетании с ней формальное, грамматическое значение, дополнительное к грамматическим значениям лексико-грамматической основы вещественного слова, не снимая в ней категориально-грамматической отнесенности этого слова. Таким образом, грамматическое значение вещественного слова распределено в сочетании слов (вещественного и формального), за которым языковедческая традиция закрепила термин аналитическая форма. Аналитическими формами, например, являются многочисленные видовые и модальные формы монгольского глагола, представляющие собой сочетание грамматической формы глагола (деепричастной) со вспомогательными и модальными глаголами: бичиж орхи(х) 'написать (форма законченного вида)', бичиж бай(х) 'писать (форма длительного вида)', бичиж бол(ох) 'можно писать (модальная форма возможности действия)'.

Аналитическими формами являются сочетания грамматической формы имени существительного с послелогами и частицами личной принадлежности: байшингийн дэргэд 'около дома', ах минь 'мой старший брат'. Изменяемое формальное слово в составе аналитической формы принимает на себя последующее словоизменение - аффиксальное и способом формальных слов, а также в ограниченных случаях и словообразование. Например, в видовой аналитической форме глагола бичиж орхи(х) 'написать' спрягается формальное слово - вспомогательный глагол орхи(х): бичиж орхисон 'написал', бичиж орхиод 'написав', бичиж орхи 'напиши' и т.д. От аналитической формы байшингийн дэргэд 'около дома' (сочетание послелога дэргэд 'около' с формой родительного падежа имени существительного байшин 'дом, здание') посредством словообразовательного аффикса -х [х'] добавленного к послелогу, образуется локальное по значению имя прилагательное байшингийн дэргэдэх 'находящийся около дома' (см. гл. II, § 2).

Особенностью способа формальных слов при выражении грамматических значений является своеобразное противоречие, когда грамматическое значение в слове выражается за его пределами, так как аналитические формы слов являются не отдельными словами, а сочетаниями вещественных и формальных слов. Аналитические формы включаются в систему форм конкретного вещественного слова, в его парадигму, так как выражают грамматические значения этого вещественного слова и являются морфологическими единицами, бо́льшими по объему, чем само вещественное слово. Следовательно, аналитические формы вещественного слова нельзя отождествлять с его грамматическими формами, хотя те и другие имеют одну и ту же функцию - служат выражению грамматических значений этого слова.

В историческом развитии языка аналитические формы служат переходным этапом от синтаксических сочетаний слов через их грамматикализацию к простым словам, способствуя образованию агглютинативных аффиксов из полнозначных вещественных слов после перехода последних в служебные слова. Об этой роли аналитических форм в генезисе аффиксов свидетельствует история отдельных аффиксов в монгольских языках.

Чрезвычайно широкое использование способа формальных слов при морфологических процессах в современном монгольском языке, особенно в его аналитических формах, наряду с основосложением, тоже по существу аналитическим способом словообразования и словоизменения, позволяет характеризовать современный монгольский язык в типологическом плане как аналитический язык. Выше монгольский язык был охарактеризован по широкому употреблению и особенностям аффиксации при словообразовании и словоизменении как агглютинативный язык. Эти две существенные характеристики, дополняя друг друга, типологически определяют современный монгольский язык по ведущим грамматическим способам в его морфологических процессах как агглютинативно-аналитический язык.

§ 10. Грамматикализация

Грамматический способ формальных слов, описанный выше (§ 9), мог развиться и утвердиться в системе грамматических способов монгольского языка на основе однотипных синтаксических сочетаний слов путем обобщения в них отношений и характеристик при одновременном усилении формального значения в одном из сочетающихся слов. Благоприятным моментом в таком переосмыслении могло быть более общее вещественное значение этого слова. На реальную возможность такого развития в монгольском языке указывают, в частности, аналитические формы с формальными словами, которые сохраняют в разной степени свои вещественные значения, отодвинутые на задний план возникшими и развившимися в них формальными значениями. Например, если вещественное слово эхлэ(х) 'начать; начаться' является глаголом, имеющим переходное и непереходное значение, и функционирует в предложении как его член, то формальный глагол эхлэ(х) в глагольной аналитической форме начинательного вида бичиж эхлэ(х) 'начать писать' с основным формальным значением, обобщенным на базе исходного вещественного значения, указывает только на начало действия сочетающегося с ним (согласно модели) переходного или непереходного глагола, сам лишен формального значения переходности-непереходности и не может функционировать как особый член предложения. Процесс обобщения характеристик и отношений в однотипных синтаксических сочетаниях слов, благодаря которому эти типы сочетаний слов переосмысляются в модели аналитических форм, принято называть грамматикализацией.

Термин "грамматикализация" прилагается также к сопутствующему процессу выделения формальных слов на основе грамматикализации однотипных синтаксических сочетаний слов при развитии из них моделей аналитических форм. В приведенном выше примере аналитической формы грамматикализованным является слово эхлэ(х), выделившееся в особое формальное слово, отличное уже от своего исходного вещественного слова эхлэ(х) 'начинать; начаться' благодаря тому, что основное значение его стало формальным, оттеснив на задний план вещественное значение.

Словообразовательные модели основосложения также выделились в процессе грамматикализации однотипных синтаксических сочетаний слов через этап их предварительной лексикализации, что представляется наиболее вероятным; следовательно, грамматикализация и выделение моделей основосложения (при справедливости высказанного предположения) протекали здесь иным путем, чем при развитии моделей аналитических форм: на базе предварительной многократной лексикализации однотипных синтаксических сочетаний слов, без выделения формальных слов.

Иной путь имела также грамматикализация, в результате которой возникли в монгольском языке грамматические формы степеней качества имен прилагательных и наречий, представляющие собой сочетания лексико-грамматической основы качественного прилагательного или наречия с формой родительного падежа или формой исходного падежа того же слова, хотя в современном монгольском языке имена прилагательные и тем более наречия не имеют парадигм склонения. Речь идет о сочетаниях типа сайны сайн, сайнаас сайн 'лучший; самый лучший; самый хороший'. Выражая грамматические значения высшей степени относительного качества, эти сочетания имеют моделированную структуру без формальных слов, что заставляет считать их не аналитическими формами (т.е. не сочетаниями разных слов – вещественного и формального), а грамматическими формами слова, именно – сложными формоосновами. Вероятнее всего, что возникновение данных грамматических форм связано с предварительной субстантивацией в сочетаниях слов, построенных по аналогии со свободными синтаксическими словосочетаниями типа моринь сайн 'лучшая из лошадей', мориноос сайн 'лучше лошади'.

Таким образом, грамматикализация, представляя собой частный случай, конкретное проявление грамматического обобщения, свойственного мышлению человека, является длительным процессом формального переосмысления однотипных по структуре синтаксических и лексикализованных единиц с итоговым преобразованием их в грамматикализованные единицы в виде моделированных сочетаний слов, с выделением, в частности, формальных слов; грамматикализация играет существенную роль в формировании грамматического строя монгольского языка, как, впрочем, и любого другого.

Глава III

ТИПЫ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный монгольский язык имеет богатый словарный состав. Он включает большое количество простых (корневых и производных) и сложных слов монгольского происхождения, т.е. слов, свойственных монгольским языкам в их древнейшем состоянии, и слов, образованных на базе древнейшего монгольского словесного материала. Кроме того, современный монгольский язык имеет много слов, усвоенных из других, родственных и неродственных, языков, – живое свидетельство длительной и активной истории монголов. В новом "Монгольско-русском словаре", который не охватил всего лексического богатства этого языка по организационно-техническим причинам, учтено 22 тыс. слов [25]. Государственная терминологическая комиссия при Комитете наук и высшего образования МНР составила, утвердила и опубликовала в специальных сборниках и словарях около 30 тыс. терминов, вошедших в лексический состав современного монгольского языка [26, с. 11].

Хотя значительная часть созданных терминов является лексикализованными единицами, такое количество их свидетельствует о дальнейшем быстром росте лексического состава монгольского языка. При самом различном лексическом значении новые слова создаются по существующим в грамматическом строе монгольского языка моделям словообразования (включая максимальную лексикализацию) или усваиваются из других языков – и в том, и в другом случае в форме лексико-грамматических основ. В последние десятилетия новые слова поступают в монгольский язык преимущественно из русского языка или через русский язык, одновременно значительный поток усваиваемых слов продолжает поступать из китайского языка. Все исконно монгольские слова, вновь образованные монгольские слова и усвоенные слова, используемые в речи, подводятся носителями монгольского языка под тот или иной тип слов по их значению и структуре. В соответствии с этим слова имеют различные функции и различное словоизменительное оформление. В этом сознательном практически, но не осознанном теоретически распределении всех существующих и вновь создаваемых слов по типам в связи с их использованием в речи определяющее значение имеет языковая традиция, создававшаяся и очень медленно изменявшаяся в течение десятков сотен лет и передававшаяся из поколения в поколение.

Осознать теоретически традиционное в монгольском языке распределение слов по типам, свойственным грамматическому строю монгольского языка, и выявить систему этих типов – такова одна из важнейших задач, которую должен ставить перед собой исследователь грамматического строя монгольского языка. Эта задача решалась и решается русскими и советскими монголоведами и монго-

ловедами МНР. Она получила разнообразные решения, что свидетельствует о чрезвычайной трудности самой проблемы и о различиях в теоретическом подходе к ее решению *. Последнее обстоятельство обязывает исследователя языка учитывать при классификации монгольских слов основные, ведущие стороны в жизни такого многогранного явления, каким являются слова, – их образование и структуру, значение, функционирование и изменение – и обобщенно выделить существенные и в то же время типовые моменты в них, отграничивая одновременно слова от близких к ним функционально и структурно языковых единиц типа лексикализованных единиц и аналитических форм. Такая предварительная работа, нужная сама по себе при характеристике грамматического строя языка, позволила бы продвинуть вперед решение важной проблемы о типах слов в современном монгольском языке.

§ 1. Структурная классификация

При изложении вопросов структуры монгольских слов и грамматических процессов в них попутно были сделаны и выводы о структурных типах слов и их форм. Целесообразно теперь объединить эти выводы и изложить их в виде системы структурных типов, присущих монгольским словам и их формам, уточнив и дополнив эти выводы на фоне всей системы. При морфологической структурной классификации в монгольском языке следует различать, во-первых, структуру отдельного слова как особой лексико-грамматической единицы, которая целиком определяется структурой единственной в нем лексико-грамматической основы, и, во-вторых, структуру отдельной грамматической формы слова, которая определяется структурой конкретной формообразовательной основы этого слова (см. гл. 1, § 6). Особо следует рассмотреть основные структурные типы аналитических форм.

Структурная классификация монгольских слов по типу их лексико-грамматических основ. Все монгольские слова делятся на два основных структурных типа по количеству корневых морфем в их лексико-грамматических основах: простые и сложные.

Простое слово (однокорневое) определяется его простой лексико-грамматической основой, содержащей в своем составе одну корневую морфему – вещественный корень в вещественном слове, формальный корень в формальном слове, экспрессивный корень в экспрессивном слове. Большинство формальных и экспрессивных слов в монгольском языке простые.

Сложное слово (многокорневое) определяется его сложной лексико-грамматической основой различного образования и усложнения, которая содержит в своем составе два (и более) вещественных

* Краткий обзор классификаций слов в монголоведении см. ниже (гл. III, § 9–10).

корня в вещественном слове или два (и более) структурно равноправных формальных корня в формальном слове.

Итак, основанием этого классификационного деления монгольских слов является количество корней одного семантического типа в структуре слова.

Простые слова, в свою очередь, подразделяются на корневые и производные с дальнейшим подразделением последних на аффиксально-производные и аналитические простые слова. Основанием деления является структурный состав простой основы слова.

Простое слово является корневым, если его лексико-грамматическая основа материально совпадает с корневой морфемой: гэ-гээ(н) 'рассвет' при корне гэгээ-.

Синонимичный термин "непроизводное слово", имеющий широкое употребление в советском языкознании, в настоящей работе не принят, так как существующие в монгольском языке слова конвертивного и лексико-семантического образования, будучи производными (т.е. образованными от других слов путем их категориально-грамматического, а также вещественного переосмысления), структурно являются корневыми словами. Например: анги 'часть'; анги 'другой, отдельный'; ср. также: анги 'часть'; 'курс, класс'; 'класс (социальный)'.

Простое слово является производным при усложнении его простой лексико-грамматической основы словообразовательными элементами. Термину "производное слово" в данном случае придано более узкое значение материально производного слова, усложненного словообразовательными элементами.

Простое слово, будучи производным, является аффиксально-производным, если в его простой лексико-грамматической основе кроме корневой морфемы содержится один, два и более словообразовательных аффиксов: гэгээр(эх) 'просвеща⟨ть⟩ся' гэгээрэл 'просвещение' при корне гэгээ- и словообразовательных аффиксах -р, -(э)л.

Простое слово, будучи производным, является простым аналитическим, когда в составе его простой основы имеется формальное словообразовательное слово, что дает право определить эту основу как простую аналитическую (лексико-грамматическую) основу: эрх биш 'обязательно' < эрх 'право', биш – формальное слово (представляющее собой в данном случае отрицательную частицу со словообразовательной функцией).

Словообразовательные аффиксы и словообразовательные формальные слова могут сочетаться между собой с различным порядком расположения после корневой морфемы в структуре одной простой основы в зависимости от конкретных словообразовательных целей и моделей, определяя тем самым структурные разновидности производных (аффиксальных и аналитических) простых слов: аргагүй 'безвыходный' – аналитическое простое слово (графически изображенное слитным) < арга 'способ, ухищрение' үгүй – формальное слово (отрицательная частица 'без') со словообразовательной функцией в модели R_s + үгүй > R_a; аргагүйт(эх) 'попасть в безвыходное положе-

ние' – аналитическое аффиксально-производное простое слово, где -т – словообразовательный аффикс, участвующий в образовании лексико-грамматической основы непереходного глагола по модели R_a + + -т > R_{vi}.

Таким образом, структурная классификация простых монгольских слов, отражая существенные особенности их структуры, учитывает обязательное наличие одной корневой морфемы в составе лексико-грамматической основы слова, наличие или отсутствие словообразовательных аффиксов, наличие или отсутствие словообразовательных формальных слов и возможные комбинации словообразовательных элементов в пределах простой лексико-грамматической основы слова.

1. Сложные слова также подразделяются на два основных структурных типа в зависимости от структуры их сложных основ, а именно на сложноосно́вные и сложнопроизводные слова.

Сложноосно́вные слова определяются сложной основой, составленной исходными вещественными или формальными словами по моделям основосложения или путем максимальной лексикализации исходных синтаксических сочетаний вещественных слов; наличие или отсутствие модели основообразования определяет деление сложноосно́вных слов на моделированные и немоделированные сложноосно́вные слова.

Немоделированное сложноосновное слово характеризуется лексико-грамматической основой, полученной в результате максимальной лексикализации конкретного синтаксического сочетания слов, что позволяет называть такое сложное слово семантически более прозрачным термином лексикализованное сложное слово: эдийн засаг 'экономика' (ср. эд 'товар', засаг 'правление; законоуложение').

Среди моделированных сложноосно́вных слов намечаются три структурных типа в соответствии с конкретными моделями образования их сложных основ.

Многоосно́вное сложное слово характеризуется его сложной лексико-грамматической основой, образованной по модели потенциального сложения нескольких основ – ...+R_3+R_2+R_1: арван хоёр 'двенадцать' при арав (арван) 'десять', хоёр 'два'; хоёр зуун хорин тав 'двести двадцать пять' при зуун 'сто', хорин 'двадцать', тав(ан) 'пять' (см. гл. II, § 5).

Парное сложное слово (бином) определяется его сложной парной лексико-грамматической основой, образованной по модели сложения двух исходных равноправных основ вещественных слов без потенциального увеличения их числа – R_2+R_1: ов мэх 'махинация; плутни' при ов 'хитрость; коварство', мэх 'хитрость; обман'.

Атрибутивное сложное слово определяется его атрибутивной сложной основой, образованной по модели сложения двух исходных основ с атрибутивными семантическими отношениями между ними – R_{attr} + R: дэд эрдэмтэн 'кандидат наук' при дэд 'второй; следующий', эрдэмтэн 'ученый'.

Сложное слово является производным при добавлении к его сложной основе любого типа формальных словообразовательных элементов.

При наличии в лексико-грамматической сложной основе постпозитивно добавленного словообразовательного аффикса слово является сложнопроизводным: эдийн засагч 'экономист' при исходной сложной лексикализованной основе эдийн засаг 'экономика' и словообразовательном аффиксе -ч, участвующем в образовании имени деятеля по модели R_s + -ч > R_s.

При наличии в основе формального словообразовательного слова, постпозитивно добавленного к исходной сложной основе любого типа, слово является сложным аналитическим словом: эх эцэг мэт 'как родители' (основа имени прилагательного).

Таким образом, структурная классификация сложных монгольских слов, отражая существенные особенности в их структурной организации, учитывает обязательное наличие в структуре слова одной сложной лексико-грамматической основы различного образования, включающей в свой состав не менее двух вещественных или двух структурно равноправных формальных корней. Кроме того, эта классификация предполагает наличие или отсутствие дополнительных постпозитивных формальных элементов в виде словообразовательных аффиксов и словообразовательных формальных слов в пределах этой сложной лексико-грамматической основы.

Структурная классификация грамматических форм слов. Во многих случаях грамматической формой употребления монгольского слова в речи является его лексико-грамматическая основа любого структурного типа: шинэ 'новый': шинэ 'вновь': шинээр 'вновь'.

Аффиксальная грамматическая форма характеризуется наличием словоизменительного аффикса, постпозитивно добавленного к основе любого структурно-семантического типа (лексико-грамматической, формообразовательной) и любого структурного типа (простой корневой, простой производной, сложноосно́вной, сложнопроизводной и т.д.).

Добавленный к основе формообразовательный аффикс характеризует формообразовательную основу: байшингууд 'здания' – формообразовательная основа множественного числа, составленная формообразовательным аффиксом множественного числа -ууд и лексико-грамматической основой байшин(г) 'здание'.

Добавленный к основе любого типа основоизменительный аффикс характеризует собой основоизменительную форму слова: байшингуудад 'в зданиях' – основоизменительная форма, в данном случае форма дательного падежа, образованная добавлением падежного основоизменительного аффикса -а(д) к формообразовательной основе множественного числа байшингууд 'здания'.

Грамматическая форма с нулевым аффиксом, материально совпадающая с лексико-грамматической или формообразовательной основой (с обязательным выпадением факультативного -н

в основах имен существительных), характеризуется дополнительным грамматическим значением, вскрываемым функционированием этой формы, сочетаемостью с другими словами и ритмомелодикой: мод 'дерево' – форма неопределенного падежа при лексико-грамматической основе модон-; ир 'приходи' – повелительная форма 2-го лица при основе ир- глагола 'приходить'.

Сложная грамматическая форма в четырех разновидностях:

1) удвоенная основа, образованная полным препозитивным повтором лексико-грамматической или формообразовательной основы слова: зүг зүг 'в разные стороны' при зүг 'направление'; яв явсаар< < яван явсаар 'шел, шел...' при яван – формообразовательной основе слитного деепричастия;

2) частично удвоенная основа, образованная неполным препозитивным повтором лексико-грамматической основы слова: ив илэрхий 'совершенно ясный';

3) измененно-удвоенная основа, образованная постпозитивным повтором измененной лексико-грамматической основы слова: шалгалт малгалт 'проверочки' (см. гл. II, § 5);

4) формооснова, образованная сочетанием лексико-грамматической основы с не употребляемой в парадигме препозитивной грамматической формой того же слова: ихээс их 'сильнее всего' (см. гл. II, § 6).

Структурная классификация аналитических форм. Аналитические формы, многочисленные и весьма употребительные в современном монгольском языке, находятся вне обеих только что рассмотренных систем структурных типов монгольских слов и их грамматических форм; они составляют особую систему аналитических форм, которая непосредственно граничит по своим грамматическим значениям с системой грамматических форм монгольских слов.

Аналитические формы, составляемые грамматической формой вещественного слова и лексико-грамматической основой формального слова в виде сочетания двух и более слов (см. гл. I, § 9), подводятся под различные структурные типы в соответствии с конкретными моделями образования. Из них наибольшее значение в грамматическом строе монгольского языка имеют два основных структурных типа, различающиеся между собой по способности к дальнейшему изменению всей аналитической формы: изменяемые и неизменяемые. Под эти два основных типа подводятся все аналитические формы монгольского языка.

Изменяемые аналитические формы, подразделяемые на постпозитивные и препозитивные. Постпозитивная аналитическая форма характеризуется употреблением постпозитивного формального слова в виде его лексико-грамматической основы, принимающей на себя все дальнейшее грамматическое изменение формы. Например, орж бол- 'иметь возможность войти' – изменяемая постпозитивная аналитическая модальная форма глагола с грамматическим значением возможности действия; составлена по модели R_V + -х бол-; формальное изменение локализовано при лексико-грамматической основе постпозитивного формального слова бол-: Орж болно! 'Войти можно!', Орж болохгүй! 'Входить нельзя!' и т.д.

Препозитивная аналитическая форма характеризуется использованием препозитивного формального слова в виде своей лексико-грамматической основы, неизменяемой вообще или неизменяемой в данной модели аналитической формы; все формальное выражение дальнейшего изменения аналитической формы принимает на себя лексико-грамматическая основа вещественного слова. Например, нэг хар- 'увидеть' – изменяемая препозитивная аналитическая видовая глагольная форма с грамматическим значением завершенности действия; составлена по модели нэг R_V. Формальное выражение грамматической изменяемости всей формы локализовано при лексико-грамматической основе вещественного слова: нэг харсан 'увидел', нэг хараад 'увидев' и т.д.

Неизменяемые аналитические формы характеризуются препозитивным или постпозитивным вхождением формального слова при полной неизменяемости всей аналитической формы в целом. Например, ирж магадгүй 'возможно, придет' – неизменяемая аналитическая модальная глагольная форма с грамматическим значением вероятности действия; составлена по модели R_V + =ж магадгүй.

§ 2. Определяющая роль значения в формировании слова

Изложенная выше структурная классификация слов (и их грамматических форм) касается только формальной стороны монгольских слов и потому не может раскрыть их более существенных сторон, несмотря на то, что она отражает определенную системность в формальном многообразии монгольских слов и, следовательно, служит удовлетворительным ориентиром в этой сложной системе форм. Требуется такая классификация слов, которая бы учитывала более существенные признаки монгольских слов и тем самым помогала бы проникать более глубоко в их сущность. Как будет показано ниже, такими признаками в словах являются семантические признаки.

Монгольское слово (и вообще слово в любом языке) представляет собой единство звуковой оболочки, структурной организации и смыслового содержания. Единство это выражается, например, в том, что структурная организация слова имеет материальное выражение в звуковой оболочке, которая, подчиняясь фонетическим законам языка, оказывает внешнее влияние на структуру слова, но в большей, решающей степени сама определяется структурой слова. Имя существительное хадуур 'коса; серп' – простое производное слово, образовано посредством аффикса -уур, прибавленного к глагольной лексико-грамматической основе хад- 'косить; жать'. Этот аффикс орудия действия имеет звуковую оболочку, составленную узким долгим огубленным гласным и дрожащим переднеязычным твердым согласным, но при твердорядной отнесенности исходной глагольной основы он проявляется в твердорядном варианте своей оболочки, подчиняясь

фонетическим законам монгольского языка. Грамматическая структура образованного слова определяет звуковую оболочку хадуур в целом. В свою очередь, потребность обозначить и тем самым обобщенно отразить средствами монгольского языка орудия для скашивания травы, хлебных злаков обусловила мобилизацию определенной основы глагола (хад-), обозначающего соответствующее действие 'косить; жать', и определенного словообразовательного аффикса (-уур), несущего грамматическое значение обобщенной характеристики орудийности, для того чтобы образовать слово хадуур с данной его грамматической структурой и с данной его звуковой оболочкой. Таким образом, значение 'коса; серп' (орудие для скашивания), будучи обобщенным отражением однородных по своей функции реальных предметов, определяет грамматическую структуру и через нее звуковую оболочку производного слова хадуур. Точно так же значение 'родина, отечество, отчизна' мотивированно связано в современном монгольском языке через грамматическую структуру атрибутивного сложения основ со звуковой оболочкой эх орон, что обусловливает использование слов эх 'мать', орон 'страна' в качестве исходных структурных компонентов.

Этот вывод об определяющей роли значения в слове распространяется почти на все простые, производные, сложные и сложнопроизводные монгольские слова различных структурных типов – в каждом производном, сложном и сложнопроизводном слове монгольского происхождения его грамматическая структура, а через нее звуковая оболочка в подавляющем большинстве случаев определяются семантическим содержанием слова. Следовательно, в подавляющем большинстве производных, сложных и сложнопроизводных монгольских слов можно вскрыть мотивировку во внутренней органической связи определенного содержания с определенной звуковой оболочкой через грамматическую организацию в этих словах их исходных строительных элементов. Вместе с тем сама мотивировка внутренней органической связи образованного слова определяется всем грамматическим строем монгольского языка и его лексическим составом, а именно: сложившийся исторически в монгольском языке лексико-грамматический арсенал словопроизводства (соответствующие лексико-грамматические основы, словообразовательные модели, словообразовательные формальные слова) дает направление для словесного воплощения нового семантического содержания, обусловленного потребностями созидательной практики человека, помогая окончательной кристаллизации этого содержания в виде понятия (или формального значения). Наличие в грамматическом строе монгольского языка, например, словообразовательной модели R_V + -а > R_S, словообразовательного аффикса -уур и лексико-грамматической глагольной основы хад- дало направление в словообразовательном процессе и обусловило его итоговый результат – хадуур 'коса; серп'.

Применительно же к простым корневым монгольским словам и аффиксам (независимо от источника их происхождения), также

представляющим собой единство семантического содержания одноморфемной структуры (т.е. с одной материально выделимой морфемой) и звуковой оболочки, невозможно непосредственно вскрыть мотивы связи значений корневых слов и аффиксов с их звуковым выражением. Не объясняется, например, в системе современного монгольского языка связь значений 'косить: жать' со звуковой оболочкой хад-; не объясняется также связь грамматического значения обобщенной характеристики орудийности со звуковой двухвариантной оболочкой аффикса -уур~ -үүр. Разумеется, в этих и в аналогичных случаях были причины, обусловившие органическую связь конкретного смыслового содержания с конкретной звуковой формой, но эти причины (видимо, самые различные по своему характеру) затерялись для нас в глубине веков. Лишь немногие из них мы можем вскрыть, приподняв завесу над прошлым монгольского языка путем кропотливого, и все же фрагментарного по своим результатам, восстановления истории монгольского языка, соотнесенной с историями других монгольских, тюркских и вообще алтайских языков. Поэтому в описании системы современного монгольского языка приходится ограничиваться только констатацией органической связи лексического и грамматического значения со звуковыми оболочками их выражения, объясняя эту связь сложившейся языковой традицией. И в этих случаях, когда связь семантического содержания и звуковой оболочки в слове при одноморфемной грамматической структуре его лексико-грамматической основы непосредственно не обнаруживается, определяющим моментом в органическом единстве (содержание – структура – оболочка) монгольского слова является его семантическое содержание. Эта роль содержания проявляется в особенностях использования слова в речи: смысловое содержание в слове относит слово к тому или иному словесному типу (к именам существительным, именам прилагательным, наречиям и т.д.) и тем самым определяет функционирование его в речи в той или иной роли, сочетаемость и оформление связей этого слова с другими словами, в частности его словоизменение. Грамматические значения аффиксов определяют их использование при словообразовании и словоизменении.

Примерно такую же картину можно наблюдать относительно связи содержания и формы в словах, усвоенных из других языков. Независимо от того, раскрывается непосредственно или нет мотивировка связи значения слова с его звуковой оболочкой в системе языка, из которого данное слово усвоено, и независимо от того, обладает ли оно там простой или сложной грамматической структурой, усвоенное слово не имеет в системе монгольского языка непосредственно выявляемой мотивировки в связи его содержания с его звуковой оболочкой и структурно отождествляется с корневыми словами монгольского происхождения, функционируя в усвоившей его системе в качестве простой корневой лексико-грамматической основы. Например, усвоенные через русский язык слова социализм, коммунизм являются в монгольском языке непроизводными лексико-грамматическими основами имен существительных, а слова социалист, коммунист – непроизводными лексико-грамматическими осно-

вами относительных имен прилагательных 'социалистический', 'коммунистический', несмотря на общие структурные элементы в этих усвоенных словах, так как в грамматическом строе современного монгольского языка пока нет словообразовательных аффиксов -зм, -ст и нет корней социал(и)-, коммун(и)-. При этом определяющим моментом в органическом единстве значения, одноморфемной структуры и звуковой оболочки этих слов является их смысловое содержание, которое относит их к определенному типу слов и тем самым определяет функционирование усвоенных слов, их синтаксические связи с другими словами и их словоизменение.

§ 3. Смысловое содержание слова

Звуковая оболочка слова является формой для грамматической структуры слова, так как структурные элементы слова – корень, аффиксы, основы – не существуют иначе, как в строго определенных звуковых выражениях, в определенных сочетаниях звуков, и внешне различаются между собой по звуковому составу их оболочек. В свою очередь, и звуковая оболочка слова, составленная звуковыми оболочками его грамматических структурных элементов, и его грамматическая структура являются формой для соответствующего содержания, органически слитого с ней и выступающего в качестве всего слова. Как уже не раз отмечалось, выделенные здесь стороны слова (звуковая оболочка – грамматическая структура – значение) находятся между собой в неразрывной связи, составляя слово как особую единицу в языке. Однако при научном исследовании целесообразно бывает подойти к целому предмету исследования с ножом анатома и изучать отдельные стороны в этом органически целостном предмете, помня, что выделенная сторона – только часть этого предмета, не существующая вне его. Именно такой анатомически выделенной стороной монгольского слова является его смысловое содержание. В смысловом содержании монгольского слова намечаются две неразрывно связанные между собой стороны: лексическая и грамматическая.

§ 4. Лексическое значение слова

Слова соотносятся своим смысловым содержанием с окружающей человека действительностью (в том числе с самим человеком), отражая ее отдельные явления, связи между ними, отношение человека к этим явлениям и их связям и т.д. Говоря обобщенно, семантическим содержанием слов является отражение сознанием человека реальной действительности в ее расчлененности, в ее отдельных связях, в ее выделенных отношениях. Такое отдельное отражение в отдельно взятом слове в качестве его основного значения и составляет его **лексическое значение**.

Понятие, или вещественное значение *. В одних случаях лексические значения представляют собой отражения в сознании человека, которые возникают в результате выявления человеком у ряда однородных расчлененно выделенных предметов (явлений) их общих признаков и свойств, имеющих какое-либо значение в его практической или теоретической деятельности. Эти лексические значения, даже наиболее элементарные из них по степени обобщения, являясь результатами анализирующей и обобщающей работы мышления человека, осуществляются в виде **понятий** **, или представляют собой **вещественные значения**. Слово, которое наряду с присущими ему звуковой оболочкой и грамматической структурой имеет в своем структурно-семантическом единстве в качестве значения понятие (вещественное значение), является **вещественным словом**: морь 'лошадь', хар 'черный', явах 'идти; отбывать', тав 'пять', сайтар 'хорошо'.

Благодаря понятию как обобщенному отражению, содержащемуся в вещественном слове, это слово при использовании его в речи может соотноситься с любым конкретным предметом (явлением) действительности, если в этом предмете обнаруживаются признаки, послужившие базой при формировании данного понятия. При максимальном совпадении признаков конкретного предмета (явления) действительности и признаков, обобщенных в значении вещественного слова, последнее употребляется в речи в своем **прямом значении** как название, выполняя свою номинативную функцию. При частичном совпадении признаков конкретного реального предмета с признаками, обобщенными в значении вещественного слова, это слово используется в речи в **переносном значении**, выполняя ха-

---

* См. примеч. на с. 125.

** В настоящей работе не делается принципиального различия между "житейским" понятием и научным понятием, так как и то, и другое – значения. А существенность признаков в формировании понятия, постулируемая логиками, вещь весьма относительная, и определяется она уровнем развития науки: из истории науки известно, сколько научных понятий, базировавшихся в момент их образования, казалось бы, на весьма существенных признаках отражаемых предметов (явлений), оказались ложными. Поэтому более корректным представляется положение, согласно которому на всех ступенях развития человека в качестве исходной базы для формирования понятия используются общие признаки и свойства в однородных предметах и явлениях, имеющие какое-либо значение в практической и теоретической деятельности человека во время кристаллизации самого понятия. По мере увеличения и углубления знаний человека происходит замена самих обобщенных признаков, служащих базой понятия; в связи с этим изменяется и понятие. При этом возможны случаи, когда понятие полностью изживает себя. Разумеется, в число обобщаемых признаков включаются и в отдельных случаях целиком представляют их собой существенные признаки обобщаемых предметов, явлений.

рактеризующую функцию – чем меньше совпадающих признаков, тем больше степень переноса значения (ср. [7, с. 158–159]). Например, үндэс 'корень' – прямое значение 'нижняя часть в земле у дерева и растения вообще как его прочная опора' ‖ үндэс 'основа, базис' – более абстрактное значение, но с малой степенью переноса ‖ үдэс 'основа слова' – переносное значение с большой степенью переноса. Все эти значения соотносятся с понятием 'нижняя часть предмета как опора для прочного пребывания его верхней части', причем 'основа слова' имеет с ним меньше совпадающих признаков, чем 'основа, базис'.

К понятиям относятся также лексические значения в словах, соотносимых с нереальными явлениями, предметами, созданными воображением человека на основе искаженного отражения им отдельных сторон действительности: ад 'бес, злой дух', там 'ад, преисподняя'. При всей нереальности значений в этих словах они являются вещественными словами (с морфологической точки зрения, в плане их структурно-семантического единства).

К понятиям следует отнести значения в словах, соотносимых с уникальными предметами действительности в качестве их названий: нар 'солнце', дэлхий 'вселенная'. К понятиям относятся и значения собственных имен, соотносимых с отдельными предметами как их названия, для того чтобы выделить их из среды однородных предметов: Улаанбаатар – название столицы МНР, Богд уул – название горы у г. Улан-Батора, Туул – название р. Толы, Сандуйжав – имя конкретного человека и т.д. Аналогичные понятия, соотносимые с отдельными предметами (уникальными или выделенными из однородных предметов и также являющимися уникальными по своим особым признакам), обычно называются единичными понятиями. Слова, имеющие единичные понятия в структурно-семантических единствах, с морфологической точки зрения также являются вещественными словами.

Формальное значение. В других случаях лексическим значением является отражение в монгольских словах различных обобщенно выделенных связей и отношений между отдельными предметами и явлениями действительности, в том числе отражение их обобщенно выделенных характеристик как частный случай отношений. Например, слово маш 'очень, весьма' в сочетаниях маш сайн 'очень хорош', маш их 'очень большой' и т.д. отражает своим содержанием обобщенную характеристику высшей степени качества, выявляемую человеком при сопоставлении конкретных проявлений этих качеств в реальной действительности. Они, в свою очередь, отвлекаются человеком от реальных носителей – субстратов данных качеств. Этот отдельный пример свидетельствует о чрезвычайно высокой степени развития и большой роли анализа и генерализации в процессах мышления человека.

Многообразные связи и отношения реальной действительности, обобщенно отраженные сознанием человека в виде смыслового содержания в словах, обозначаются в языкознании общим термином "формальные, или грамматические, значения". Грамматические значения составляют дополнительные значения к основным

значениям во всех словах без исключения (об этом речь дальше), но они представляют собой и основное значение в словах (как, например, в приведенном здесь слове маш). Формальное (грамматическое) значение, которое получило в языке особое словесное выражение, сводящееся к тому, что оно выступает основным, хотя и беспонятийным, значением в слове, является лексическим значением. В таких случаях оно имеет один ранг с вещественным значением – второй разновидностью лексического значения. Слова маш 'очень' и сайн 'хороший' имеют лексические значения, составляющие их основное содержание, но эти лексические значения различаются, так как в первом слове лексическое значение является формальным, во втором – вещественным (иначе – понятийным, или просто понятием). Слова с формальным лексическим значением в отличие от выделенных раньше вещественных слов принято называть формальными словами (по их значению), или служебными словами (по их функции в речи) (см. § 5).

Экспрессивное значение. В третьих случаях лексическим значением слов является отражение воздействующих на человека предметов и явлений окружающей действительности (включая организм человека с физиологическими процессами в нем) в виде непосредственного выражения в словесных звуковых оболочках эмоциональных реакций на эти отдельные явления или предметы действительности и выражения в них его волевых побуждений, ситуативно связанных с отдельными явлениями и предметами действительности.

Слова с выражением эмоциональных реакций в качестве их основного значения обычно остаются в пределах экспрессивной функции языка: Ёо, ёо! 'Ой-ой! [больно]'. Но в особых ситуативных связях их речевое функционирование расширяется за счет коммуникативной функции в расчете на определенный адресат для их значения и даже переключается на коммуникативную функцию, отодвинув на задний план экспрессивную: Ёо, ёо! 'Ой-ой! [Больно мне: помоги мне ~ пожалей меня]'. В обоих случаях невольное или сознательное выражение эмоций как смысловое содержание этих слов остается беспонятийным и неформальным; его целесообразно выделить под общим названием эмоционально-экспрессивное значение.

Слова с выражением волевых побуждений в качестве их основного значения близки к вещественным словам в своей коммуникативной функции, так как имеют обычно адресат своего значения, оставаясь, однако, беспонятийными: Май! 'На! [возьми]', Хүүе! 'Эй! [послушай-ка]'. Это беспонятийное выражение волевых побуждений в словесных звуковых оболочках, обычно сопровождаемое эмоциональной реакцией в качестве дополнительного его значения, целесообразно выделить под общим названием волюнтативно-экспрессивное значение.

Наконец, к выделенным здесь словам нужно отнести также группу слов, содержанием которых является имитирующее выражение различных звуковых проявлений окружающей живой и мертвой

природы посредством звуковых оболочек этих слов, используемых человеком в его речевом общении: ... нойтон түлээ иш-иш-иш гэж гаслах мэт дуугаран... '... сырые дрова печально шипели: ш-ш-ш...' Это, беспонятийное и неформальное, имитирующее словесное выражение звуковых проявлений природы, обычно сопровождаемое имитирующей ритмомелодикой, целесообразно выделить под общим названием имитационно-экспрессивное значение.

Экспрессивное значение в различных оттенках как основное, лексическое значение отмеченных здесь трех групп слов позволяет объединить их как экспрессивные слова.

Из всего изложенного следует, что лексическое значение существует в трех основных разновидностях: вещественное, формальное и экспрессивное значение.

§ 5. Грамматическое значение в слове

В простом монгольском слове, кроме лексического значения (вещественного, формального или экспрессивного), основного в его смысловом содержании, имеются еще дополнительные грамматические значения, называемые также в языковедческой практике дополнительными формальными значениями. Такие значения имеются и в смысловом содержании сложных слов, лексико-грамматические основы которых включают два и более вещественных корня в вещественных словах или два и более структурно равноправных формальных корня в формальных словах. Чтобы несколько уменьшить громоздкость этих часто употребляемых терминологических сочетаний, тождественных по своему содержанию, в данной работе опускается первый компонент обоих сочетаний "дополнительное" и в связи с этим во избежание чисто терминологических недоразумений проводится небольшое семантическое различие между обоими сокращенными терминологическими сочетаниями. Другими словами, термин формальное значение закреплен за основным, т.е. лексическим значением формальных слов (как родственный терминам "формальное слово" и "формальный корень"), а термин грамматическое значение - за дополнительным грамматическим значением в любом монгольском слове любого семантического типа, в том числе за дополнительным грамматическим значением в формальных словах.

Учитывая характер грамматических обобщений и в связи с этим их значение в структурно-семантическом облике монгольских слов, целесообразно многочисленные грамматические значения в словах (с оговоренной выше семантикой этого термина) подразделить на три группы (достаточно четко отграниченные друг от друга, как будет видно из дальнейшего изложения). Это значения: 1) реляционные грамматические, 2) деривационные грамматические и 3) категориальные грамматические (ср. [34, с. 196-198]).

§ 6. Реляционные грамматические значения в слове

Значительная часть реляционных грамматических значений представляет собой обобщенное отражение однородных отношений и связей, которые вскрываются человеком при отражении им в своем сознании субстратов этих отношений, включая в число этих отношений как их частный случай отношения самого человека к отражаемым явлениям. Например, в монгольском предложении Дамдин энэ захиаг ахдаа явуулна 'Это письмо Дамдин отошлет своему старшему брату' оформление имени существительного захиа 'письмо' аффиксом винительного падежа -г в сочетании с глагольной формой действительного залога явуул- 'отправить' выражает объектные отношения в реальной действительности между предметом 'письмо' и действием 'отправить', выделенными и отраженными сознанием сообщающего (говорящего, пишущего) субъекта в этой их связи. В свою очередь, оформление имени существительного ах 'старший брат' аффиксом дательного падежа -д обозначает выделенное и отраженное отношение между действием 'отправить' и предметом - адресатом этого действия. Оформление его аффиксом субъектной принадлежности -аа указывает на отношение принадлежности названного предмета, в данном случае лица, ах 'старший брат' к субъекту действия явуул- 'отправить', т.е. к Дамдину. Оформление слова явуул- аффиксом -на обозначает временну́ю отнесенность осуществляемого действия 'отправить', и одновременно характеризует отношение самого говорящего или пишущего субъекта к связи между действием явуул- и его субъектом Дамдином, констатируемой сообщающим как реальный факт, который осуществится в будущем.

Многообразие реляционных грамматических значений в смысловом содержании слов, лишь слегка раскрытое при иллюстративном анализе приведенного выше монгольского предложения, в большой степени обусловлено многообразными связями и отношениями предметов и явлений действительности, отражаемых в словах. При объективном содержании подавляющей части реляционных грамматических значений их формальное выражение обусловлено особенностями грамматического строя языка, сложившегося исторически, и потому различно в разных языках не только в материальном, звуковом, но и в структурно-грамматическом выражении. Например, отношение принадлежности предмета-лица действующему субъекту выражается в монгольском языке особой грамматической формой слова, характеризуемой специальным аффиксом субъектной принадлежности - в виде широкого долгого гармоничного гласного: ахдаа 'своему старшему брату'. Это же обобщенное отношение субъектной принадлежности может быть выражено в монгольском языке свободным, синтаксическим сочетанием слов: Дамдин энэ захиаг өөрийн ахад явуулна 'Это письмо Дамдин отошлет своему старшему брату'. В русском языке возможен только последний способ выражения субъектной принадлежности - синтаксический, как это видно из русского перевода. С другой стороны, синтаксическое выражение лично-субъектной отнесенности действия, свойственное, например, лич-

ным грамматическим формам русского глагола типа отошлю, отошлешь, отошлет, отсутствует в монгольском языке, где эта отнесенность действия может быть выражена только синтаксически – путем сочетания глагольного сказуемого с соответствующим подлежащим: Дамдин явуулна 'Дамдин отошлет' (ср.: би явуулна 'я отошлю', бид явуулна 'мы отошлем', чи явуулна 'ты отошлешь' и т.д.).

Реляционные грамматические значения, аналогичные только что рассмотренным, с формальным выражением в пределах звуковой оболочки одного слова являются грамматическими значениями, дополнительными к лексическому и грамматическим значениям, заложенным в лексико-грамматической основе слова, и в единстве с содержанием этой основы, не снимая собой грамматических значений в ней, составляют смысловое содержание грамматических форм данного слова. Таким образом, смысловым содержанием грамматической формы захиаг 'письмо' является отражение сознанием предмета 'письмо' в его ообъектных связях, а смысловым содержанием грамматической формы ахдаа 'своему старшему брату' – отражение лица 'старший брат' в его локально-адресатных и субъектно-притяжательных связях.

Рассмотренные выше реляционные грамматические значения, выделенные здесь в иллюстративных целях, и многие аналогичные им другие реляционные грамматические значения имеют в грамматической системе монгольского языка двустороннее семантическое проявление, которое можно образно сравнить с двумя сторонами одной медали, не существующими отдельно друг от друга. С одной стороны, они представляют собой обобщенное отражение однородных связей и отношений реальной действительности, а с другой – связи и отношения между словами, их характеристики, составляющие значительную часть семантического аспекта грамматической системы монгольского языка (объектные, субъектно-притяжательные, временные и субъектно-модальные реляционные грамматические значения, которые, будучи отражением объективных, т.е. внешних для сознания и языка, связей и отношений, в то же время представляют собой грамматические связи между словами Дамдин, захиа, ах, явуул-, өөрийн и грамматические характеристики последних).

Но в грамматической системе монгольского языка возникли и существуют также односторонние реляционные грамматические значения, семантически целиком замкнутые пределами самой грамматической системы языка и не соотносимые с внеязыковыми факторами. Появившись в языке, подобно предыдущим, в результате обобщенного отражения объективных связей, отношений и характеристик, они благодаря процессам грамматикализации в ходе исторического развития языка потеряли первую сторону своего проявления – отражение внеязыковых факторов – и сохранили только внутреннюю сторону своего проявления – внутриязыковую, обладая во многих случаях прежней материальной формой своего выражения в языке. Например, форма родительного падежа имени существительного Дамдин (собственное имя) в монгольском языке в роли определения при другом имени существительном указывает

на притяжательные отношения (на отношения принадлежности) какого-нибудь лица, предмета или явления к названному этой формой лицу (Дамдину), обобщенно отражая, таким образом, объективные отношения: Дамдингийн ах 'старший брат Дамдина'. Но та же форма родительного падежа Дамдингийн в сочетании слов Дамдингийн дэргэд 'около Дамдина 'указывает только на формальную внутриязыковую связь послелога дэргэд 'около' со словом Дамдин. Это внутрисистемное грамматическое значение связи имени существительного с послелогом, указанное аффиксом родительного падежа, свойственно многим послеложным аналитическим формам монгольского языка, возникшим благодаря грамматикализации синтаксических атрибутивных субстантивных словосочетаний, в которых определяемое вещественное слово – имя существительное – потеряло свое вещественное значение, став формальным словом – послелогом.

Таким образом, в семантическом плане реляционные грамматические значения могут быть двусторонними, представляя собой отражение внеязыковых фактов внутри системы языка, и односторонними, ограниченными самой системой языка, представляя собой только отношения, связи и характеристики внутри этой системы. Общим существенным признаком, который позволяет объединить в одну группу все реляционные грамматические значения, материально выражающиеся в пределах звуковых оболочек слов, выделяя их тем самым среди других грамматических значений, является их свойство дополнять собой грамматические значения, заложенные в лексико-грамматической основе слова.

Кроме того, следует отметить (правда, уже выходя за пределы темы данного параграфа, но в тесной связи с ней), что реляционные грамматические значения, которые семантически относятся к вещественному слову в качестве дополнительных грамматических значений к его лексико-грамматической основе, могут иметь свое формальное выражение дополнительно к внутрисловному или полностью за пределами звуковой оболочки вещественного слова. В последнем случае это проявляется в аналитических формах, в сочетаниях вещественного слова с другими вещественными словами, в порядке расположения вещественных слов в структуре предложения. Оставляя в стороне изучение сочетаний вещественных слов и их порядок в структуре монгольского предложения, как проблемы синтаксические, описательная морфология монгольского языка должна выявить, изучить и описать все аналитические формы в этом языке, представляющие собой несинтаксические сочетания грамматических форм вещественных слов с лексико-грамматическими основами формальных слов. Но реляционные по своему существу значения в качестве основных лексических, т.е. формальных, значений свойственны также многим формальным словам, не участвующим в аналитических формах монгольского языка (например, союзам, связкам, многим модальным частицам). В связи с этим морфология как учение о слове должна в качестве особой и самостоятельной морфологической проблемы выявить и описать все без исключения формальные слова с реляционными формальными значениями как особый тип слов,

подразделяя его на подтипы, независимо от того, участвуют или не участвуют эти слова в аналитических формах монгольского языка.

§ 7. Деривационные грамматические значения

Деривационные грамматические значения в словах также являются обобщенным отражением однородных связей и отношений, вскрываемых человеком при отражении им реальных предметов и явлений в виде их обобщенных характеристик. Последние составляют неотъемлемую часть лексических значений слов, органически включаясь в само смысловое содержание их лексико-грамматических основ, в отличие от реляционных грамматических значений, только дополняющих собой смысловое содержание этих основ в словах. Например, смысловое содержание названий многих инструментов и орудий в монгольском языке формируется и кристаллизуется как понятие при отражении связи этих предметов с действиями, в которых они используются. Эта обобщенная характеристика 'орудийности при действии' связывается в современном монгольском языке, в частности, с двухвариантной звуковой оболочкой -уур ‖ -үүр, которая, таким образом, вместе с ее грамматическим значением является словообразовательным аффиксом, образующим имена орудий действия от лексико-грамматических глагольных основ с соответствующим содержанием по модели R_V + -уур: залуур 'руль' < зал- 'править (например, лодкой)'. Точно так же обобщенная характеристика лица как профессионала или специалиста в его отношении с постоянными объектами его деятельности, формально соотнесенная в языке со звуковыми оболочками -ч(ин) ‖ -чин, органически включается в смысловое содержание лексико-грамматической основы, характеризуя все слово в этом смысловом сплаве как имя деятеля: эмч 'медик' < эм 'лекарство'; адууч 'табунщик' < адуу(н) 'табун лошадей'.

Как показывают приведенные выше примеры и вообще все аффиксальное словообразование в монгольском языке, для деривационного грамматического значения характерно полное семантическое слияние его с лексическим значением исходной лексико-грамматической основы, снимающее в последней ее категориально-грамматическую отнесенность и дающее в результате новое лексическое значение - в другой уже лексико-грамматической основе с новой категориально-грамматической отнесенностью.

Таким образом, деривационное грамматическое значение, дополнительное по отношению к корневому лексическому (вещественному или формальному) значению слова, в пределах лексико-грамматической основы слова является одним из основных составляющих элементов лексического значения этой основы.

В большинстве случаев деривационные грамматические значения в монгольском языке как будто локализуются в особых звуковых оболочках, составляющих вместе с этими значениями словообразовательные аффиксы. Однако в системе монгольского аффиксального словообразования большинство аффиксов характеризуется внешней многозначностью. Это значит, что одна и та же аффиксальная звуковая оболочка может указывать на различные деривационные грамматические значения в лексико-грамматических основах слов. Например, употребительный в монгольском языке аффикс -аа(н), образующий с лексико-грамматическими основами глаголов лексико-грамматические основы имен существительных по модели R_V + -аа(н) > R_S, имеет до семи деривационных значений. Это указывает на то, что в обобщенном, понятийном отражении образованной им основы содержится одно из следующих деривационных грамматических значений: 1) действие в процессе, отвлеченное от его субъекта; 2) действие вне процесса, отвлеченное от его субъекта; 3) предмет как объект действия; 4) предмет или явление как результат действия; 5) дополнительный предмет при действии; 6) субъект действия; 7) место действия (порядок деривационных грамматических значений в этом перечне дан в приблизительном соответствии с убывающей степенью встречаемости этих значений в монгольских словах данного словообразовательного типа). О деривационной многозначности словообразовательных аффиксов монгольского языка позволяют судить следующие примеры с семантическим переводом, где цифры, взятые в круглые скобки, указывают на соответствующее деривационное значение приведенного выше перечня:

яриа(н) 'беседа, разговор (1, 2)' < ярь- 'беседовать, разговаривать'; арилжаа(н) 'обмен (1, 2)' < арилж- 'обмениваться'; түлээ(н) 'дрова' (3) > түл- 'жечь'; ухаан 'ум, сознание (2, 4)' < ух- 'соображать; разуметь; понимать'; уллаа(н) 'дратва (5)' < ул(а)л- 'прошивать подошву'; манаа(н) 'сторож; стража (6); пост (7)' < мана- 'караулить; охранять'; ичээ(н) 'берлога (7)' < ич- 'залегать в зимнюю спячку'.

Эта деривационная многозначность монгольского словообразовательного аффикса -аа(н) вскрыта при сопоставлении сравнительно большого количества слов, образованных по модели R_V +-аа(н) > R_S, и является просто суммированной сводкой деривационных грамматических значений в этих словах. В действительности в каждом отдельном случае контекстуального употребления слова на -аа(н) в его лексическом значении вскрывается только одно из перечисленных здесь деривационных значений. Максимально возможный учет всех деривационных значений одного и того же фонетического слова на -аа(н) (понимается под этим тождественность его звуковой оболочки) в различных контекстах его употребления позволяет утверждать, что отмеченная выше деривационная многозначность аффикса -аа(н) не столько свойственна самому аффиксу, сколько всей модели R_V +-аа(н) > R_S в целом.

Модель реализует потенциально заложенные в ней деривационные значения, корректируя эту реализацию определяющей ролью лексического значения исходной глагольной основы R_V, потребностями существующей системы родственных слов и потребностями словесно-семантического поля, окружающего эту систему родствен-

ных слов*: большая степень лексического обобщения в глаголах ярь- 'беседовать', ух- 'соображать' в значительной степени обусловила более обобщенное и отвлеченное значение образованных слов яриа(н) 'беседа', ухаан 'ум' в виде названий самих абстрагированных действий, обрамленных в отражении субстантивным категориально-грамматическим значением, а более конкретные лексические значения глаголов тул- 'жечь (что)', ул(а)л- 'прошивать подошву (чем)' обусловили и более конкретные значения слов тулээ 'дрова', уллаа 'дратва' как названия предметов, используемых при указанных действиях; возможно, что наличие исходной именной основы ул 'подошва' наряду с производной глагольной основой ул(а)л- 'прошивать подошву' определило семантизацию производного слова уллаа(н)- в сторону подсобного предмета 'дратва' при этом действии, хотя в других условиях словесно-семантического поля, если допустить, например, что слово ул 'подошва' отсутствует в языке, производное слово уллаа могло бы семантизоваться как название предмета, полученного в результате действия, т.е. 'прошитая подошва'.

Следовательно, при потенциальной деривационной многозначности словообразовательной модели нужен индивидуальный подход к установлению семантики конкретного слова в различных контекстах его употребления; выявленные деривационные значения, потенциально заложенные в модели, могут служить только ориентирами, ограничивающими поисковое поле. Ясно, что чем меньше деривационных значений, потенциально заложенных в словообразовательной модели, тем меньше поисковое поле и тем легче устанавливается семантика конкретного производного слова. Таким образом, одной из задач описательной морфологии монгольского языка является установление всех деривационных грамматических значений, потенциально свойственных каждой конкретной аффиксальной словообразовательной модели этого языка. С другой стороны, в пределах поискового поля ориентирующее значение имеет относительная частота встречаемости конкретных деривационных значений модели и, следовательно, другой задачей описательной морфологии монгольского языка, тесно связанной с предыдущей, должно быть установление относительной частотности этих деривационных значений. Из практических соображений удобно потенциальную деривационную многозначность всей аффиксальной словообразовательной модели соотносить со словообразовательным аффиксом в ней как наиболее характерным ее формальным показателем.

* При этом случайность реализации одного из деривационных значений, потенциально заложенных в словообразовательной модели, носит различный характер: 1) она оказывается проявлением внутренней необходимости самой модели, если обусловлена лексическим значением исходной основы, 2) проявлением внешней для модели необходимости, если обусловлена существующей системой родственных слов и существующим словесно-семантическим полем.

Выделение деривационных грамматических значений в семантическом единстве основ слов имеет большую практическую ценность при аффиксальном словообразовании, когда есть достаточно четкие показатели в виде аффиксов, позволяющие вскрывать семантику лексико-грамматической основы производного слова, отправляясь от формальной структуры основы. По тем же основаниям четкого выражения в структуре основы такое выделение деривационных значений представляет практическую ценность при словообразовании способом формальных слов, когда словообразовательной модели, как правило, свойственно одно деривационное значение, и при словообразовании способом сложения слов, когда деривационные значения собирательности, обобщения и суммирования, потенциально свойственные моделям основосложения, позволяют отграничить поисковое поле при выявлении семантики конкретных сложных основ. Наоборот, при лексико-семантическом способе словообразования и при максимальной лексикализации выделение деривационных грамматических значений в основах возникших слов бесполезно. Более того, в этих случаях практически невозможно в семантическом единстве лексико-грамматических основ выделить деривационные значения, которые по условиям словообразования не находят себе формально-структурного выражения в пределах этих основ.

§ 8. Категориальное грамматическое значение

Категориальное грамматическое значение представляет собой максимально обобщенное лексическое значение, обязательно и органически включаемое в современном монгольском языке в смысловое содержание лексико-грамматической основы слова в качестве дополнительного значения к основному лексическому значению в ней. Такая обобщенная лексическая характеристика, которая должна квалифицироваться как грамматическое значение благодаря своему дополняющему участию в смысловом содержании слова, относит все слово к определенному категориально-грамматическому типу. Например, в большой группе слов монгольского языка, называемых именами существительными, в качестве максимально обобщенной лексической характеристики, или, иначе, категориально-грамматического значения, выступает субстантивность (предметность). Обобщенная мышлением человека, по всей вероятности, сперва в словах, обозначавших только конкретные предметы действительности, типа хүн 'человек', гэр 'юрта', субстантивность затем стала включаться в смысловое содержание слов, называющих другие, и далеко не предметные, отвлеченно выделенные человеком явления действительности, как дополнительное грамматическое значение к основному лексическому значению этих слов. Благодаря замечательной обобщающей работе мышления человека в языке возникли такие слова, как, например, имена существительные санал 'мнение, предложение', амжилт 'успех, достижение', сургамж 'наставление', цэгц 'порядок', хүнд 'честь, достоинство' и т.п. Их никак нельзя соотнести с кон-

кретными материальными предметами действительности, коль скоро реально таких отдельных предметов не существует. Таким образом, субстантивирование в отражении любых отвлеченно выделенных явлений действительности, в том числе качественных, количественных признаков и других свойств, отвлеченных от их материальных субстратов, представляет собой одну из специфических черт человеческого мышления, которая заключается в том, что основное лексическое значение (и именно вещественное значение), т.е. единство отраженных в сознании признаков отдельного явления, сплавляется с субстантивным грамматическим значением, составляя смысловое содержание лексико-грамматической основы имени существительного, его понятийное значение. Конвертивная субстантивация, отмеченная выше при конвертивном словообразовании, является только частным случаем субстантивирования, осуществляемого на базе имеющихся слов в языке *.

Структурно-семантический анализ простых корневых и сложных слов, особенно слов конвертивного образования (независимо от структурного типа исходных основ последних), позволяет сделать вывод, что категориально-грамматическое значение имеет разлитой характер в слове: оно свойственно его лексико-грамматической основе в целом, не ограничиваясь локально в какой-либо структурной части этой основы. В лексико-грамматических основах имен существительных цэгц 'порядок', хүн 'человек', гэр 'юрта' нет особых структурных показателей субстантивности этих слов, так как их основы одноморфемны. Особые показатели субстантивности отсутствуют также в основах слов хүнд 'честь; достоинство', буруу 'ошибка; вина', конвертивно образованных от лексико-грамматических корневых основ имен прилагательных хүнд 'тяжелый' (с переносом значения) и буруу 'неверный, ошибочный' путем замены в них адъективного категориально-грамматического значения на субстантивное.

К такому же выводу о разлитом характере категориально-грамматического значения в семантическом единстве лексико-грамматической основы приводит структурно-семантический анализ аффиксально-производных слов. Вербальность (глагольность) как категориально-грамматическое значение в основе хал- 'нагреваться' целиком снимается в производной лексико-грамматической основе имени прилагательного халуун 'жаркий', категориально-грамматическим значением которой является уже адъективность (обобщенная смысловая характеристика слова как имени прилагательного). Эта адъективность снимается в новой лексико-грамматической основе имени существительного халуун 'жара' конвертивного образования, заменяясь субстантивностью.

Во многих случаях аффиксального словообразования создается иллюзия, что конкретные аффиксы являются материальными носителями категориально-грамматического значения в слове. Например, аффиксы -л, -лт, -мж в словах санал 'мнение', амжилт ' успех', сургамж 'поучение', образованных от глагольных основ сана- 'думать', амжи- 'успевать', сурга- 'поучать', указывая на конкретные деривационные грамматические значения (результат действия, действие вне процесса), казалось бы, содержат в себе одновременно субстантивность образованных ими основ. Однако последующее аффиксальное словообразование рассеивает эту иллюзию: в лексико-грамматической основе глагола сургамжла- 'поучать' аффикс -мж, в котором как будто содержится субстантивность, сохраняется, но субстантивное категориально-грамматическое значение в этой основе снято и заменено вербальностью. Точно так же в лексико-грамматической основе имени прилагательного сургамжтай 'поучительный' сохраняется этот аффикс -мж, но субстантивность в ней снята и заменена адъективностью.

Следовательно, словообразовательный аффикс не является локально ограничивающим вместилищем категориально-грамматического значения в основе, которое "разлито" по всей основе слова как неотъемлемый семантический элемент ее смыслового содержания, обязательный для индивидуального существования данного слова в современном монгольском языке. Но словообразовательный аффикс, последний в структуре лексико-грамматической основы аффиксально-производного монгольского слова, может служить и обычно служит достаточно надежным показателем категориально-грамматического значения основы, если учитывать при этом возможные конверсии. В приведенных выше примерах показателями субстантивности всей лексико-грамматической основы служат последние в ее структуре аффиксы -л, -лт, -мж, показателем адъективности всей основы служит последний в ее структуре словообразовательный аффикс -тай и показателем вербальности всей лексико-грамматической основы служит последний в ее структуре словообразовательный аффикс -ла.

Это свойство словообразовательного аффикса (последнего в структуре лексико-грамматической основы производного монгольского слова) служит достаточно надежным показателем категориально-грамматического значения слова, т. е. способность быть в роли своеобразной лакмусовой бумажки, связана с тем, что аффикс является четким показателем словообразовательной модели, которая определяет не только деривационное грамматическое, но и категориальное грамматическое значение образованной основы. Категориально-грамматическое значение образованной лексико-грамматической основы слова определяется также словообразовательными моделями основосложения и словообразовательными моделями способа формальных слов. Задача морфологии в связи с этим заключается в выявлении категориально-грамматического значения, ко-

---

* Выше термины вещественное значение и понятие употреблялись как равнозначные, что до известной степени справедливо, но неточно. Теперь можно уточнить смысловое взаимоотношение этих двух терминов: понятие в структурно-семантическом единстве вещественного слова представляет собой смысловое содержание его лексико-грамматической основы в виде сплава вещественного значения с категориально-грамматическим значением.

торое определяется каждой выявленной в языке конкретной словообразовательной моделью при аффиксальном способе сложения основ и способе формальных слов. Несколько сложнее обстоит дело со словами других типов словообразования и с корневыми словами.

При лексико-семантическом способе словообразования, когда меняется только лексическое значение, в новой лексико-грамматической основе сохраняется категориально-грамматическое значение исходной основы. Следовательно, сохраняется и прием установления категориально-грамматического значения, который определяется структурным типом этой основы, – по аффиксу (если основа аффиксально-производная), по формальному слову (если основа аналитическая) и т.д. Например, татаал 'ирригационная система', аффикс –аал указывает на субстантивность аффиксально-производной основы > татаал 'огород (поливной)', тот же аффикс указывает на субстантивность новой лексико-грамматической основы.

При максимальной лексикализации категориально-грамматическое значение образованного сложного слова определяется в монгольском языке по лексико-грамматической основе последнего слова. Например, нүд дүүрэн 'приятный' (< 'глаз полон'), по основе дүүрэн 'полный, наполненный' с ее адъективным категориально-грамматическим значением устанавливается адъективность всей сложной основы.

При конвертивном словообразовании, когда сохраняются лексическое значение и структура слова с ее звуковым выражением, свойственные исходной основе, а заменяется только категориально-грамматическое значение, мы не имеем каких-либо показателей в пределах новой лексико-грамматической основы, по которым можно было бы выявить ее категориально-грамматическое значение. Это положение касается любой конвертивно образованной основы, независимо от структурного типа исходной лексико-грамматической основы. Ничто не указывает на субстантивность в основе олон талт 'многогранник', конвертивно образованной заменой адъективного категориально-грамматического значения на субстантивное в сложнопроизводной основе имени прилагательного олон талт 'многогранный, многосторонний', образованной, в свою очередь, аффиксальным способом посредством аффикса –т по модели $\langle R_{attr} + R_s \rangle_s + \text{-т} > R_a$.

Точно так же нет никаких категориально-грамматических показателей в пределах лексико-грамматических основ простых корневых слов, в том числе корневых слов, образованных лексико-грамматическим способом. Ничто не указывает на субстантивность основы гэр 'юрта' или основы ус(ан) 'вода', на адъективность основы түргэн 'быстрый' или на адвербиальность омонимичной основы түргэн 'быстро', так как лексические значения в смысловом содержании слов могут быть связаны с различными категориально-грамматическими значениями (ср.: түргэн 'быстрый', түргэн 'быстро', түргэн 'быстрота').

Во всех этих основах конвертивного словообразования и корневых основах их категориально-грамматическое значение проявляется только за пределами самих лексико-грамматических основ в особенностях словоизменения, в особенностях сочетания слов с другими словами и, наконец, в особенностях функционирования слов в структуре предложения. Однако нужно отметить, что в монгольском языке лексические значения вещественных корневых основ, соотнесенные с предметами или явлениями действительности, при изолированном употреблении таких слов (например, в простом перечне слов, в иллюстративных лингвистических примерах) обычно связаны с определенным категориально-грамматическим значением. Так, лексические значения основ гэр 'юрта', ус(ан) 'вода' связаны с субстантивностью; лексические значения основ яв– 'идти', суу– 'сидеть; садиться' – с вербальностью; лексические значения основ хөх 'синий', шар 'желтый' – с адъективностью *.

Итак, категориально-грамматическое значение в органической связи с лексическим значением составляет смысловое содержание лексико-грамматической основы монгольского слова. Это смысловое единство, локализованное в лексико-грамматической основе слова, определяет все слово как особую, индивидуально-конкретную единицу, проявляется оно в свойственных слову структуре, словоизменении, сочетаемости с другими словами и функционировании в предложении. Следовательно, особенности структуры слова, характер его изменения и особенности сочетаемости с другими словами, будучи проявлением его смыслового содержания, позволяют судить о самом содержании слова и прежде всего о его категориально-грамматическом значении. Последнее, будучи использовано в качестве основания классификации, как один из существенных признаков слова, позволяет распределять монгольские слова по типам и обобщать

---

* В этом важном для истории человеческого мышления факте существования в определенных условиях избирательно ограниченной связи лексического и категориально-грамматического значений можно видеть остатки предполагаемой первичной лексической категориальности слов (когда не были еще обобщены мышлением человека категориально-грамматические значения как дополнительные значения в смысловом содержании слов и слова могли группироваться в языке только по их лексическому значению): слова, отражающие конкретные предметы; слова, отражающие действия конкретных предметов; несколько позднее слова, отражающие качества (при их обобщенном выделении мышлением в конкретных предметах) и т.п. На основе этих лексических значений человеческое мышление смогло обобщить в пределах самой языковой системы категориально-грамматические значения как дополнительные значения в смысловом содержании слов, поднявшись в связи с этим на более высокую ступень своего развития. Весьма вероятно, такому обобщению в значительной степени способствовало переносное употребление вещественных слов – по частичному совпадению обобщенно отраженных признаков в их содержании с признаками отдельных явлений в действительности.

системы словоизменения каждого словесного типа, их системы словообразования, типовой характер их сочетаемости с другими словами и типовое функционирование в предложении.

Таким образом, одной из главных, но и наиболее трудных задач описательной морфологии монгольского языка является установление системы категориально-грамматических значений в монгольских словах и классификация последних. Выше уже было отмечено, что задача классификации слов получила в монголоведении неоднозначное решение; поэтому перед тем, как в очередной раз попытаться решить эту задачу, целесообразно сделать краткий обзор различных классификаций слов в монголоведении, выделяя в них основания для классификационного деления.

§ 9. Краткий обзор классификаций слов в русском и советском монголоведении

Задача классификации монгольских слов, выделения типов слов и распределения их по этим типам неоднократно ставилась и решалась русскими и советскими монголоведами и получала разнообразные решения, свидетельствующие, с одной стороны, о чрезвычайной трудности самой проблемы и, с другой стороны, о разных теоретических позициях, занимаемых монголоведами при решении этой задачи.

Первые монголоведы русской школы – И.Я. Шмидт (1979–1847) и О.М. Ковалевский (1801–1878) – наметили в старописьменном монгольском языке девять основных типов слов – частей речи: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) местоимение, 4) имя числительное, 5) глагол, 6) послеречие, 7) наречие, 8) союз и 9) междометие [47, § 29, 156; 17, § 30]. Хотя у И.Я. Шмидта междометие рассматривалось вне системы частей речи, оно было выделено в особый тип слов. Выделяя имена числительные как самостоятельную часть речи, равноправную с остальными частями речи, первые монголоведы опередили в своих выводах исследователей русского языка, признавших имена числительные особой частью речи в русском языке десятью годами позднее их. Это обстоятельство, а также выделение послеречий (т.е. послелогов), несмотря на смешение их с падежными аффиксами по графическому признаку отдельного написания, свидетельствуют о стремлении первых монголоведов отразить систему частей речи, свойственную старописьменному монгольскому языку. При этом они опирались на семантический признак в качестве основания деления, причем признак деления не был определен и, видимо, не был теоретически осознан ими.

Своеобразную систему классификации слов монгольских языков (старописьменного и калмыцкого) предложил А.А. Бобровников (1821–1865) в своей замечательной грамматике [9, с. 52–55]. Положив в основу классификации слов формальные признаки грамматической изменяемости и ее характера, А.А. Бобровников наметил

"три разряда: склоняемые – имена, спрягаемые – глаголы, неизменяемые – частицы". Имена делятся "по своему значению" на предметные, качественные, относительные, числительные и местоимения. На самом деле по семантическому признаку у А.А. Бобровникова выделяются только числительные и местоимения; остальные имена фактически определяются у него по формальному словообразовательному признаку ("производные от имен предметных"), а предметные и качественные различаются между собой по формальному признаку словоизменения, обусловленному синтаксической функцией. Однако А.А. Бобровников не выделял предметные, качественные и относительные имена в качестве особых частей речи, поэтому он отказался от терминов "имя существительное" и "имя прилагательное", считая, что этими терминами "более, чем нужно, были бы разделены имена предметные от качественных". Всю классификацию монгольских слов у А.А. Бобровникова можно представить в виде схемы:

1) склоняемые имена ‖ спрягаемые глаголы ‖ неизменяемые частицы

2) предметные | качественные | относительные | числительные | местоимения

В.Л. Котвич (1872–1944) в начале своей научной деятельности принял основной формальный критерий и терминологию классификации слов А.А. Бобровникова, но повысил по сравнению с последним удельный вес предметных, качественных и относительных имен в классификации, уравняв их с другими частями речи [18, с. 52]. В отличие от остальных именных частей речи своей схемы он дал им определение по семантическому признаку: "Имя предметное есть название того, что существует или представляется существующим самостоятельно, как, например, предмет действительный или воображаемый, действие, состояние, явление" [18, с. 52–53]. "Имя качественное означает качество или признак, свойственный предмету. Это имя может употребляться в значении русских прилагательных (перед именами предметными), существительных (в качестве понятий самостоятельных) и наречиями (перед глаголами): магу – дурной, зло, плохо" [18, с. 56–57]. "Имя относительное означает признак предмета на основании его отношения к другому предмету" [18, с. 60]. Классификация В.Л. Котвича может быть отражена в виде схемы:

склоняемые	спрягаемая	не изменяющаяся
имя предметное	глагол	частица
имя качественное		
имя относительное		
имя числительное		
местоимение		

Как видно из определений, данных В.Л. Котвичем для первых трех именных частей речи его схемы, семантические признаки их, принятые здесь за основание деления, недостаточно четко отграничены друг от друга и своими объемами частично друг друга перекрывают. Такое перекрывание объемов обнаруживается, например, в следующем сопоставлении его трех определений:

1) название самостоятельно существующего или мыслимого самостоятельно существующим;

2) название признака, который, в частности, может мыслиться самостоятельным ("в качестве понятий самостоятельных"), т.е. может быть названием мыслимого самостоятельно существующим;

3) название признака по отношению к другому предмету; но это отношение отнюдь не исключает того, что названный признак может мыслиться самостоятельно существующим.

Эту нечеткость семантического признака в указанной трактовке понял и сам Котвич. Позднее, констатируя, что "между некоторыми частями речи нельзя провести строгих и ясных границ: здесь очень часто одно и то же слово, не меняя своей формы, может иметь значение различных частей речи в зависимости от его положения в речи и от той роли, какую оно играет в предложении" [19, с. 33], он решил восстановить для калмыцкого языка традиционную схему частей речи, "придерживаясь существующей в грамматиках других языков схемы деления слов":

1) имена (существительные и прилагательные);
2) числительные;
3) местоимения;
4) глаголы;
5) наречия (включая предлоги и союзы);
6) междометия [19, 35].

Свои выводы и классификацию, данные в 1915 г., В.Л. Котвич повторил в 1929 г. во втором издании калмыцкой грамматики [20].

А.Д. Руднев объединил все слова старописьменного монгольского языка в "три отдела": глагол, имя, наречие [37, с. 29, 56-57, 60]. Его "отдел наречие" совпадает с "разрядом частиц" А.А. Бобровникова, и сам автор признает термин "наречие" неудачным, рекомендуя заменить его термином "частица" [37, с. VI]. В основе тройного деления А.Д. Руднева, как и у А.А. Бобровникова, лежит формальный признак изменяемости-неизменяемости и характер изменения. Но классифицируя имена, А.Д. Руднев отказался от терминологии, предложенной А.А. Бобровниковым, возвратившись к традиционной языковедческой терминологии – подразделению имен на четыре части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение – с делением по семантическому признаку. В частности, существительные и прилагательные различаются семантически в связи с их синтаксическими функциями: "За базис деления имен на существительные и прилагательные я беру относительную самостоятельность имени существительного. Имена существительные (по преимуществу) дают название предмета (явления, лица). Имена прилагательные (по преимуществу) характеризуют только определенные признаки (например, качества), и поэтому вслед за ними следует или подразумевается имя существительное" [37, с. 60]. Сознавая нечеткость критерия в разграничении монгольских существительных и прилагательных, А.Д. Руднев подчеркивает, что в делении имен на предметные, качественные и относительные "еще больше допущений". Схема классификации А.Д. Руднева включает шесть частей речи:

глагол	имя имя существительное имя прилагательное имя числительное местоимение	наречие – частица

Интересна эволюция во взглядах на классификацию частей речи монгольских языков (старописьменного монгольского языка и халхаского диалекта монгольского языка, а также бурятского языка) у Н.Н. Поппе.

В работах 1931-1936 гг. он выделял только три части речи, в общем принимая основную схему А.А. Бобровникова – В.Л. Котвича – А.Д. Руднева: имя, глагол, неизменяемые слова (междометия, частицы), Поппе считал, что это деление можно дать лишь в общих чертах и "важнее определение синтаксических функций тех или иных форм, нежели точное определение отдельных частей речи" [29, с. 34; 30, с. 14-17]. Внутри имен существительные и прилагательные, как правило (исключение у него составляют основы на -н), формально не разграничены и различаются только синтаксически.

В работе 1937 г., сохраняя общее деление слов на имена, глаголы и неизменяемые части речи, Н.Н. Поппе выделяет имена с полной и неполной изменяемостью. Первые из них он делит на имя в собственном смысле, местоимение и числительное и, подразделяя имя в собственном смысле на предметное и качественное, специально оговаривает свой отказ от использования терминов "имя существительное", "имя прилагательное" и "наречие". Во всей этой классификации Н.Н. Поппе (1937 г.) наглядно отражена субординация, которая имеет следующий вид:

I. Имя.
  1. Имя с полной изменяемостью.
    а) Имя в собственном смысле.
      α) Предметное.
      β) Качественное.
    б) Местоимение.
    в) Числительное.
  2. Имя с неполной изменяемостью.
II. Глагол.
III. Неизменяемая часть речи [31, с. 50-51].

Деление имени в собственном смысле основано в этой схеме на возможности сочетания имен со специальными усилительными частицами типа maši, neng, tung и др.

Через год в другой своей работе, посвященной бурятскому языку, Н.Н. Поппе впервые в монголоведении вносит в классификацию слов деление их на знаменательные и служебные, не получившее, однако, развития ни в этой работе, ни в последующих монголоведческих работах его и других авторов. Перечень частей речи в общем соответствует предыдущей его классификации [32, с. 72-77, 101, 106, 181, 188, 198, 262].

В специальной статье о частях речи в монгольском языке [33, с. 147-173] Н.Н. Поппе вводит в новую схему классификации наречие как особую часть речи, разбивает "неизменяемую часть речи" предыдущих своих классификаций на разряды и, сняв субординацию, уравнивает все разряды новой схемы как равноправные части речи. Эта последняя схема классификации частей речи Н.Н. Поппе дана в следующем перечне:

1) имена предметные;
2) имена качественные;
3) имена числительные;
4) местоимения;
5) глаголы (включая причастия и деепричастия);
6) наречия (включая наречие-послелог как переходную категорию);
7) послелоги;
8) союзы;
9) частицы: а) препозиционные, б) постпозиционные;
10) междометия.

При обосновании этой классификации Н.Н. Поппе учитывал различные признаки: специфические морфологические, синтаксические, отнесенность к определенной семантической группе – и различные их комбинации. Так, имя предметное выделяется по несочетаемости его со словами типа maš̌t 'очень', neng 'весьма', ülemji 'весьма, отменно', тогда как имя качественное способно сочетаться с этими словами. Имя предметное и имя качественное имеют различное значение в орудном падеже и в сочетании с формой исходного падежа другого слова. Качественное имя в роли прямого дополнения всегда оформлено аффиксом винительного падежа. В семантическом плане имя предметное обозначает, по Н.Н. Поппе 1) предмет и 2) предмет как признак другого предмета, абстрагированный от данного предмета; имя качественное обозначает 1) признак предмета и 2) "опредмеченный" признак.

Весьма возможно, что эволюция взглядов Н.Н. Поппе на классификацию монгольских слов продолжалась, так как он сам признал последнюю свою классификацию, кратко изложенную здесь, неокончательной, требующей дальнейшей доработки [33, с. 173]. В более поздней работе (1955 г.) по сравнительному изучению монгольских языков [46] Н.Н. Поппе использовал традиционную лингвистическую номенклатуру частей речи, обусловленную содержанием самой работы.

Не менее интересна эволюция взглядов на классификацию частей речи монгольских языков (калмыцкого, бурятского и вообще монгольских, а также алтайских языков) у Г.Д. Санжеева. Он первый после раннего В.Л. Котвича восстановил монголоведческие термины предметные и качественные имена, введенные А.А. Бобровниковым, но отбросил соотнесенный с ними третий его термин относительные имена. Употребив эти термины в своей синтаксической работе (1934 г.) [38, с. 40-41], Санжеев не объяснил тогда мотивы этого "оживления" терминов. Развернутую мотивировку, совпадающую в общем с мотивировкой Н.Н. Поппе, восстановленные термины нашли в грамматиках Г.Д. Санжеева [39, с. 26-38; 40, с. 22-41], в которых схемы классификации калмыцких и бурятских слов по частям речи включают по девять разрядов (из десяти разрядов последней схемы Н.Н. Поппе исключены союзы). Схема предметно-качественной концепции отражена Г.Д. Санжеевым в грамматическом очерке, приложенном к монгольско-русскому словарю А.Р. Ринчинэ [35, с. 370, 389].

Но начиная с 1951 года Г.Д. Санжеев в ряде своих работ [24, с. 5-73; 36, с. 21-23; 41, с. 84-102; 42, с. 124-126] развил несколько другие взгляды на классификацию частей речи в монгольских и вообще в алтайских языках. Согласно новой его концепции, число частей речи в монгольских и тюркских языках увеличилось до двенадцати за счет парного увеличения имен предметных и имен качественных в последней схеме Н.Н. Поппе: имя существительное, имя предметное, имя прилагательное, имя качественное, имя числительное, наречие, местоимение, глагол, послелог, союзы, частицы, междометия. Первые семь номеров этого перечня составляют группу именных частей речи. Предметные имена, согласно этой концепции, обозначают предметы, которые могут быть материалом для других предметов (синтаксически они соответствуют русским прилагательным и именам существительным); имена существительные, преимущественно с абстрактным содержанием, не могут быть определениями в форме основы или именительного падежа. Качественные имена обозначают качество (синтаксически соответствуют русским качественным прилагательным, качественным наречиям и существительным, обозначающим качество); прилагательные, производные по своей структуре, обозначают только признаки или качества предметов в узком значении. В основе различения первых четырех именных частей речи, кратко охарактеризованных выше, лежит синтаксический критерий (может или нет использоваться в такой-то функции). Последняя классификация частей речи (1952 г.) не получила признания у монголоведов, в частности у бурятоведов, о чем можно судить по выступлениям участников бурятоведческой научной конференции 1953 г. [24, с. 5-73].

Д.А. Алексеев в ряде своих работ отстаивает традиционную номенклатуру именных частей речи в бурятском языке [3, с. 31-34; 4, с. 152-190; 5, с. 6, 35-47]. Главным основанием деления именных частей у Д.А. Алексеева (если оставить в стороне не универсальный в его системе формально-морфологический признак)

является синтаксический критерий, поддержанный семантическим, т.е. слово является прилагательным, так как используется в роли определения, обозначая признак предмета; слово является существительным, так как используется в роли определяемого, обозначая предмет.

Традиционной номенклатуры в отношении именных частей речи современного монгольского языка придерживаются Б.Х. Тодаева [43, с. 48-49, 75, 81], которая за основание деления принимает семантический признак, и М.Н. Жданникова (Орловская) [15; 28, с. 56-65], противоречиво сочетающая семантический и функциональный критерий в качестве основания деления.

Интересную точку зрения о частях речи на материале бурятского языка развил Т.А. Бертагаев в одной из последних своих работ [8, с. 36-64], основные выводы которой в общем совпадают с выводами данной работы, излагаемыми автором в "Курсе лекций по теории современного монгольского языка", читанном в 1946 г. В основу деления частей речи Т.А. Бертагаев кладет одновременно используемые лексический и грамматический критерии с подразделением последнего на морфологический и синтаксический. Таким образом, он разделяет общеизвестное положение Л.В. Щербы о необходимости учитывать всю совокупность морфологических, синтаксических и семантических данных при решении вопроса о категориальной принадлежности слова [45, с. 76] * и выделяет в бурятском языке три именные части речи. Их он склонен называть именами существительными, прилагательными и наречиями. Т.А. Бертагаев признает имеющие широкое распространение в бурятском языке переходы слов из одной части речи в другую (субстантивацию, адъективацию, адвербиализацию) и констатирует различные, с его точки зрения, степени адъективации, а также неполно выраженную субстантивацию. В концепции Т.А. Бертагаева вызывают возражение алогичное по своей сущности одновременное подведение трех оснований классификации (лексический, морфологический и синтаксический критерии) и выделение им второй и третьей степеней адъективации в словах, фактически являющихся атрибутивными компонентами сложных слов, а также неправомерное отождествление функционирования имени существительного в роли приложения с

---

* Следует заметить, что это положение высказано Л.В. Щербой по поводу глагольности слов моросит, смеркается. Интересно сопоставить с этим другое его положение: "Впрочем, едва ли мы потому считаем стол, медведь за существительные, что они склоняются: скорее, мы потому их склоняем, что они существительные. Я полагаю, что все же функция слова в предложении является всякий раз наиболее решающим моментом для восприятия. Иначе обстоит дело, когда вопрос идет о генезисе той или иной категории, и не только в филогенетическом аспекте, но и в онтогенетическом: тут важна вся совокупность лингвистических данных - морфологических, синтаксических и семантических" [45, с. 64].

адъективацией его, хотя бы и первой степени [8, с. 59-61].

Таким образом, из этого беглого обзора различных точек зрения в русском и советском монголоведении на части речи в монгольских языках (главным образом именные), данного здесь в общей хронологической последовательности с небольшими отступлениями в связи с эволюцией взглядов у отдельных монголоведов, следует, во-первых, что при различных критериях выделения частей речи - формальном, функциональном, семантическом или их различных комбинациях - наиболее устойчивым оказался семантический критерий. Он нашел непосредственное выражение в терминах "значение", "название", "обозначение", "лексический критерий", косвенно проявился в оборотах "предмет как признак другого предмета, абстрагированный от данного предмета", « "опредмеченный" признак», "обозначение предметов, которые могут быть материалом для других предметов" и т.п., получив, таким образом, у монголоведов различную степень обобщения. В относительной устойчивости семантических признаков с разной степенью их обобщения в различных классификациях стихийно отразилась определяющая роль содержания в диалектическом единстве формы и содержания слова, даже вопреки сознательной тенденции наметить другие ведущие критерии (как это случилось, например, в последней классификации Н.Н. Поппе: "опредмеченный" признак как одно из содержаний "качественного имени", выделенного в виде особой части речи по формальному признаку сочетаемости с усилительными частицами, наряду с просто-признаком в нем).

Во-вторых, максимально обобщенный формальный признак изменяемости-неизменяемости изжил себя как основной и всеобщий критерий классификации частей речи в монгольских языках (ср. развитие линии А.А. Бобровников - ранний В.Л. Котвич - А.Д. Руднев - поздний В.Л. Котвич и развитие линии А.А. Бобровников - раний Н.Н. Поппе - "средний" Н.Н. Поппе - поздний Н.Н. Поппе - Г.Д. Санжеев). Зато характер изменяемости слов и сочетаемость их как формальные признаки получили больший удельный вес в качестве дополнительных критериев классификации частей речи (ср. те же линии развития).

В-третьих, синтаксический ~ функциональный признак не был основным и единственным критерием выделения частей речи в монголоведении; несостоятельность его "претензии" на ведущее положение наглядно вскрылась в последней классификации именных частей речи у Г.Д. Санжеева, где он приобрел незаслуженно большой удельный вес, почти полностью оттеснив семантические признаки.

В-четвертых, за различными критериями предметно-качественной концепции Н.Н. Поппе - Г.Д. Санжеева 1938-1947 гг. вскрывается один основной лексический критерий, определяющий собой ее остальные, более частные критерии. Поясним сказанное: за основание деления фактически берется только лексическое значение (соотнесенность с отдельным явлением) в смысловом содержании фонетически отождествляемых основ ряда слов; в связи с этим

основу слова в данной концепции логично было бы называть лексической основой в отличие от лексико-грамматической основы в существительно-прилагательной концепции. Именно в лексической или лексико-грамматической трактовке основы слова по ее смысловому содержанию состоит принципиальное различие двух основных точек зрения на классификацию именных слов, которые в истории монголоведения часто реализовались в компромиссных схемах.

В-пятых, очевидно, что использование различной терминологии нельзя отождествлять с различием точек зрения на именные части речи. В тюркологии, например, именные слова под термином "имена существительные" в отдельных случаях фактически трактуются как имена предметные, а под термином "имена прилагательные" - как имена качественные. При этом допускается субстантивация, т.е., по сути дела, с лексической трактовкой именных основ мирно уживается лексико-грамматическая, опирающаяся на формальный критерий изменяемости слова.

В данной работе употребление терминологических сочетаний предметно-качественная концепция и существительно-прилагательная концепция предполагает однозначность каждого из них и подразумевает за ними две принципиально различные трактовки именной основы слова: лексическую, не учитывающую грамматическое значение в смысловом содержании основы, и лексико-грамматическую, учитывающую лексическое и грамматическое значение в основе слова, причем их единство отождествляется со смысловым содержанием всей основы. Как следует из изложенного материала, автор настоящей работы разделяет вторую точку зрения на именные части речи в современном монгольском языке.

§ 10. Краткий обзор классификаций монгольских слов в языкознании МНР

Первая в МНР "Грамматика монгольского языка" выполнена на уровне современного языкознания Ш. Лувсанванданом. Она написана на старописьменном монгольском языке в качестве учебника для средней школы, вышла в свет в 1938 г. В своих теоретических положениях она опирается на труды советских ученых *. Познакомиться с этой работой автору не удалось, поэтому можно только высказать предположение, что монгольские слова в ней при классификации были разбиты на три основные группы - имена, глаголы, частицы.

Ц. Дамдинсурэн - один из создателей современной монгольской письменности - в своей "Учебной грамматике монгольского языка для взрослых", написанной в соавторстве с заслуженной учительницей МНР Б. Цэвэгжав (Улан-Батор, 1946), делит все слова на три основные группы - имена, глаголы и частицы * - с последующим подразделением имен на слова-имена, слова-признаки, числительные слова и заменные слова, т.е. имена существительные, имена прилагательные, имена числительные и местоимения (точнее, местословия) ** . В качестве основания деления имен существительных и прилагательных, неотличимых по внешнему виду, выступают семантический и функциональный критерии ***.

Б. Цэвэгжав в своих учебниках по монгольскому языку для начальной школы, неоднократно издававшихся с небольшими переработками, продолжает в общих чертах придерживаться той же классификации именных частей речи, изложенной ею вместе с Ц. Дамдинсурэном в 1946 г., несколько изменив терминологию в последних переизданиях (возможно, под влиянием терминологии Ш. Лувсанвандана 1951 г.). Термины 1) нэр үг 'слово-имя [имя существительное]', 2) тэмдэг үг 'слово-признак [имя прилагательное]', 3) төлөөний үг 'слово заменительное [местословие]', 4) тооны үг 'слово числа [имя числительное]' были заменены соответственно следующими терминами: 1) жинхэнэ нэр 'настоящее имя', 2) тэмдгийн нэр 'имя признака', 3) төлөөний нэр 'имя заменительное', 4) тооны нэр 'имя числа' ****. В этой в общем удачной терминологической замене, более последовательно отражающей собственную точку зрения на классификацию именных частей речи, Б. Цэвэгжав необоснованно заменила термин төлөөний үг, хорошо соответствующий сущности данной части речи монгольского языка (не только именной, но и глагольной), на төлөөний нэр.

Б. Ринчен в большой двухтомной работе "Монгол хэлний бүрэн зүй. (Авиа, үг, үгүүлбэрийн зүй) ("Монгольский язык (Фонетика, морфология, синтаксис)"), предназначенной для филологических факультетов вузов МНР (законченной в 1950 г., но пока не изданной) *****, объединил все склоняющиеся слова в группу имен под общим термином номинативные имена (нэрийтгэл нэр).

Ш. Лувсанвандан в первой части "Учебника монгольского языка для неполных средних и средних школ", написанной им в соавторстве с Б. Дэмчигдорж [21], выделил следующие части речи в современном монгольском языке, приняв за основания деления семантический, формально-словоизменительный и функциональ-

---

* "Энэ хэлний зүйг Зөвлөлтийн эрдэмтэн нарын бүтээл дээр түшиглэж зохиожээ. Энэ бол монгол хүн анх удаа монгол хэлний-хээ зүйг шинжлэх ухааны үндэстэйгээр бичиж гаргасан нь болно" [26, с. 7].

** Нэр үг; тэмдэг үг; тооны үг; төлөөний үг [12, с. 92].

*** "Манай монгол хэлний нэр үг, тэмдэг үг хоёрыг үг үгний гадаад дүрсээр нь ялгах тэмдэггүй. Ганцхан түүний утга ба асуултаар нь таньж болно..." "Нэг нэр, нөгөө нэрийн өмнө орж түүний тэмдэг чанарыг заасан тэмдэг үг болдог ёс байна", [12, с. 101].

**** Сопоставлено по двум изданиям учебника для 4-го класса [44].

***** Сведения взяты из [26, с. 16-17; 27].

ный критерии: 1) имя существительное (жинхэнэ нэр); 2) имя прилагательное (тэмдгийн нэр); 3) имя числительное (тооны нэр); 4) местоимение (төлөөний нэр); 5) глагол (үйл үг); 6) служебные слова (сул үг); 7) междометие (аялга үг).

Но в новом издании своего учебника (1956 г.), который он, по словам самого автора [22, с. 2], коренным образом переработал на основе исследований Г.Д. Санжеева, Б.Х. Тодаевой и с учетом критических замечаний учителей, Ш. Лувсанвандан внес как будто существенные изменения в классификацию именных частей речи, переведя ее на рельсы предметно-качественной концепции. Увеличив одновременно число других частей речи, он довел их общее количество до десяти: 1) имя предметное (бодит нэр); 2) имя качественное (тэмдгийн нэр) *; 3) имя числительное (тооны нэр); 4) местоимение, точнее, местословие (төлөөний үг); 5) глагол (үйл үг); 6) наречие (дайвар үг); 7) послелог (дагавар үг); 8) частица (сул үг); 9) союз (холбоос); 10) междометие (аялга үг). Основаниями выделения этих частей речи являются признаки семантический, формальный словоизменительный, а также функциональный [22, с. 40].

Предметное имя обозначает предметы живой и мертвой природы, различные явления, действия, состояния; имеет парадигму склонения; не сочетается с препозитивными усилительными частицами типа маш 'очень', хамгийн 'самый'; его форма именительного падежа (нэрлэхийн тийн ялгал) перед глаголом выражает субъект или объект действия; может быть любым членом предложения, преимущественно подлежащим и дополнением; в роли определения выступает в форме именительного** или родительного падежей. Таковы в пересказе признаки предметного имени, перечисленные в учебнике Ш. Лувсанвандана [22, с. 42].

Качественное имя обозначает цвет, качество, свойство, величину, форму; обозначает также характер действия; имеет, подобно предметному имени, парадигму склонения, но отличается от него особыми словообразовательными аффиксами; сочетается с усилительными частицами типа маш, хамгийн; в роли приименного определения употребляется в форме основы, в роли приглагольного обстоятельства – в форме основы и в форме орудного падежа; имеет степени сравнения. Таковы в пересказе признаки качественного имени, перечисленные в учебнике Ш. Лувсанвандана [22, с. 61-63].

---

* Термин тэмдгийн нэр в сопоставлении с термином жинхэнэ нэр 'имя существительное' понимался как 'имя прилагательное'; теперь в связи с новой, предметно-качественной концепцией он в сопоставлении с термином бодит нэр 'имя предметное' стал пониматься как 'имя качественное'. Чтобы отличить его от 'имени прилагательного', для последнего стали употреблять термин хүртээл 'достояние'.

** На самом деле в форме основы, так как ее признак – факультативное -н (если основа его имеет) – в этих случаях, как правило, восстанавливается.

Однако, утверждая, что имена качественные переходят в имена предметные и, наоборот, предметные – в качественные [22, с. 64], Ш. Лувсанвандан фактически остается на прежней своей позиции (1951 г.) деления основных именных частей речи монгольского языка на существительные и прилагательные, так как семантический (а вернее, неосознанный теоретически лексико-грамматический) критерий сохраняет свое ведущее положение в его, казалось бы, новом истолковании языкового материала. Этот вывод подтверждается, например, неоправданным включением в словообразовательные аффиксы "качественного имени" очень продуктивного аффикса -тай, в подавляющем большинстве случаев образующего слова, которые не сочетаются с усилительными частицами типа маш, хамгийн и не имеют степеней сравнения (как это должно было быть в соответствии с их квалификацией как "качественных имен"). Этот вывод подтверждается также включением, например, аффикса -н как словообразовательного аффикса "качественного имени" алтан 'золотой' при алт 'золото' [22, 65], исключающим высказанное Ш. Лувсанванданом положение о функционировании предметного имени в роли определения.

Так фактический языковой материал выползает сквозь щели накинутой на него сверху предметно-качественной концепции Н.Н. Поппе – Г.Д. Санжеева 1938-1947 гг.

Вопросу о классификации частей речи в монгольском языке посвятил специальную статью А. Лувсандэндэв [23]. Констатируя различные точки зрения в этом актуальном вопросе монгольского языкознания и желательность научной дискуссии для его решения, А. Лувсандэндэв из практических соображений преподавания монгольского языка в средней школе признает целесообразной точку зрения Ш. Лувсанвандана о делении основных именных частей речи на имена предметные и качественные. Вопреки всей монголоведческой традиции А. Лувсандэндэв выделяет причастные формы из системы глагола в особую часть речи, признает существование наречий, считает целесообразным называть местоимения местословиями, предлагает различать служебные слова и послелоги (по примеру тюркологов), оговаривая, однако, что в средней школе их надо объединять под общим термином послелоги. Вся классификация А. Лувсандэндэва дана в следующей схеме 12 частей речи:

1) имя предметное (бодисын нэр); 2) имя качественное (тэмдгийн нэр); 3) имя числительное (тооны нэр); 4) глагол (үйл үг); 5) имя глагольное (үйлт нэр); 6) наречие (дайвар үг); 7) местословие (төлөөний үг); 8) служебное слово (туслах үг); 9) послелог (дагавар үг); 10) частица (сул үг); 11) союз (холбоос үг); 12) междометие (аялга үг) [23, с. 32].

Основаниями классификации в качестве ведущих критериев являются синтаксический и морфологический, а также и семантический [23, с. 26]. Последний критерий оттеснен, однако, на самый задний план, что следует из признания предметных и качественных имен, выделения глагольного имени, различения служебных слов и послелогов.

Таким образом, обзор точек зрения монголоведов МНР на классификацию частей речи в монгольском языке, данный в кратком изложении выше, позволяет сделать следующие выводы:

1) в монгольском языкознании МНР 1946-1956 гг. под влиянием работ советских монголоведов наметился переход – скорее терминологический, чем по существу, – на позиции предметно-качественной концепции;

2) в школьной практике МНР, как можно судить по учебникам для начальной и средней школы, фактически продолжает доминировать существительно-прилагательная концепция – теоретически осознанное или не осознанное различение именных слов по учету грамматического значения в лексико-грамматических основах этих слов, проявляющегося в особенностях их словоизменения, сочетаемости с другими словами и в характере их синтаксического использования в предложении;

3) в монгольском языкознании МНР существительно-прилагательная концепция получила наиболее четкую, но недостаточно обобщенную теоретически формулировку в изложении Ц. Дамдинсурэна и Б. Цэвэгжав: " У нас в монгольском языке имена существительные и имена прилагательные не имеют признаков различия по их внешнему облику. Их можно опознать только по их значению и вопросу к ним <...> Существует правило, согласно которому имя, указывающее на признаки другого имени, находясь в позиции перед ним, становится именем прилагательным" [12, с. 101] *.

§11. Критерии семантической классификации монгольских слов

Обзоры классификаций показывают, что из всех критериев деления монгольских слов наиболее стойкими оказались критерии семантического аспекта. Различные по качеству семантических компонентов смыслового содержания слов, с разными степенями обобщения, с разной степенью универсальности, под разными названиями, они участвуют почти во всех классификациях слов монгольских языков. И даже в тех случаях, когда им намеренно отводилась второстепенная роль в классификации слов, они настойчиво заявляли о себе, проявляясь в формулировках как обозначение предмета и "опредмеченного" признака, как обозначение признака предмета и обозначение предмета как признака другого предмета, абстрагированного от данного предмета, как название предметов в качестве материала других предметов, как обозначение качеств вообще и качеств в узком значении и т.п. Эта стойкость семантических признаков в классификациях монгольских слов за период времени в 125 лет обусловлена тем, что в структурно-семантическом единстве слова определяющим является семантический аспект и, следовательно, семантические критерии являются существенными признаками.

---

* Монгольские оригиналы цитат приведены на с. 85 настоящей работы.

Тем не менее использование семантических критериев в классификации слов вызывает возражения многих языковедов. Обычная и как будто убедительная аргументация против семантических критериев классификации слов базируется на том, что они непосредственно не даны слуху в устной речи и зрению в письменной. Однако общеизвестно, что сущность непосредственно не дана, она проявляется и поэтому познается через ее проявления путем их обобщения. Научная классификация, непременно строящаяся на существенных признаках, отнюдь не является начальным этапом в исследовании – она представляет собой итог большой исследовательской работы, когда вскрыты уже многие существенные свойства исследуемых объектов, и чем более существенны признаки, положенные в основу классификации, тем более научна сама классификация, тем более плодотворна она в последующем исследовании.

В смысловом содержании слова, точнее, в его лексико-грамматической основе, выделяются два значения – лексическое и категориально-грамматическое (см. гл. II, §3-4). Именно эти два значения целесообразно взять в качестве основы классификации оснований деления, как наиболее существенные признаки в структурно-семантическом единстве слова. Таким образом, семантическая классификация монгольских слов в данной работе строится на лексическом и категориально-грамматическом признаках с субординацией второго признака первому – более общему – и, следовательно, семантическая классификация слов монгольского языка подразделяется на лексическую и категориально-грамматическую.

§12. Лексическая классификация слов

Основание деления – лексический признак, т.е. основное значение в слове (см. гл. II, §4). По этому признаку выделяются три группы монгольских слов: вещественные, формальные и экспрессивные слова.

Вещественные слова * – основным значением является вещественность (словесное воплощение понятия). Вещественность – существенный признак этой большой группы слов в монгольском языке – проявляется в функционировании их в речи: все слова данной группы могут быть использованы в структуре предложения как его члены – составные части предложения и, организованно включаясь в его структуру, направляют и поддерживают формирование мысли человека в его мыслительном процессе. Второй яркий признак проявления вещественности данной группы слов, не менее универсальный, чем предыдущий, составляют их многочисленные в своей общей сумме реляционные грамматические значения с соответствующим их формальным проявлением. Эти грам-

---

* В русском и советском языкознании наряду с терминологическим сочетанием вещественные слова употребляются также сочетания знаменательные слова; полные слова и части речи, имеющие собственное значение.

матические значения, дополнительные к грамматическому значению основ вещественных слов, подразделенные на более мелкие группы вещественных слов и меняющиеся у одного слова при употреблении его в разных условиях, выражают характер и отношения отражаемых в словах явлений и характер функционирования слов в речи, помогая формированию мысли в предложении.

Таким образом, вещественность, как наиболее существенный признак абсолютного большинства монгольских слов, проявляясь в потенциальном членстве этих слов в структуре предложения и в реляционной грамматичности их, служит основанием выделения этих слов в особую группу вещественных слов.

Формальные слова* – основным значением является формальность (словесное воплощение грамматического значения). Формальность как существенный признак этой довольно большой в монгольском языке группы слов, которая меньше группы вещественных слов, примерно в двести раз, проявляется в их использовании в грамматическом строе языка. Формальные слова используются для выражения грамматических значений в словах, в сочетаниях вещественных слов и в структуре предложения. Отмеченная функция формального обслуживания вещественных слов и их сочетаний послужила основанием называть данную группу слов служебными словами. Формальность этой группы слов проявляется также в негативном признаке: к таким словам нельзя подобрать вопросительные слова, так как вопросительное значение последних является частным случаем вещественного значения и потому может соотноситься только с вещественным значением других слов.

Итак, формальность, как наиболее существенный признак сравнительно большой группы монгольских слов, проявляясь в их служебном использовании и в невозможности вопроса к ним, служит основанием для выделения их в особую группу формальных слов.

Экспрессивные слова, или междометия. Основным значением является экспрессивность (словесное воплощение эмоциональной или волюнтативной реакции, а также звуковой имитации). Экспрессивность как существенный признак в смысловом содержании данной, сравнительно немногочисленной, группы слов проявляется в их речевом использовании: эти слова употребляются изолированно, вне грамматической связи с другими словами, образуя в органической связи с ритмомелодикой слова-предложения.

В связи с предложенным здесь делением монгольских слов по лексическому признаку следует отметить, что деление слов в монголоведении на знаменательные и служебные впервые было предложено Н.Н. Поппе в 1938 г. в работе по бурятскому языку [32, с. 72-73], но оно осталось декларативным, не получив развития и применения в указанной и последующих его работах, а также в

---

* В русском и советском языкознании употребляются также терминологические сочетания и термины служебные слова; связочные слова; формальные части речи; частичные слова; части речи, не имеющие собственного значения; частицы.

трудах других монголоведов, хотя терминологическим сочетанием служебные слова пользуется Т.А. Бертагаев [8, с. 41, 46]. Это дает право предполагать деление им бурятских слов на служебные и, вероятно, знаменательные. В монголоведении существует также противоположная точка зрения, полностью отрицающая деление слов на знаменательные и служебные по лексическому или любому другому признаку*.

§ 13. Категориально-грамматическая классификация вещественных слов

Глаголы. Среди вещественных слов монгольского языка четко выделяется большая группа слов под общепризнанным названием-термином глаголы, которые обозначают разнообразные действия и состояния, осуществляемые их субъектами – лицами, предметами живой и мертвой природы и т.п. – или осуществляющиеся в них. В различных грамматических формах глаголов вместе с основным лексическим значением отраженного действия-состояния выражаются временные характеристики его осуществления, характер его протекания во времени, направленность и т.д. В общем грамматическим формам глагола свойственны различные реляционные грамматические значения, характеризующие в различных аспектах динамичность отражаемого явления. Например, грамматическая форма ургасан 'вырос' глагола урга- 'расти' характеризует названный процесс как осуществленный в прошлом временном плане, а грамматическая форма ургана 'растет; произрастает' характеризует осуществление процесса планом настоящего времени или планом общего времени.

Обобщение отраженной динамичности явлений (действий, состояний) в смысловом содержании конкретных глаголов путем абстрагирования от их конкретных лексических значений дает грамматическое значение, за которым в общем языкознании закреплен термин глагольность, или вербальность. Вербальность, относясь к конкретным лексическим значениям глаголов как общее к частному, существует и проявляется только через эти значения.

Но словообразовательные процессы в языке обусловили возможность выделить это уже обобщенное грамматическое значение в смысловом содержании основы глагола, отделив его от конкретного лексического значения. В глагольной основе урга- отражен процесс 'расти', свойственный растениям; динамичность в смысловом содержании этого глагола вскрыта в грамматических значениях

---

* "Мы считаем также излишним класть в основу нашего деления такие термины, как знаменательные и служебные слова, поскольку эти термины, с одной стороны, ровно ничего не объясняют и, с другой, совершенно излишни, тем более, что о служебной роли некоторой группы слов приходится говорить вне зависимости от деления слов на части речи" [39, с. 26-27].

некоторых его форм, приведенных выше. Эта глагольная основа урга– послужила исходной при образовании имени существительного ургац 'урожай; урожайность'; в новой основе имени существительного сохранилось лексическое значение исходного глагола (соотнесенность с явлением 'расти'), но обобщенное грамматическое значение вербальности, свойственное всем монгольским глаголам, оказалось снятым.

Многократно повторяемое снятие обобщенных грамматических значений при словообразовательных процессах монгольского языка позволило отделять эти обобщенные грамматические значения от лексических значений в смысловом содержании исходных основ словообразования. Обобщенное грамматическое значение вербальности, отделенное в пределах лексико-грамматической основы глагола от конкретного лексического значения в ней и ставшее, таким образом, дополнительным к основному лексическому значению, является категориально-грамматическим значением глагола. Разумеется, намеченный здесь схематично * процесс грамматического обобщения вербальности, подобно всем процессам грамматического и лексического обобщения в языковой системе, происходит сознательно, коль скоро обусловлен мыслительной деятельностью человека, но не осознается теоретически, являясь результатом своеобразной автономности мышления от контроля самого же мышления. Требуется специальное исследование, чтобы вскрыть результаты грамматического обобщения, осознав их теоретически.

Категориально-грамматическое значение вербальности во всех лексико-грамматических глагольных основах, как общее значение в них в отличие от различных конкретных лексических значений, берется основой выделения глаголов в особую группу слов при семантической классификации монгольских вещественных слов. Итак, основанием выделения монгольских глаголов является их вербальность – существенный семантический признак динамичности, раскрывающийся в многочисленных глагольных категориях залога, вида, времени и т.д., следовательно, парадигма спряжения конкретного монгольского слова характеризует его как глагол.

Существительные. Среди вещественных слов монгольского языка намечается большая группа слов, называющих предметы или группы однородных предметов действительности: нуур 'озеро', ой 'лес', багш 'учитель', мал 'скот', туурай 'копыто'. В смысловом содержании их лексико-грамматических основ вскрывается конкретное вещественное лексическое значение, обобщенно соотнесенное с

---

* Намеченная здесь схема, имея иллюстративное значение, выделила только одну линию в обобщении. В действительности процессы грамматического обобщения представляют собой несравненно более сложную картину многочисленных перекрещивающихся линий, среди которых при определяющей роли общих свойств отражаемых объектов большое корректирующее значение имеет сложившаяся грамматическая система, имеет значение также лексическая система, оказывают свое влияние фонетические процессы.

конкретными однородными предметами или их группами. Кроме того, в смысловом содержании этих основ раскрывается обобщенное грамматическое значение предметной отнесенности слова, получившее в языкознании название предметность, или субстантивность. Грамматическое значение субстантивности является дополнительным к вещественному лексическому значению в пределах основы, поэтому квалифицируется как категориально-грамматическое значение. Наличие субстантивности в смысловом содержании основы слова, не очевидное и потому спорное, а также категориально-грамматический характер субстантивности более наглядно обнаруживаются при словообразовании. Например, при образовании глагольных основ мал(а)л– 'пасти скот', багш(и)л– 'учительствовать' снимается субстантивность, т.е. предметная отнесенность исходных лексико-грамматических основ мал 'скот', багш 'учитель'. Смысловым содержанием образованных глагольных основ становится сплав того же вещественного лексического значения с категориально-грамматическим значением вербальности. Выделенное категориально-грамматическое значение субстантивности, иначе – предметной отнесенности слова, является общим в смысловом содержании пяти монгольских слов, перечисленных выше, и вообще в смысловом содержании всех монгольских слов, называющих реальные предметы действительности. Все эти слова по общему их категориально-грамматическому значению субстантивности выделяются в особую группу слов под общим названием существительные.

Различные связи, отношения, свойства и качества реальных предметов, раскрываемых содержанием основ монгольских существительных, находят отражение в языке в виде реляционных грамматических значений падежных форм, форм множественного числа, форм принадлежности этих существительных, а также проявляются в сочетаниях существительных с определяющими их словами. В этих грамматических особенностях существительных монгольского языка проявляется их субстантивность, понимаемая в этих случаях как предметная отнесенность. Наиболее характерной грамматической особенностью монгольских существительных является их парадигма склонения – все эти слова без исключения могут склоняться. Другой, не менее характерной особенностью существительных монгольского языка является их способность определяться другими словами.

Итак, монгольские существительные с предметным лексическим значением в основе выделяются в особую группу слов по их категориально-грамматическому значению субстантивности, которое проявляется в способности существительных склоняться и быть определяемыми.

До сих пор речь шла о монгольских существительных, лексические значения которых представляют собой обобщенное отражение действительных предметов и субстантивность которых является обобщенной предметной отнесенностью в буквальном смысле. В этой субстантивности вскрывается единство двух сторон, двух семантических аспектов: 1) аспект внешний по отношению к системе языка – это обобщенное отражение материальности отражаемых объектов и 2) аспект внутрисистемный, языковой – это категориально-

грамматическое значение, являющееся грамматической сущностью большой группы монгольских слов, называемых существительными.

Но мышление человека обладает неограниченными возможностями абстракции и обобщения, получив развитие и поддержку таких возможностей в языке и через языки совершенствуя одновременно грамматическую систему самого языка. Одна из деталей в этой постоянной взаимной связи и обусловленности языка и мышления вскрывается, например, по результату процесса отвлечения субстантивности от ее первой, внешней стороны, обусловившей появление самой субстантивности в языковой системе.

Этот процесс предположительно рисуется в следующем виде. Возникнув в грамматической системе языка как обобщенное отражение материальности отражаемых объектов и получив в ней достаточно четкое формальное проявление в парадигме склонения существительных и их определяемости на довольно ранних еще этапах развития монгольских языков, грамматическое значение субстантивности поддерживается затем в системе языка этим формальным своим проявлением и, опираясь на него, в значительной степени отвлекается от внешней своей стороны, перекинутой мостиком за пределы системы языка, соответственно в той же степени замыкается пределами самой системы языка, становится формальной субстантивностью. Возможно, процесс отвлечения субстантивности от внешней ее стороны и повышения степени грамматического обобщения в ней протекал иначе, но результат его налицо: грамматическая система современного монгольского языка, пользуясь формальным значением субстантивности, замкнутым пределами самой системы, может субстантивировать, опредмечивать в системе языка любое отраженное явление действительности, проявляя субстантивность в ее формальных признаках – в склонении слова, отражающего своим лексическим значением соответствующее явление действительности, и в определяемости этого слова.

Субстантивирование, опредмечивание любого обобщенно выделенного и отраженного явления действительности, как правило отвлеченного при этом от его типичных связей, осуществляется в смысловом содержании лексико-грамматической основы слова в виде понятия путем сплава соответствующего вещественного лексического значения с категориально-грамматическим значением субстантивности и во многих случаях, но не обязательно поддерживается грамматической структурой основы слова. Например, действие гүй- 'бежать', в реальной действительности всегда связанное с его субъектом (кто-то бежит, бегал, будет бежать и т.д.), в отражении может отвлекаться от его субъекта при фиксации внимания на самом действии. Тогда вещественное лексическое значение, соотнесенное с действием 'бежать', сплавляется с категориально-грамматическим значением субстантивности в виде понятийного содержания 'бег' лексико-грамматической основы гүйдэл, поддержанного в данном случае грамматической структурой этой основы гүй-дэл, где морфема -дэл является словообразовательным аффиксом отглагольного существительного.

Опредмечиваться в отражении могут постоянные признаки предметов, и также в виде понятийного сплава соответствующего вещественного лексического значения с субстантивностью: урт 'длинный' > урт 'длина', например в сочетании слов уртын хэмжээ 'размер (величина) длины'. В этом случае субстантивация отраженного признака с ее результатом в виде понятия 'длина' не поддерживается грамматической структурой основы (основа остается корневой), зато субстантивность слова урт 'длина' четко проявляется в способности этого слова склоняться: урт-ын, где -ын – аффикс родительного падежа, и в его способности определяться: өдрийн урт 'длительность дня'.

Таким образом, и в тех многочисленных случаях, когда вещественное лексическое значение монгольского слова не является предметным, субстантивность в смысловом содержании его основы, обязательно проявляясь в склоняемости и определяемости слова, характеризует все слово как существительное. Следовательно, если парадигма склонения слова и его способность определяться являются внешними признаками его субстантивной грамматической сущности, то их наличие в слове позволяет относить это слово к существительным.

Кроме того, монгольские существительные проявляют свою субстантивную грамматическую сущность в различных формах множественного числа, свойственных в монгольском языке исключительно существительным (и субстантивным местословиям), а также в специальных словообразовательных аффиксах и различных показателях в виде формальных слов. Но эти признаки не являются такими генерализованными у монгольских существительных, как их парадигма склонения и определяемость, поэтому при выявлении субстантивности конкретных слов они могут играть только вспомогательную роль.

Итак, субстантивность как категориально-грамматическое значение, представляющее собой грамматическую сущность большой группы слов монгольского языка и генерализованно проявляющееся в их склоняемости и определяемости, служит основанием выделения этих слов в особую группу существительных, независимо от их вещественных лексических значений, которые могут быть обобщенными отражениями любых реальных явлений действительности с различной степенью точности (крайне относительной, вплоть до полного их искажения), что никак не отражается на категориально-грамматической сущности монгольских существительных. Слова зам 'дорога', буун 'стойбище', гүйдэл 'бег', урт 'длина', аз 'счастье, удача', амь 'душа', ад 'бес' являются существительными, независимо от их вещественных лексических значений и степени их адекватности отражаемым явлениям, так как их грамматическую сущность составляет субстантивность, которая достоверно вскрывается в смысловом содержании этих слов по их способности склоняться и определяться.

Прилагательные. С существительными соотносятся своим смысловым содержанием вещественные слова, за которыми целесообразно закрепить языковедческий термин прилагательные. Конкретные вещественные лексические значения прилагательных

представляют собой отражения различных сравнительно устойчивых свойств, качественных характеристик и характеристик по отношению к другим явлениям – в общем отражении сравнительно стабильных качественно-относительных признаков, которые раскрываются в явлениях действительности при субстантивном отражении последних. Эта относительно устойчивая, статичная признаковость любых субстантивно отраженных явлений действительности составляет грамматическую сущность прилагательных современного монгольского языка, их категориально-грамматическое значение, получившее в языкознании название адъективность.

Развитие адъективности в грамматической системе монгольского языка попытаемся представить схематично (если выделять только одну линию развития от малой степени абстрактности к большей, отвлекаясь при этом от взаимной генетической обусловленности качественной адъективности и качественной адвербиальности). Возникнув сравнительно поздно в языке как обобщенное отражение более или менее устойчивой признаковости предметов реальной действительности (например, в сочетаниях слов типа ӈндэр мод 'высокое дерево'), адъективность затем вместе с отвлечением субстантивности от предметной отнесенности также абстрагировалась от связи с реальной признаковостью предметов действительности на семантическом фоне субстантивации любых отраженных явлений (например, в сочетаниях типа тургэн гүйдэл 'быстрый бег'), став, таким образом, грамматическим значением признаковости, обязательно соотнесенным внутри грамматической системы языка с субстантивностью. Соотнесенность адъективности с субстантивностью, зависимость ее от последней составляет своеобразную черту этого категориально-грамматического значения монгольских прилагательных, являясь прямым указанием на системный характер грамматического строя современного монгольского языка, на взаимную обусловленность грамматических значений в нем.

Категориально-грамматическое значение адъективности, органически сплавленное с конкретным вещественным лексическим значением качественного или относительного признака в смысловом содержании лексико-грамматической основы монгольского прилагательного, не имеет всеобщих, универсальных формальных показателей в основе, по которым можно было бы непосредственно и во всех случаях однообразно вскрывать его наличие в смысловом содержании основы монгольского прилагательного. Не очевидная и не вскрываемая прямым путем, адъективность монгольских прилагательных может быть оспорена, и она не раз отрицалась в монгольском языкознании в связи с отрицанием прилагательных при предметно-качественной концепции в классификации именных частей речи.

Правда, в настоящее время никто из советских монголоведов не оспаривает наличия прилагательных в системе частей речи монгольских языков, в том числе Санжеев, выделивший их в особую группу (отличную, однако, от сохраненной им категории качественных имен в его классификации 1951 г.). Фактическое, а не терминологическое признание прилагательных в качестве особой группы слов в монгольском языке с подчеркиванием их особых, только им принадлежащих грамматических свойств, автоматически ведет к признанию, не всегда осознанному, их адъективности как грамматической сущности этой группы слов, определяющей собой их свойства.

Но адъективность монгольских прилагательных может быть вскрыта косвенным путем. Обнаруживается она, например, при конвертивной субстантивации прилагательного, когда замещение ее субстантивностью обязательно сопровождается потенциальным проявлением последней в склонении и определяемости конвертированного слова, не свойственных исходному слову в конверсии, вскрывая тем самым иную грамматическую сущность исходного слова. Кроме того, на адъективность может указывать система словообразовательных аффиксов, свойственных моделям аффиксального образования производных основ этих слов, а также признак сочетаемости этих слов с существительными в определительной роли при них, дополненный признаком потенциального функционирования их в роли сказуемого предложения. Обнаруживается она и по негативному признаку несочетаемости основы качественного прилагательного с аффиксом -аар, характеризующим факультативную формообразовательную основу качественного наречия *. Наиболее универсальным проявлением адъективного категориально-грамматического значения монгольских прилагательных в связи с его обязательной соотнесенностью с субстантивным значением служит препозитивное сочетание основ прилагательных с существительными в роли определения последних и потенциальное использование основ прилагательных в роли

---

* Фонетическое тождество лексико-грамматических основ качественного прилагательного и качественного наречия (свойственное также другим языкам (ср. монг. сайн, турецк. yaħšі, тувинск. эки, немецк. gut, русск. хорош, хорошо и т.д.), которые, несомненно, генетически тождественны, вместе с тождеством лексических значений у них порождает иллюзию их категориально-грамматической тождественности в современном монгольском языке и вообще в алтайских языках. Следовательно, ведет языковедов к лексической трактовке их при классификационном делении слов: монголоведы, разделяющие предметно-качественную концепцию, которая исключает субстантивацию при последовательном своем проведении, считают такие слова одной частью речи, называя их качественными именами; тюркологи, примыкающие к этой концепции (компромиссно сочетая ее с субстантивацией, органически свойственной существительно-прилагательной концепции), называют такие слова именами прилагательными с функцией определения при именах существительных и глаголах. Отмеченный здесь негативный признак несочетаемости в монгольском языке лексико-грамматических основ качественных прилагательных с аффиксом -аар служит достаточным формальным основанием для классификационного различения качественных прилагательных и качественных наречий в этом языке.

сказуемого (обычно со связкой) при тех же существительных, взятых в роли подлежащего. В атрибутивном субстантивном словосочетании шулуухан санаа сэтгэл 'правдивое сердце ~ честная душа' слово шулуухан 'прямехонький; перен. правдивый, честный' употреблено в роли примыкающего определения при сложном существительном санаа сэтгэл 'размышление; перен. душевное состояние, сердце'; в отрывке

Эгэл орос хүний
Санаа сэтгэл нь шулуухан.
(М. Гаадамба. Жолоочийн яриа.)

Правдивая душа
Простого русского человека.
(М. Гаадамба. Рассказ шофера.)

то же слово шулуухан является сказуемым при подлежащем санаа сэтгэл. В обоих случаях это слово, участвуя в контексте со словом санаа сэтгэл, раскрывает в разных аспектах качественный признак в смысловом содержании этого существительного. Все это вместе взятое, позволяет считать слово шулуухан (формообразовательную основу слова шулуун) прилагательным.

Таким образом, основанием для выделения монгольских прилагательных в особую группу вещественных слов является их адъективность, т.е. обобщенная сравнительно устойчивая, статичная качественно-относительная признаковость, соотнесенная с субстантивностью. Это категориально-грамматическое значение составляет грамматическую сущность монгольских прилагательных, определяет все их грамматические свойства и тем самым проявляется в этих свойствах. Наиболее универсально адъективность монгольских прилагательных проявляется в их сочетаемости с существительными – препозитивной в роли определения, постпозитивной в роли сказуемого.

Следовательно, при проверке на адъективность слова, употребленного в роли определения существительного, учитывается характер его конкретного вещественного лексического значения – качественный признак или относительный признак – и выявляется способность этого слова быть сказуемым (путем его перестановки). Проверка на сказуемость необходима. Она позволяет отличить прилагательное от атрибутивного компонента в сложном имени существительном, близкого семантически к прилагательному, который, как часть слова, не может переставляться без полного искажения семантики сложного слова: морин цэрэг 'конная армия, кавалерия'; перестановка типа Цэрэг, морин (байна) с использованием морин [правильно было бы морь] в роли сказуемого при подлежащем цэгэр 'армия' невозможна, так как дает бессмысленное содержание, нечто вроде 'Армия есть лошадь', поэтому морин в сочетании морин цэрэг не слово типа относительного прилагательного 'конный', а составная часть сложного существительного, образованного по модели атрибутивного основосложения $R_{attr} + R_s$, где в качестве атрибутивного компонента взята основа существительного морин 'лошадь'.

Системная связь адъективности и вербальности с субстантивностью. Адъективность и вербальность в современном монгольском языке имеют общие черты – оба эти категориально-грамматические значения соотнесены с субстантивностью. Это значит, что они являются максимально обобщенными признаками для любых явлений действительности (в частности, для предметов), получивших в системе языка субстантивное отражение, т.е. отраженных как смысловое содержание лексико-грамматических основ существительных в виде сплава любого конкретного вещественного лексического значения с субстантивным категориально-грамматическим значением.

Различие первых двух категориально-грамматических значений, соотнесенных с субстантивностью, заключается в различии обобщенно отраженных признаков:

адъективность представляет собой максимально обобщенное отражение сравнительно стабильных качественных и относительных признаков, что позволило называть ее также термином статичная признаковость;

вербальность представляет собой максимально обобщенное отражение неустойчивых, изменяющихся, динамичных признаков, это позволяет называть ее, в свою очередь, термином динамичная признаковость.

Наречия*. В современном монгольском языке можно выделить сравнительно большую группу вещественных слов, которые соотносятся по-своему содержанию с глаголами, раскрывая в последних качественную характеристику отраженного динамичного признака: хурдан бич- 'быстро писать', аяар хэл- 'медленно говорить'. Преобладающая часть лексико-грамматических основ этих слов фонетически совпадает с основами качественных прилагательных. Это сходство при одинаковом вещественном лексическом значении, обусловленном генетическими связями, дает основание некоторым монголоведам (ранний В.Л. Котвич, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеев, Ш. Лувсанвандан, А. Лувсандэндэв) объединять обе группы слов в одну часть речи под названием качественных имен (А.А. Бобровников выделяет те же слова под тем же названием как подразделение внутри разряда имен). Но наличие слов типа сайтар 'хорошо; хорошенько', аяар 'медленно; тихо' и других, соотносимых семантически только с глаголами, а также способность выделяемых здесь слов факультативно принимать формообразовательный аффикс -аар, аффикс субъектной принадлежности -аа и показатели личной принадлежности (напри-

* Критический обзор литературы по наречиям в русском и монгольском языкознании см. [3, с. 52-87]. Книга содержит большой фактический материал по наречиям в бурятском языке, теоретическое его обобщение с интересной попыткой обосновать выделение наречий в качестве особой части речи в бурятском языке и представляет собой серьезное исследование данного вопроса, несмотря на отдельные противоречия и досадные ошибки в классификации фактического материала и в связи с этим отдельные теоретические выводы, с которыми согласиться нельзя.

мер, хар хурдаараа гуй 'бежать изо всех сил') свидетельствуют об особом их категориально-грамматическом значении, соотнесенном с динамичной признаковостью, за которым можно закрепить прозрачное семантически, но громоздкое по составу название качественная признаковость динамичной признаковости или более краткое название, употребляемое в данной работе, качественная адвербиальность.

В общем языкознании слова с категориально-грамматическим значением качественной адвербиальности относятся к части речи, называемой общим термином "наречие". Следовательно, выделенные здесь монгольские слова должны быть названы в соответствии с их категориально-грамматическим значением качественными наречиями.

От качественных наречий семантически отличается другая группа монгольских вещественных слов, также соотнесенных с глаголами, которые своим смысловым содержанием раскрывают внешние условия проявления отраженного в глаголе динамичного признака - время, место, мотивы (в частности, причину и цель) его реализации: маргааш оч- 'отправиться завтра', дэргэд суу- 'сидеть рядом', дэмий донгос- 'попусту болтать', зориуд ир- 'преднамеренно прийти'. Общее категориально-грамматическое значение обстоятельственного уточнения в реализации динамичного признака можно называть семантически прозрачным, но структурно сложным названием обстоятельственная признаковость динамичной признаковости или более простым названием, употребляемым в данной работе, обстоятельственная адвербиальность. В соответствии со своей грамматической сущностью эти слова должны называться обстоятельственными наречиями.

Семантическое различие между качественной адвербиальностью (т.е. характеристикой самого динамичного признака) и обстоятельственной адвербиальностью (т.е. характеристикой внешних условий реализации динамичного признака) значительно больше, чем между качественной адъективностью и относительной адъективностью прилагательных. Несмотря на это существенное различие в характере признаковости, отраженной в смысловом содержании выделенных здесь групп слов, обеим этим группам свойственно общее значение, а именно вербальная отнесенность признаковости, которая обычно называется кратким термином адвербиальность. Адвербиальность составляет общую грамматическую сущность обеих групп слов - качественных и обстоятельственных наречий, определяя собой их грамматические свойства. Поэтому обе группы слов обобщенно называются одним термином наречия.

Адвербиальное категориально-грамматическое значение качественных и обстоятельственных наречий, проявляемое в монгольском языке в препозитивной их сочетаемости с глаголами способом примыкания, берется в данной работе в качестве основания при выделении их в особую группу вещественных слов монгольского языка.

Числительные. В особую группу вещественных слов монгольского языка выделяются также слова, конкретные вещественные лексические значения которых отражают количественную характеристику в явлениях действительности, отражаемых субстантивно или вербально: дөрвөн гэр 'четыре юрты', дөрөвдүгээр давхар 'четвертый этаж', дөрөөд хуваа- 'разделить по четыре', дөрвүүл(ээ) оч- 'отправиться вчетвером' и т.п.

Обобщенное лексическое значение колличественного признака во всех подобных словах составляет их категориально-грамматическое значение квантитативности (количественности), которое в грамматической системе современного монгольского языка обязательно соотносится с субстантивностью и вербальностью, проявляясь в препозитивной сочетаемости этих слов с существительными и глаголами способом примыкания, а также в функционировании их в качестве сказуемых (хотя последнее проявление квантитативности не универсально). Квантитативность, являясь грамматической сущностью четко отграниченной группы конкретных вещественных слов монгольского языка, берется в данной работе в качестве основания при выделении этих вещественных слов в особую группу под общим названием числительные.

Обычно монголоведы не выделяют квантитативность как особое категориально-грамматическое значение в смысловом содержании монгольских числительных, поддаваясь иллюзии тождественности этого значения с их конкретными лексическими значениями. Эта теоретическая ошибка порождает ряд ошибочных положений, в частности утверждение, что числительные в монгольском языке склоняются. В действительности склоняются не числительные, а существительные, образованные путем конвертивной субстантивации числительных при замене в их лексико-грамматических основах квантитативности на субстантивность с сохранением конкретных лексических значений, когда количественный признак выделяется сознанием из его реальных связей и, абстрагируясь, становится основным объектом отражения, например: "Арвыг хоёрт хуваахад тав" 'Десять (вин. пад.) разделить на два (дат.-местн. пад.) будет пять (неопр. пад.)', или когда по количественному признаку отражается его реальный носитель, например: "Гурав нь явлаа" 'Трое (неопр. пад.) из них ушли' и т.п.

Местословия. Смысловое содержание лексико-грамматических основ вещественных монгольских слов пяти выделенных типовых групп (существительных, прилагательных, глаголов, наречий и числительных) конструируется по единому плану, как сплав двух значений:

1) основное лексическое значение - конкретное вещественное значение - представляет собой обобщенное отражение более или менее конкретных однородных явлений действительности; деривационное грамматическое значение, если оно есть, включается в лексическое значение как его составной семантический компонент;

2) дополнительное грамматическое значение - категориально-грамматическое значение (субстантивность, адъективность, вербальность, адвербиальность, квантитативность) - представляет собой более абстрактное обобщение вещественных лексических значений,

отвлеченное от них и автономизированное в рамках грамматической системы языка.

В этом развернутом определении резюмированы основные положения всего сказанного ранее о смысловом содержании лексико-грамматических основ монгольских вещественных слов. Нужно подчеркнуть еще раз, что категориально-грамматические значения тоже соотносятся с явлениями действительности как их отражение, но соотносятся с ними опосредованно – через лексические значения (будучи отвлечениями второй степени). В виде дополнительного значения в основах слов они указывают на общие существенные свойства в отраженных реальных явлениях, поэтому они представляют собой весьма специфичную для языка семантическую особенность в его грамматической системе – сравнительно автономную, мало зависящую от сплавляемого с ними в пределах каждой конкретной основы лексического значения (на это прямо указывает все словообразование и особенно конвертивное и лексико-семантическое).

Все вещественные слова пяти намеченных типовых групп понятийно (т.е. в сплаве вещественного лексического и категориально-грамматического значений) отражают обобщенно выделенные явления действительности и при прямом использовании в речи представляют собой названия отраженных явлений. Категориально-грамматические значения субстантивности, адъективности, вербальности, адвербиальности и квантитативности в них являются дополнительными грамматическими значениями, хотя определяют их грамматические особенности, составляя грамматическую сущность вещественных слов-названий.

Но в монгольском языке выделяется еще одна типовая группа вещественных слов, шестая по счету, в которой именно эти пять категориально-грамматических значений, тесно связанные с различными деривационными грамматическими значениями, составляют не дополнительное грамматическое значение, а основное лексическое значение. Все слова шестой группы объединяются по этому общему их свойству – всем этим словам свойственно словесное воплощение категориально-грамматического значения (отвлечения во второй степени), коль скоро такое значение является для них основным лексическим значением. Именно эта словесная воплощенность категориально-грамматического значения представляет собой специфическую особенность данной группы вещественных слов монгольского языка, их категориально-грамматическое значение, став, таким образом, отвлечением третьей степени. За выделенным категориально-грамматическим значением словесной воплощенности категориально-грамматического значения в общем языкознании закреплен термин прономинальность (местоименность). В данной работе прономинальность, являющаяся грамматической сущностью сравнительно немногочисленных, но очень употребительных монгольских вещественных слов, берется в качестве основания для выделения их в типовую группу слов под общим названием местословия (о самом термине будет сказано немного позднее).

Прономинальность в смысловом содержании местословий, подобно рассмотренным выше пяти категориально-грамматическим значениям, не очевидна и может быть оспорена, так как не имеет материальной поддержки в пределах их основ. Однако ее можно ощутимо вскрыть в сопоставлении основ при конверсии – при замене на другое категориально-грамматическое значение обнаруживается семантическое наличие прономинальности в исходном слове конверсии. Например, в отрывке из рассказа Н. Надмида "Хэтэрсэн хайр" ("Безграничная любовь"), полного юмора, окрашенного лирической теплотой, фонетическое слово би 'я', шесть раз использованное в нем, употреблено как местословие би '"я"– говорящий субъект' и как существительное би '"я"– объект обсуждения'. Ситуация отрывка такова: жена, горячо любимая своим мужем-писателем и так же любящая его, прочитала его поэму о девушке-работнице и любви корреспондента к этой девушке, написанную в форме рассказа от первого лица, и отождествила "я" поэмы со своим мужем.

... Энэ номын дотор гараад байгаа сурвалжлагч "би" "би" гээд байгаа чинь эрхэм та өөрөө мөн шүү дээ.

– Би нь ч би л дээ. Зохиолчийн хувиар би нэрээ тавихгүй яахав. Тэхдээ тэр хүүхэнд дурлаад байгаа хүн чинь би биш шүү гэж хичнээн ч ухуулаад, яаж ч ятгаад өнөөх маань үнэмшдэггүй.

'...Корреспондент, что в этой книге, говорящий "я-я", ведь это же вы сами, мой милый [– сказала мне].

Сколько ни толковал ей, как только ни убеждал ее: – Я-то там я, конечно. И как мне не поставить своей фамилии, будучи автором. Но человек, влюбившийся в эту девушку, не я же, – она не верила мне'.

Особенно рельефна семантически субстантивность слов би в "Би нь ч би л дээ" 'Я-то там я, конечно' на семантическом фоне прономинальности двух последующих би; здесь подлежащее би 'я' является словом би из поэмы, а сказуемое би взято как слово би вообще. Оба эти слова лишены прономинальности, замененной в них на субстантивность, т.е. в данном констекте являются существительными.

Местословия в монгольском языке по своей природе – вещественные слова, так как они могут соотноситься своими лексическими значениями с реальными явлениями. Однако в характере этого соотношения проявляется одна из черт их грамматической сущности. Благодаря тому, что их лексические значения являются словесными воплощениями категориально-грамматических значений, отражающих наиболее общие свойства в явлениях действительности (предметность, статичную признаковость, динамичную признаковость и т.д. с большой корректировкой грамматической системы в их отражении, обусловившей относительную самостоятельность этих значений), местословия не могут соотноситься с отдельными явлениями как их названия. Но зато их основные лексические значения отраженных общих свойств позволяют соотносить их с любыми явлениями действительности, обладающими аналогичными общими свойствами при условии, однако, ситуационного наличия самих реальных явлений

или контекстуального наличия их названий (необходимых, чтобы в каждом конкретном случае употребления местословий в речи снималось их слишком общее и потому неопределенное лексическое значение – путем указательного его соотнесения с самими явлениями в ситуации или их названиями в контексте).

Таким образом, местословия являются словами – обобщенными указаниями, в отличие от слов-названий остальных пяти типовых групп вещественных слов монгольского языка. Поэтому своеобразна понятийность местословий: понятие в каждом местословии – это его смысловое содержание в виде единства лексического значения, отражающего наиболее общие свойства, и прономинального категориально-грамматического значения: би 'я (любое сообщающее лицо)', тийм 'такой (любой статичный признак)', тэг- 'так поступать; так делать (любой динамичный признак)', энд 'здесь (любое место, где находится говорящий)', тэдий 'столько (любой количественный признак как итоговая сумма)'.

Лексическое значение в смысловом содержании монгольских местословий составляется, как было уже сказано выше, одним из пяти категориально-грамматических значений, включающим дополнительно деривационные грамматические значения. В качестве иллюстрации этого положения можно указать на некоторые важные деривационные грамматические значения монгольских местословий:

1) модальная характеристика местословий (определенность ‖ неопределенность ‖ вопросительность) – чи 'ты', хэн ч 'любое лицо, кто угодно', хэн 'кто?';

2) личная ‖ субъектная отнесенность определенных субстантивных местословий – би 'я', чи 'ты', өөрөө 'сам';

3) локальная характеристика определенных местословий (близкое или отдаленное расположение по отношению к сообщающему субъекту) – энэ 'этот', тэр 'тот', энд 'здесь', тэнд 'там'.

Основная часть деривационных грамматических значений в смысловом содержании монгольских местословий свойственна только им, составляя в сумме специфичную грамматическую особенность этой типовой группы монгольских вещественных слов, поэтому может служить дополнительным и контролирующим признаком при отнесении конкретных слов к местословиям.

Благодаря тому, что основные лексические значения монгольских местословий представлены категориально-грамматическими значениями субстантивности, адъективности, вербальности, адвербиальности и квантитативности, представляющими собой дополнительные грамматические значения в лексико-грамматических основах остальных пяти типовых групп вещественных слов, монгольские местословия соотносятся с последними как их схематичное абстрагированное обобщение, косвенно подтверждающее справедливость теоретического выделения в монгольских вещественных словах пяти типовых групп слов-названий и шестой типовой группы слов-указаний как объективно существующих типов в языковой системе. При этом монгольские местословия соотносятся не только с именными словами – существительными и прилагательными, как, например, местоимения в русском языке (насколько можно судить об этом по

материалам авторитетных исследований русского языка), но и с числительными, наречиями, и глаголами.

Соотношение это грамматическое, поэтому субстантивные монгольские местословия, соотносясь с существительными по субстантивному категориально-грамматическому значению в них, склоняются, а вербальные монгольские местословия, соотносясь с глаголами по вербальному категориально-грамматическому значению в них, спрягаются и т.д. Чтобы подчеркнуть эту весьма характерную особенность выделенной группы монгольских слов-указаний, существенно отличающую ее по объему от русских местоимений, в настоящей работе принят для них термин местословия*.

Итак, прономинальность монгольских вещественных слов-указаний, т.е. словесная воплощенность категориально-грамматических значений, составляя грамматическую сущность этих слов и проявляясь в грамматической соотнесенности их с вещественными словами-названиями, принимается в данной работе за основание для выделения шестой типовой группы вещественных слов монгольского языка, названных здесь термином "местословия" с содержанием, бóльшим по объему, чем в термине "местоимения" грамматики русского языка.

На основании сказанного сделаем выводы.

1. Вещественные слова в современном монгольском языке, как и в любом другом, составляют главный семантический фонд словаря. Они используются в предложениях как их члены и по своим существенным свойствам и признакам объединяются в типовые группы. Выявление этих объективно существующих групп слов в языке совершенно необходимо для систематического описания грамматического строя языка с перспективой ведущих и второстепенных элементов в нем. За типовыми группами вещественных слов монголь-

---

* Сложный термин местословие первым своим компонентом место- соотносится с общепринятым термином местоимение, раскрывая тем самым связь содержащегося в нем понятия с прономинальностью, а вторым своим компонентом -словие указывает на больший объем своего понятия, не ограниченный только соотнесенностью с именами существительными и прилагательными, как это свойственно термину местоимение. Термин местословие предложен автором настоящей работы в докладе о монгольских местоимениях, прочитанном в 1951 г. на заседании кафедры монгольской филологии восточного факультета ЛГУ и на заседании лингвистического объединения при том же факультете, не встретив, однако, сочувствия. Основаниями для введения этого термина здесь служат отмеченная специфика монгольских слов-указаний, использование термина төлөөнэй үгэ 'заместительное слово' в бурятских учебных грамматиках [16, с. 94-101], использование термина төлөөний үг 'заместительное слово' в монгольских учебниках по языку (в последние годы автор данной работы термину местословие предпочел термин общесловие. – Ред.).

ского языка, учитывая при этом опыт русских языковедов (главным образом работы Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского и В.В. Виноградова, а также В.А. Богородицкого, А.А. Шахматова и Л.В. Щербы), целесообразно закрепить термин *части речи*, подчеркивая тем особое и исключительно большое значение этих слов в системе языка *. В данной работе сделана попытка посредством семантической классификации выявить объективно существующие группировки вещественных слов – частей речи в современном монгольском языке.

2. За основание деления в семантической классификации вещественных слов монгольского языка принимается их категориально-грамматическое значение, представляющее собой их грамматическую сущность.

3. Выявляется система шести разновидностей категориально-грамматических значений, соотнесенных между собой в следующем виде: относительно независимая субстантивность как стержень всей системы семантических взаимоотношений частей речи; с ней непосредственно соотносятся адъективность и вербальность; с вербальностью соотносится адвербиальность; с субстантивностью и вербальностью – квантитативность... Системе этих пяти категориально-грамматических значений противостоит прономинальность (словесная воплощенность их); прономинальность, соотносясь с каждым из пяти дополнительных в основе слова категориально-грамматических значений в отдельности, отражает собой всю их систему в целом.

4. Противопоставление прономинальности остальным пяти категориально-грамматическим значениям концентрированно выражает различие двух основных группировок вещественных слов, выделяя *слова-названия* и *слова-указания*.

5. Пять категориально-грамматических значений, дополнительных в смысловом содержании основ вещественных слов-названий, выделяют в них пять частей речи – существительные, прилагательные, глаголы, наречия и числительные, а взаимоотношение этих значений, схематично представленное выше, намечает логический порядок в системе выделенных пяти частей речи, обусловливая тем самым порядок в их систематическом описании **.

6. Слова-указания, имея дополнительным значением только одно категориально-грамматическое значение – прономинальность, составляют одну часть речи – местословия, но внутри этой части речи

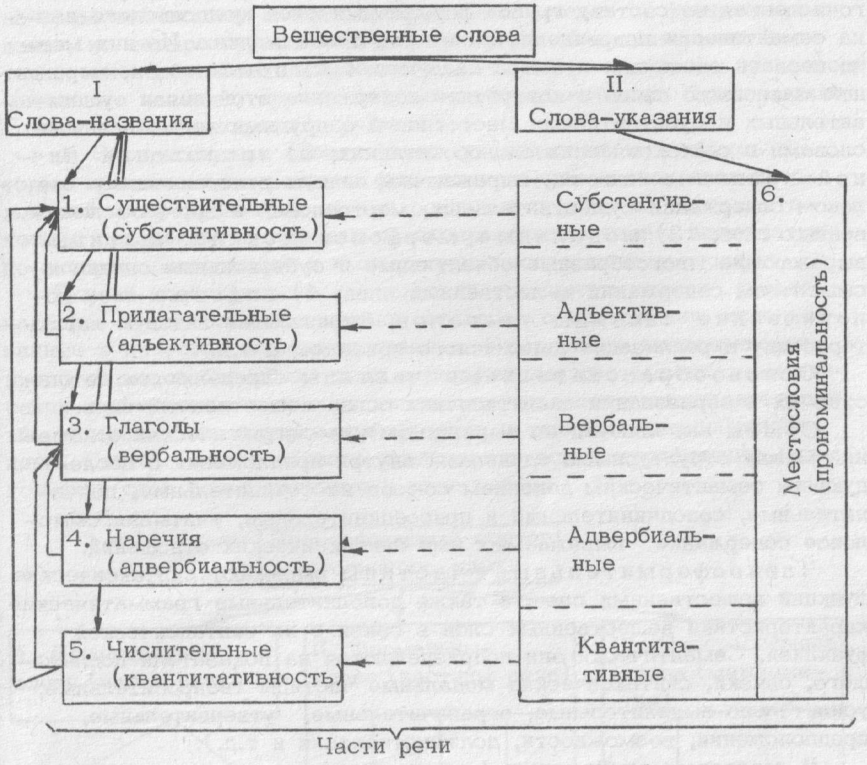
---

* В монголоведческих работах, как правило, основные группировки слов, независимо от деления последних на лексические типы вещественных, формальных и экспрессивных слов, называются одним общим термином *части речи*, выстраиваясь как бы в одну линию равноправных группировок слов. Система языка получает поэтому искаженное отражение в грамматике со сдвинутой перспективой ее различных частей.

** Нарушение этого порядка в начале данного параграфа – 1) глаголы, 2) существительные, 3) прилагательные – обусловлено только способом изложения материала и не касается его содержания: субстантивность удобнее излагать на фоне уже выделенной вербальности.

подразделяются на пять разрядов в зависимости от лексических значений, соотносясь с пятью частями речи слов-названий как их обобщенные указания.

7. Все изложенное в данном параграфе можно проиллюстрировать следующей схемой частей речи в современном монгольском языке (шесть частей речи, основания их выделения и их семантическое соотношение):

Категориально-грамматическая классификация вещественных слов современного монгольского языка

§ 14. Функционально-семантическая классификация формальных слов

Формальные слова в современном монгольском языке выделяются по их формальному беспонятийному лексическому значению, неразрывно связанному с их служебной ролью. Они участвуют в образовании аналитических форм и аналитических основ вещественных слов, оформляют структурные единицы внутри предложения и связывают их между собой. Эта служебная роль в ее четырех основных разновидностях составляет грамматическую сущность формальных слов – их категориально-грамматические значения, которые

берутся в данной работе основаниями классификации формальных слов, по существу функциональной. Таким образом, мы имеем четыре основные функциональные группы формальных слов с последующим делением этих групп по более конкретным семантическим признакам функционирования формальных слов.

Формообразовательные частицы выделяются по признаку участия в аналитических формах вещественных слов. Эта многочисленная по составу группа формальных слов монгольского языка семантически подразделяется на ряд более мелких. Из них можно назвать здесь для примера следующие: 1) послелоги, выражающие зависимую связь и конкретное содержание этой связи существительных и субстантивных местоимений с другими вещественными словами в синтаксических словосочетаниях; 2) показатели личной принадлежности, выражающие личную отнесенность в смысловом содержании существительных, местоимений и других вещественных слов; 3) модальные морфологические частицы, выражающие многообразные объективные и субъективные оценки в смысловом содержании вещественных слов; 4) видовые морфологические частицы глаголов, выражающие видовую характеристику в реализации динамичного признака, и т.п.

Основообразовательные частицы определяются по участию их в образовании аналитических основ вещественных слов.

Союзы выделяются по выражению ими синтаксических отношений между структурными единицами внутри предложения с последующим семантическим делением союзов на сочинительные, подчинительные, соподчинительные и присоединительные, учитывая смысловое содержание выражаемых ими синтаксических отношений.

Членоформительные частицы выражают синтаксические функции вещественных слов, а также дополнительные грамматические характеристики вещественных слов в связи с их синтаксической функцией. Семантически они подразделяются на показатели подлежащего, связки, синтаксические модальные частицы (вопросительные, усилительно-выделительные, ограничительные, утвердительные, предположения, возможности, долженствования и т.д.).

В советском языкознании формальные слова называются также удачным термином частицы речи. Сопоставление его с термином части речи для вещественных слов хорошо подчеркивает различное грамматическое значение этих основных группировок слов в языке. Поэтому оба эти термина в указанном здесь значении применяются в настоящей работе при классификации монгольских слов.

§ 15. Семантическая классификация монгольских слов

Попытаемся сделать краткие выводы по всей классификации, изложенной выше (см. § 11-14).

1. Все монгольские слова по их лексическому значению делятся на три группы: 1) вещественные слова, или части речи, 2) формальные слова, или частицы речи и 3) экспрессивные слова, или междометия.

2. Вещественные слова подразделяются на шесть частей речи по их категориально-грамматическим значениям, объединяясь в две группировки по степени отвлечения в их категориально-грамматическом значении: на слова-указания – местоимения – и слова-названия. Последние подразделяются на существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные.

3. Формальные слова могут быть разделены по их категориально-грамматическому значению, проявляющемуся в их функционировании, на четыре группы частиц речи: формообразовательные частицы, основообразовательные частицы, союзные частицы и членоформительные частицы; причем каждая группа делится на более мелкие группы по семантическим признакам.

4. Экспрессивные слова, общая грамматическая сущность которых проявляется в речевом функционировании их как слов-предложений, подразделяются на три основные группы по их семантическим признакам: эмоционально-экспрессивные слова, волонтативно-экспрессивные слова и имитационно-экспрессивные слова.

В этой классификации монгольских слов учитываются только наиболее существенные признаки смыслового содержания, использованные в качестве основания деления. Сама схема классификации представляет собой общий план в дальнейшем систематическом описании монгольских слов с их типовыми грамматическими категориями, типовым функционированием в речи и типовым словообразованием. Поэтому целесообразно представить всю классификацию монгольских слов более наглядно в виде схемы.

Семантическая классификация монгольских слов

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // ВЯ. – 1957. – № 3. – С. 31–43.
2. Аврорин В.А., Будагов Р.А. и др. Вопросы составления описательных грамматик // ВЯ. – 1954. – № 4.
3. Алексеев Д.А. Наречие в бурят-монгольском языке. – Улан-Удэ, 1941. – 119 с.
4. Алексеев Д.А. Части речи в бурят-монгольском языке. (Имена прилагательные) // Зап. ГНИИЯЛИ. – Улан-Удэ, 1941. – Т. V–VI. – С. 152–190.
5. Алексеев Д.А. К вопросу о классификации некоторых частей речи в бурят-монгольском языке // Бур.-монг. правда. – 1952. – 23 нояб.
6. Алексеев Д.А. Именные части речи в монгольских языках // ВЯ. – 1955. – № 3. – С. 35–47.
7. Амосова Н.Н. К вопросу о лексическом значении слова // Вестник ЛГУ. – 1957. – № 2. – С. 152–168.
8. Бертагаев Т.А. Проблема классификации частей речи. (На материалах монгольских языков) // Зап. Бур.-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. – Улан-Удэ, 1956. – Ч. XXI. – С. 32–64.
9. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань, 1849.
10. Виноградов В.В. Русский язык. – М.; Л., 1947.
11. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. – Л., 1929. – 436 с.
12. Дамдинсүрэн Ц., Цэвэгжав Б. Үсгийн дүрэмд сурах бичиг. – Улаанбаатар хот, 1946 он.
13. Дмитриев Н.К. Строй турецкого языка. – Л., 1939.
14. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.; Л., 1948.
15. Жданникова М.Н. Основные именные части речи в монгольском языке. Имена существительные и прилагательные: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1953.
16. Имехенов М.Н. Бурят-монгол хэлэнэй грамматика. – Часть I : Фонетикэ ба морфологи. Дунда ба х сэдбэшэ дунда пургуулиин 5 ба 6 класста зэхэ учебник. – Улаандэ, 1940. – 154 н.
17. Ковалевский О.М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. – Казань, 1835. – 197 с.
18. Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка, читанные приват-доцентом Санкт-Петербургского университета В.Л. Котвичем. – Спб. 1902. – 203 с.
19. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. – П., 1915.
20. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. – 2-е изд. – Прага, 1929.
21. Лувсанвандан Ш., Дэмчигдорж Б. Монгол хэлний зүй. Нэгдүгээр дэвтэр. Авиа ба үгсийн зүй. Бүрэн ба бүрэн биш дунд сургуулийн 5, 6 дугаар ангиудад үэнэ. – Улаанбаатар, 1951.
22. Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний зүйн сурах бичиг. Тэргүүн дэвтэр. Авианы зүй ба үгийн зүй. Дунд сургуулийн 5–6 дугаар ангид үэнэ. Улаанбаатар, 1956.
23. Лувсандэндэв А. Монгол хэлний үгсийн аймгийг ангилах тухай асуудалд // Монгол хэл бичгийн зарим асуудлууд. Эмхэтгэл. – Улаанбаатар, 1956. – Т. 24–32.
24. Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. 26–31 января 1953 г. – Улан-Удэ, 1955. – 206 с.
25. Монгол орос толь. Ерөнхийлөн редакторласан А. Лувсандэндэв. – М., 1957 (Монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. – М., 1957).
26. Монгол хэл бичгийн зарим асуудлууд. Эмхэтгэл. – Улаанбаатар, 1956.
27. Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции. – М.; Л., 1960. – 66 с.
28. Орловская М.Н. Основные именные части в монгольском языке. Имена существительные и прилагательные // Кратк. сообщ. Ин-та востоковедения. – М., 1956. – Т. XVIII. – С. 56–65.
29. Поппе Н.Н. Практический учебник монгольского разговорного языка. Л., 1931.
30. Поппе Н.Н. Строй халха-монгольского языка // Строй языков / Под общ. ред. А.П. Рифтина. – Л., 1936. – Вып. 3.
31. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. – М.; Л., 1937. – 196 с.
32. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. – М.; Л., 1938. – 268 с.
33. Поппе Н.Н. О частях речи в монгольском языке // Советское востоковедение ИВ АН СССР. – М.; Л., 1940. – Т. I.
34. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М., 1955.
35. Ринчинэ .Р. Учебник монгольского языка. – М., 1952.
36. Ринчинэ А.Р. Краткий монгольско-русский словарь. – М., 1974. – 424 с. – (Приложение: Санжеев Г.Д. Краткий грамматический очерк).
37. Руднев А.Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. – Спб., 1905.
38. Санжеев Г.Д. Синтаксис монгольских языков. – М., 1934.
39. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. – М.; Л., 1940.
40. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. – М.; Л., 1941. – 188 с.
41. Санжеев Г.Д. К проблеме частей речи в алтайских языках // ВЯ. – 1952. – № 6. – С. 84–102.
42. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. – М., 1953. – Т. I. – 240 с.
43. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. – М., 1951.
44. Цэвэгжав Б. Хэлний зүй. Бага сургуулийн 4 дүгээр ангид үэнэ. Улаанбаатар, 1947, 1954.
45. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.
46. [Poppe N.] Introduction to Mongolian Comparative Studies by... // Méroires de la Société Finno-ougrienne. – Helsinki, 1955. – V. 110.
47. [Schmidt I.J.] Grammatik der mongolischen Sprache. – St.-Petersburg, 1831.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Структура монгольского слова 5

§ 1. Морфемы. Звуковые оболочки морфем 5
§ 2. Слово и грамматическая форма 6
§ 3. Нулевые морфемы 6
§ 4. Типы морфем 7
§ 5. Простые и сложные слова 15
§ 6. Основа 17

Глава II. Грамматические способы при морфологических процессах в современном монгольском языке 23

§ 1. Морфологические процессы 23
§ 2. Аффиксация 24
§ 3. Конверсия 30
§ 4. Лексико-семантический способ 33
§ 5. Основосложение 34
§ 6. Формосложение 39
§ 7. Лексикализация 40
§ 8. Сокращение 44
§ 9. Способ формальных слов 46
§ 10. Грамматикализация 49

Глава III. Типы слов в современном монгольском языке 51

§ 1. Структурная классификация 52
§ 2. Определяющая роль значения в формировании слова 57
§ 3. Смысловое содержание слова 60
§ 4. Лексическое значение слова 60
§ 5. Грамматическое значение в слове 64
§ 6. Реляционные грамматические значения в слове 65
§ 7. Деривационные грамматические значения 68
§ 8. Категориальное грамматическое значение 71
§ 9. Краткий обзор классификаций слов в русском и советском монголоведении 76
§ 10. Краткий обзор классификаций монгольских слов в языкознании МНР 84
§ 11. Критерии семантической классификации монгольских слов 88
§ 12. Лексическая классификация слов 89
§ 13. Категориально-грамматическая классификация вещественных слов 91
§ 14. Функционально-семантическая классификация формальных слов 107
§ 15. Семантическая классификация монгольских слов 108

Литература 110

Научное издание

Наделяев Владимир Михайлович

СОВРЕМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК
Морфология

Редакторы издательства А.Б. Григоренко,
В.И. Смирнова

Художник Е.Ф. Гришин

Технический редактор Н.М. Остроумова

Корректоры Е.Н. Зимина, В.В. Борисова

ИБ № 30489

Сдано в набор 09.12.87. Подписано в печать 04.04.88.
Формат 60x90 1/16. Бумага кн.-журн.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7. Усл. кр.-отт. 7,4.
Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 1000 экз. Заказ № 1239.
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука", Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.